

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Science. Culture. Society

№ 4 / 2024

Том 30

DOI: [10.19181/nko.2024.30.4](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4)

EDN: [HZNCES](https://www.edn.org/HZNCES)

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК (К2). Включён в Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ).

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2024

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и государственного управления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, РГГУ.

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет

Дудина Виктория Ивановна, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, профессор, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Казахстан).

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Константинова Лариса Владимировна, доктор социологических наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, доцент, Воронежский филиал РАНХиГС.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladmir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS; RSUH.

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Galina S. Denisova, Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University

Victoria I. Dudina, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Miroљub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, Professor, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University; North-Western Institute of Management – Branch of RANEPА.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Larisa V. Konstantinova, Doctor of Sociology, Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franс E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

- Алиев Д. Ф.*
Гибридная война в контексте информационного противостояния 8
- Великая Н. М.*
Партии парламентской оппозиции на выборах в представительные
органы местного самоуправления в 2024 году 21
- Анищенко А. В.*
Политическое участие и цифровые коммуникации россиян
после начала СВО: особенности и основные формы 36

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Гуселетов Б. П.*
Успех евроскептических оппозиционных сил на выборах депутатов
Европейского парламента 2024: причины и следствия. 52

ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

- Селезнёв И. А.*
Исторический опыт шести волн русской эмиграции
и актуальная политика предотвращения «утечки мозгов» 68
- Дождиков А. В.*
К вопросу о рабочей модели модернизации
Единого государственного экзамена для преодоления неравенства
доступа к высшему образованию 79

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

- Кублицкая Е. А.*
Интеграционные процессы ЕАЭС в оценках российских граждан 96

ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

- Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.*
Социокультурные установки в саморегуляции представлений
молодёжи о будущем. 112
- Велес Д. А., Салдуа Л. К., Морено А. Ш., Сантандер Э. Э., Гамос В. Э.*
Комедийные стили в медиа-форматах разных поколений
(на примере Филиппин) 134

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Федорова С. А.

Сравнительная аналитика эмпирических онтологий

А. Н. Уайтхеда и Б. Латура 150

ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ЮБИЛЕИ

От редакции

Тощенко Жану Терентьевичу, члену-корреспонденту РАН – 90 лет! 170

MODERN POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

- Aliiev, D. F.*
Hybrid warfare in the context of information confrontation 8
- Velikaya, N. M.*
The parties of the parliamentary opposition in the elections
to representative bodies of local self-government in 2024. 21
- Anishchenko, A. V.*
Political participation and digital communications of Russians
after the start of the SMO: features and main forms 36

INTERNATIONAL RELATIONS

- Guseletov, B. P.*
The success of the Eurosceptic opposition forces in the European Parliament
deputies' elections 2024: causes and consequences 52

POLITICS AND SOCIAL SPHERE OF SOCIETY

- Seleznev, I. A.*
The historical experience of the six waves of Russian emigration
and the current policy of preventing brain drain 68
- Dozhnikov, A. V.*
On the issue of a working model for modernizing the Unified State Exam
to overcome inequality of access to higher education 79

EURASIAN INTEGRATION

- Kublitskaya, E. A.*
The integration processes of the EAEU in the assessments
of Russian citizens 96

GLOBAL AND LOCAL TRENDS IN CULTURAL DEVELOPMENT

- Zubok, Yu. A., Seliverstova, N. A.*
Sociocultural attitudes in the self-regulation of youth's
ideas about the future 112
- Velez, D. A., Saldua, L. C., Moreno, A. C., Santander, E. E., Gamos, V. A.*
Comedic styles in media formats across generations:
a case study of the Philippines 134

THEORY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL SCIENCE

Fedorova, S. A.

Comparative analytics of empirical ontologies
of A. N. Whitehead and B. Latour. 150

GREETINGS AND ANNIVERSARIES

Editorial note

Zhan T. Toshchenko – 90! 170

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.1](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.1)
EDN [JEZBRE](https://edn.nko.ru/10.19181/nko.2024.30.4.1)
УДК 316.422+32.019.5

Д. Ф. Алиев¹

¹ Российский государственный социальный университет. Москва, Россия

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Аннотация. В статье выявляется специфика информационного воздействия на аудиторию противника в конфликтах гибридного формата. Отмечая трудности методологического и правового характера в поисках адекватного определения понятия «гибридная война», автор даёт краткий обзор основных научных подходов к изучению проблематики гибридных войн в современной академической литературе. Подчёркивается, что способы гибридного воздействия на массы являются результатом глобализации и формирования информационного общества. Особенности неконвенциональных приёмов в военно-политических конфликтах рассматриваются автором в контексте политики постправды. Анализируются объективные предпосылки для распространения различных способов манипулирования информацией в целях достижения политического превосходства над противником. Существующие методы когнитивного воздействия на сознание граждан рассматриваются как оружие, которое применяется участниками военно-политического противостояния анонимно, без объявления войны. Автор приходит к выводу о том, что успех гибридных атак зависит не столько от технологий, сколько от способности властей поддерживать социально-политическую стабильность в государстве.

Ключевые слова: гибридная война, информационное воздействие, информационно-психологическая операция, неконвенциональный конфликт, постправда, постфактическая политика, политическая дестабилизация, массовое сознание, целевые аудитории, медиаобраз

Для цитирования: Алиев Д. Ф. Гибридная война в контексте информационного противостояния // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 8–20. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.1](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.1). EDN [JEZBRE](https://edn.nko.ru/10.19181/nko.2024.30.4.1).

Актуальность исследуемой темы. Получивший в последние годы широкое распространение в политических науках термин: «гибридная война» с полным основанием можно отнести к концепту «мягкой силы», понимаемой как формула соблазна у Бодрийяра [1]. Успех гибридных атак обусловлен не столько превосходством в численности и технике, сколько умением оказывать информационное воздействие на сознание противника с целью вызвать внутренние конфликты и политическую дестабилизацию. Комплексная информационная «обработка» сознания целевых аудиторий способствует снижению уровня критичности воспринимаемых сообщений у граждан и создаёт условия для психологической готовности потреблять пропагандистские клише. Подобные методы ведения войны невоенными средствами оказываются не менее эффективными, чем классическая боевая операция.

Множественные военные конфликты последнего времени, сопровождающиеся гибридным информационным взаимодействием, актуализируют проблематику гибридных войн в современных научных исследованиях. Бурный рост

новейших технологий, позволяющий обеспечить доминирование в военной сфере и произвести ненасильственные государственные перевороты, стимулирует политические и научные круги заняться вопросами обеспечения национальной безопасности и предотвращения угроз государственному суверенитету. Понимание сущности и особенностей неконвенциональных методов воздействия на общество со стороны противоборствующих сторон конфликта даёт возможность выстроить систему эффективного отражения новых угроз политического, экономического и военного характера.

Целью данной статьи является анализ феномена «гибридной войны» как вполне «старой» политической технологии, но в современном понятийном дизайне. Мы полагаем, что неконвенциональные способы ведения современной войны окружены завесой домыслов и мифов, которые, в свою очередь, являются следствием информационно-пропагандистской работы конфликтующих сторон. В то же время необходимо учитывать и социально-культурный контекст анализируемого явления. Глобализация способствует не только появлению технологий, позволяющих эффективнее осуществлять информационные атаки на противника, но и оказывает влияние на сознание целевых аудиторий. Сложности проверки информации на достоверность, диффузия ценностей, этический релятивизм и другие характерные особенности социально-политических изменений, которые получили название «постправда», – вместе формируют условия для широкого распространения всех возможных форм политического доминирования, в том числе и гибридных.

Обзор литературы. Данная тема приобрела популярность среди исследователей политических феноменов в середине 90-х годов прошлого столетия. Основное внимание уделялось межгосударственным конфликтам. Западные подходы к «гибридной войне» опираются на традиции исследований, заложенных Ф. Хоффманом [2] и Джозефом Наем [3], когда новые формы военно-политического противостояния видятся как продолжение предыдущих фаз идеологических конфликтов. Особое значение в западной литературе придаётся технологиям информационно-психологического воздействия на противника. Здесь в первую очередь можно отметить классический труд Пола Лайнбарджера «Психологическая война: теория и практика обработки массового сознания», в котором автор ссылается на личный опыт работы в сфере политической пропаганды [4]. Обзор наиболее эффективных технологий гибридного характера содержится в исследовании Скотта Макдональда [5].

В отечественной науке акцент делается на изучении «цветных революций» и способах защиты от них [6; 7]. Некоторые авторы ставят под сомнение сам концепт «гибридная война», полагая, что он лишён научного содержания [8]. Появляются работы, в которых исследуется роль массовых коммуникаций в конфликтах неконвенционального характера [9]. Исследуются и правовые аспекты неконвенциональных войн [10]. Не остаётся без внимания анализ применения технологии «мягкой силы» в современном военно-политическом конфликте [11]. С началом СВО публикуются работы теоретического характера, в которых обобщается накопленный за прошедшие годы научный материал [12; 13].

Что такое «гибридная война»? От термина к исследовательской парадигме. Согласно нормам международного права осуждаются те государства, которые ведут агрессивные войны, что означает «применение вооружённой силы

государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности и политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН.

При этом следует иметь в виду юридическую неразграниченность понятий «военный конфликт» и «война». Под военным конфликтом обычно понимают «любую ситуацию, независимо от её правовой квалификации, в которой две стороны противостоят друг другу с оружием в руках» [14]. Кроме того, термин «военный конфликт» характеризует реалии XX века и впервые появляется в тексте Женевской конвенции 1949 года о защите жертв войны. В этом и последующих международных Актах устанавливаются средства и пределы разрешения конфликта¹. Однако в этих политических документах нет чёткого определения сущности войны и военного конфликта, что, в свою очередь, создаёт проблемы для применения международного гуманитарного права, поскольку участники конфликта могут интерпретировать его в собственных интересах.

Проблема осложняется также отсутствием ясности с определением субъекта современного неконвенционального конфликта. В классической войне ответственность за военные действия возложены на правительства государств, вовлечённых в противостояние. Но если участники конфликта анонимны в политико-правовом смысле, тогда не понятно, как классифицировать сам конфликт.

В настоящее время термин «гибридная война» все чаще используется как в журналистике, так и в научной литературе в связи с обострением международной обстановки и «расползанием» по миру региональных конфликтов различной интенсивности. Разброс мнений и оценок данного феномена в военной и академической средах довольно широк [15].

Считается, что термин «гибридная война» появился впервые в документах Пентагона в середине двухтысячных годов; он обозначал военные операции низкой интенсивности, осуществляемые военными и невоенными способами. При этом, как отмечают некоторые авторы, наблюдается противоречие в определении военного конфликта даже внутри силовых ведомств США. Да и не только внутри, например, конфликт Москвы и Тбилиси в 2008 г. представители американских спецслужб называют «традиционным», а в ВВС – «гибридным» [16, с. 58].

Начальник Генштаба ВС РФ В. Герасимов сделал прогноз о том, что гибридные формы войны идут на смену концепции бесконтактных войн [17]. Ряд авторов довольно скептически относятся к использованию данного термина, поскольку слишком широкое толкование приводит к размыванию понятийных границ между разными типами военных действий [2, с. 7]. В качестве альтернативы предлагаются другие определения военным действиям современного типа: иррегулярные войны и операции полного спектра [18].

В задачи этой статьи не входит обзор существующих сегодня определений гибридной войны. Отметим только, что попытки исследовать многочисленные формы неконвенциональных войн с использованием политических, экономических и пропагандистских методов воздействия на противника предпринимались давно. В этой связи можно вспомнить идеи русского военного аналитика Е. Э. Меснера, предложившего в 30-е годы XX в. концепт «мятежевойны», который соответствует критериям современных военно-политических конфликтов неконвенционального типа [19, с. 52]. Именно этот русский военный мыслитель

¹ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // ООН. URL https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

сумел спрогнозировать возрастание роли идеологического сопровождения военных операций в будущем.

Идеология воздействует на целевые аудитории таким образом, что в них формируются определённые социо-психологические установки, которые позволяют элитам консолидировать общественное мнение вокруг декларируемых целей войны.

Информация как оружие. Если понимать под «гибридной войной» комплекс мер, направленных на изменение общественного сознания и дестабилизацию политической ситуации в странах вероятного противника, тогда информационно-пропагандистская составляющая приобретает ещё большую важность.

Информационное общество, как считает Мануэль Кастельс, обладает сетевой структурой, когда практически невозможно определить, где у государства центр, а где периферия. Этот тип общества характеризуется бурным ростом технологий, которые делают нашу жизнь комфортней, но и порождают много негативных явлений: размывание границ морали, эрозию традиционных ценностей и широкое распространение фейков во всех сферах человеческой деятельности. Влияние СМИ на индивида стало абсолютным. Как изящно выразился американский публицист Дэниэл Бурстин: «Никакая реальность не станет действительностью, пока её не покажут по телевизору» [20].

Всеобщая информатизация создаёт условия, когда анонимные группы индивидов способны причинить серьёзный ущерб не только отдельным гражданам и организациям, но и государственным институтам. Учитывая взаимосвязанность всех элементов системы современных экономик, достаточно вывести из строя один элемент, чтобы вызвать цепную реакцию негативных последствий в глобальном масштабе. Хакерские и DDoS атаки на административные учреждения, финансовые структуры, транспортные и логистические хабы, осуществляемые криминальными группировками под прикрытием спецслужб государств, претендующих на лидерство в «большой» политике, подтверждают данный тезис.

Вне всякого сомнения, информация сегодня является эффективным оружием в политической борьбе. Государства активно используют информационно-психологические операции против своих противников во внутренней политике и на международной арене. Информационные ресурсы стали важным фактором обеспечения государственной безопасности и продвижения национальных интересов в глобальном мире.

Сам термин «информационная война», как считают многие учёные, впервые был употреблён американским физиком Томасом Роной в докладе, подготовленном для компании «Боинг» в 1976 г. В этом документе Рона делает акцент на возрастание роли информационного противодействия политике противников США в обозримом будущем. К его прогнозам серьёзно отнеслись в американском истеблишменте, и учёный в дальнейшем стал советником по науке в администрациях Р. Рейгана и Дж. Буша. Окончательно этот термин вошёл в широкое употребление в военных кругах и в политических науках после 1998 г. [21].

В современной научной литературе под информационной войной понимают «комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов, а также защита от подобных воздействий» [22]. Иначе говоря, любое манипулирование информацией противника с целью сформиро-

вать в общественном мнении противоборствующей стороны искажённое представление о реальной ситуации можно определить как информационную войну.

Следует отметить тот факт, что вокруг концепта «информационная война» продолжаются научные споры [23]. В данной статье понятия «информационная война», «информационное противоборство» и «информационно-психологическая операция» рассматриваются как синонимы. Мы полагаем, что информационная война может быть описана следующим образом.

Во-первых, это операции по выведению из строя технических средств связи и коммуникации. Например, недавняя операция спецслужб Израиля, когда произошли взрывы пейджеров у членов экстремистской организации «Хезболла»².

Во-вторых, традиционные методы дезинформирования противника: размещение в СМИ фейковых новостей, распространение слухов, организация «утечек» из переписки государственных чиновников и политиков. Во время военного конфликта все стороны стремятся максимально дезинформировать противника и аудитории третьих стран. Так, только за 2022 год с начала военного конфликта на Украине силами пропагандистских центров Киева было подготовлено и запущено более 3000 фейковых сообщений политического характера³. Также можно вспомнить и сообщения в интернете о смерти Байдена, «Байден умер»⁴ и рассуждения политолога В. Соловья* о двойниках Владимира Путина⁵.

В-третьих, навязывание аудитории противника политических тем, которые невротизируют потребителей такого контента и способны спровоцировать внутривосточный кризис. Распространение украинскими пропагандистами недостоверных сведений о том, как служащие ВСУ помогают мирным гражданам в сёлах Курской области, относится к такому типу манипулирования информацией⁶.

Отдельно следует упомянуть информационные кампании по дискредитации политических и государственных деятелей. В этом случае мы имеем дело с коррупцией в сфере медиа, когда вполне уважаемые СМИ занимаются трансляцией недостоверной информации. Цель подобных акций – сформировать негативное отношение в обществе к представителям власти и невротизировать потребителей политических известий. Под видом «журналистских расследований» пользователям медиа ресурсов сообщают подробности о предосудительном поведении политиков и членов их семей. Такую информацию довольно трудно проверить неискущённому человеку. При этом если «расследование» основано на домыслах и слухах, в аудиториях возникает раздражение на власть имущих.

Как свидетельствует независимый исследователь кампании по дискредитации Дональда Трампа в период его президентства Тьерри Мейсан, информаци-

² Романов Р. В Ливане взрываются пейджеры: что дальше // Ведомости. 19.09.2024. URL <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/09/19/1063104-v-livane-vzrivayutsya-peidzheri-chto-dalshe> (дата обращения: 01.10.2024).

³ Год фейков. Большое расследование дезинформации от украинских ЦИПСО // Verumreactor. 19.03.2023. URL <https://verumreactor.ru/2023/03/год-фейков-большое-расследование-дез/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Cantor M. Nearly 50 news websites are 'AI-generated', a study says. Would I be able to tell? // The Guardian. 08.05.2023. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/may/08/ai-generated-news-websites-study> (accessed: 02.04.2024).

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

⁵ Куда пропал «враг Кремля» профессор Соловей*: Опубликованы новые откровения // Царьград. 01.03.2023. URL: https://tsargrad.tv/news/kuda-propal-vrag-kremlja-professor-solovej-opublikovany-novye-otkrovenija_734107/nsk (дата обращения: 02.04.2024).

⁶ Миронов М. В МИД России заявили, что ВСУ распространяют фейки о Курской области // Газета. Ру. 28.08.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/08/28/23794849.shtml> (дата обращения: 01.10.2024).

онное давление на Трампа в 2016 году осуществляли несколько медийных ассоциаций: Media Matters (анализировала ошибки и оговорки политика во время публичных выступлений); American Bridge 21st Century (поиск компрометирующих видео на членов команды Трампа); Shareblue (распространение компрометирующей информации в интернете)⁷. Самого французского политолога можно подозревать в склонности к конспирологическим теориям. Однако приводимые им в исследованиях политического процесса в странах Запада факты подтверждают тезис о широком применении элитами гибридных форм в борьбе за власть [24, с. 120–145]. Конечной целью информационной диверсии является подрыв доверия граждан государственным лицам и институтам.

Следует подчеркнуть, что воздействие на общественное мнение с помощью медиа-ресурсов оказывается с того времени, как появились СМИ. Пропаганда используется в качестве серьёзного информационного оружия и сегодня, когда технических возможностей донесения необходимых сообщений до целевой аудитории стало гораздо больше. Про эффективность пропаганды заговорили после Первой мировой войны, в тот период страны Антанты стали применять масштабные и согласованные информационные атаки на войска противника.

Фундаментальные разработки концепции информационно-психологического воздействия на сознание противника появились после Второй мировой войны в западной научной литературе. Серьёзным и фундированным исследованием темы стала книга психолога и политолога Пола Лайнбаржера: «Психологическая война: теория и практика обработки массового сознания», в которой автор анализировал технологии информационного воздействия в исторической перспективе и с опорой на большое количество военных источников [4].

«Постфактическая политика» и СМИ. Использование информационных технологий как оружия в войнах современного типа трудно понять вне социально-исторического контекста XXI века. Политика замещения фактов искажённой информацией (post factual politics) сегодня определяется как постправда (post-truth). В данной статье мы не рассматриваем этот концепт как характеристику целой эпохи или как социокультурную парадигму. Мы анализируем постправду исключительно в контексте гибридной войны, в которой сознательное введение в заблуждение оппонента является всего лишь технологическим приёмом для достижения конкретных политических выгод. Отметим только тот факт, что данный концепт получает широкое распространение в результате глобализации с её негативными «побочными эффектами», как то: этическим релятивизмом, политической неопределённостью и социальной аномией.

Конспирологическое мышление в качестве психологической защиты индивида от давления избыточной информации, которую обычному гражданину трудно проверить на подлинность, также можно считать одним из условий популярности этого концепта. Неконвенциональные интерпретации событий или, как пишут журналисты, «ложные» формы знания служат материалом для информационных операций, цель которых – спровоцировать негативную политическую мобилизацию («оранжевые революции») или усилить отчуждение социальных групп от власти в стране противника (политический абсентеизм). Не будем забывать и о том, что конспирологическое «знание» актуализируется

⁷ Мейсан Т. Кампания Клинтон по дискредитации Дональда Трампа // Voltairenet. 28.02.2017. URL <https://www.voltairenet.org/article195463.html> (дата обращения: 02.04.2024).

в те моменты, когда общество в целом или отдельные сообщества переживают психологический стресс в результате травмирующих событий. Здесь важно подчеркнуть, что не только сами события могут вызвать стресс, но и смысловая неопределённость, способная усиливать депрессивные состояния у граждан. Например, распад СССР был, несомненно, травмирующим событием, но возникший за этим идейный вакуум вызвал затяжной психологический кризис у большинства россиян, который ощущается ещё и сегодня, спустя 33 года после краха советской общественно-политической системы. О значении утраты смыслов подробно писал социолог Дж. Александер [25].

Если не поддаваться соблазну объяснять «постфактическую» политику исключительно особенностями функционирования массмедиа в информационном (постиндустриальном) обществе, то правомерен вопрос о том, как отличать факт от вымысла, репортаж о событии от фейковой новости?

В настоящее время нет «противоядия», снижающего вред политики постправды, то есть не существует универсальных методов проверки на подлинность многих месседжей, распространяемых сторонами, вовлечёнными в острое политическое противостояние гибридного формата. Кроме того, современный пользователь социальных сетей и мессенджеров предпочитает находиться в собственных «информационных пузырях», где любая «неудобная» информация отвергается как не аутентичная. Таким образом, подвергнувшийся медиавоздействию индивид открыт для информации, которая способна изменить его политические установки и даже повлиять на его систему ценностей.

Если сконструированное особым образом сообщение может оказать влияние на психику индивида, то массированная информационная атака на крупные людские контингенты затрагивает уже символическое измерение коллективных идеологических представлений. В этом случае меняется политическое поведение части или всего общества в том направлении, которое выгодно атакующей стороне в современной гибридной войне.

Некоторые авторы для анализа подобных технологий манипулирования массовым сознанием используют концепт «консциентальное оружие». Под этим термином понимают целенаправленную работу с сознанием с деструктивными целями. При этом авторы концепта подчёркивают различия между информационной войной и смысловой: первая оперирует информацией, а вторая внедряет в коллективное сознание культурные и смысловые шаблоны, меняющие фреймы восприятия реальности [26]. Подобный подход к определению сущности и целей гибридной войны нам представляется слишком «эзотеричным», чтобы использовать его в анализе современных политических противостояний. Вместе с тем невозможно игнорировать факт деструктивных медиа воздействий на гражданский сектор в ходе конфликта с целью получения военных и политических преимуществ.

В известной мере потребитель политического контента может рассчитывать только на собственную медиаграмотность, что позволяет ему критично воспринимать транслируемую СМИ информацию.

В дальнейшем остаётся надеяться на то, что практики публичной социологии и этические нормы, которые добровольно готовы соблюдать субъекты рынка информационных услуг, станут барьером на пути бесконтрольного применения фейков заинтересованными политическими и экономическими структурами. Пока же можно уверенно прогнозировать большее распространение технологий и приёмов манипулирования информацией в ходе гибридных конфликтов разной степени интенсивности и разного масштаба.

Попытаемся разобраться в причинах роста эффективности информационных операций в условиях «постфактической» политики.

Выше уже было отмечено, что конспирологические установки в глобализирующемся социуме образуют благоприятные условия для целенаправленного манипулирования массовым сознанием. Одновременно с такой реакцией граждан на нестабильность окружающей реальности активно формируются политические мифы, которые выступают в качестве основы для конструирования коллективных идентичностей в современном мире. Материалом для политического мифотворчества служат исторические концепции, призванные обосновать аутентичность актуального политического мифа и укрепить национальную идентичность. Не удивительно, что история сегодня используется как оружие в гибридных войнах. Когда сталкиваются между собой антагонистичные исторические нарративы, тогда политический конфликт неизбежно мутирует в прямое военное столкновение. Типичными примерами подобных конфликтов, в основе которых несовместимость политических мифов, являются противостояние Армении и Азербайджана; Сербии и Хорватии; Украины и Российской Федерации. В этих конфликтах «гибридность» проявляется в манипулировании научными теориями. Академические исследования «наполняются» идеологическим содержанием, особенно тексты о политических процессах.

Идеологическая индоктринация авторов и замалчивание альтернативных концепций анализируемой темы являются признаками «постфактической» реальности, которая, в свою очередь, способствует быстрому и успешному проникновению в общественное сознание деструктивных информационных сообщений⁸.

Ещё одним фактором, влияющим на популярность политики постправды и гибридных форм политического противоборства, несомненно, является монополизация информационных ресурсов в развитых государствах. Именно концентрация медийных ресурсов вокруг влиятельных политических сил обеспечивает успех спецопераций гибридного типа, как было во время президентских выборов в США и во Франции [27, с. 38–44].

Пределы эффективности информационного давления. Воздействие на сознание противника с целью подавить его волю мы определяем как информационно-психологическую операцию. Здесь уместно процитировать известного английского психолога: «армия не разбита, пока она не прониклась сознанием поражения» [28].

Однако можно предположить, что «податливость» коллективного сознания внешнему информационному воздействию обусловлена устойчивостью и жёсткостью политических мифологем, которые используют элиты для конструирования новых политических идентичностей. Если в обществе достаточно развиты социальные институты и прочны горизонтальные связи солидарности, то гибридное воздействие на общественное сознание будет иметь ограниченный успех.

Так, санкционное давление на Россию с начала военно-политического конфликта на Украине сопровождается масштабными информационно-пропагандистскими акциями; иными словами, в наличии все признаки гибридной войны, которую ведёт против нас коллективный Запад. Однако, несмотря на беспрецедентное давление и ущерб, нанесённый российской экономике санкционной

⁸ Лакатос И. Наука и псевдонаука: Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г. URL: <https://djvu.online/file/7nl4MAZYHGzO5> (дата обращения: 02.04.2024).

политикой, дестабилизировать политическую систему Российской Федерации и погрузить общество в затяжную депрессию противнику не удалось. Напротив, произошло «сплочение вокруг флага», что является признаком укрепления национальной идентичности россиян [29].

Кроме указания на ограниченный деструктивный потенциал операций гибридного формата, исследователи расходятся в определении их «побочных эффектов». Одни утверждают, что пропаганда стимулирует больший интерес к политическим темам в обществе; другие, напротив, считают её влияние на интерес граждан к политике незначительным [30, с. 335–336].

Тем не менее тщательно подготовленные информационно-психологические операции представляют серьёзную угрозу для современных обществ. Совершенствование технических средств медиа-воздействия на противника способствует увеличению результативности специальных пропагандистских акций. Прямая пропаганда с помощью листовок, плакатов и традиционных СМИ сегодня дополнена более сложными в применении средствами психологического воздействия на целевые аудитории. В период военного противостояния возможностей для манипулирования информацией становится больше, поскольку проверить поступающие со всех сторон сообщения практически невозможно. Борьба за информационное превосходство и контроль за политическим поведением контингентов населения государств противника ведётся в виртуальном пространстве. В частности, особенно популярными в последние годы стали информационные боты, которых применяют с целью переформатировать текущую политическую повестку. Если в начале внедрения данной технологии в политические коммуникации боты выполняли простейшие функции по автоматизации работы человека с информацией, то сейчас это уже полноценные бот-сети, способные взаимодействовать друг с другом и выполнять сложные задачи под управлением оператора.

Поскольку многие пользователи политических сегментов интернета замкнуты в своих «информационных пузырях», то с помощью ботов можно не только модерировать контент, но и подменять опасную правду другой «правдой», выгодной для определённой политической стороны конфликта. Программы, замаскированные под людей, широко применяются в самых разных сферах политики и бизнеса [31].

В настоящее время информационно-психологические операции строятся на комбинировании двух типов пропагандистских акций: «жёстких», направленных на дестабилизацию политической ситуации, и «мягких», которые влияют на политические установки людей, не подвергая деформации их ценности [32, с. 7].

Постоянное совершенствование механизмов и форм информационного воздействия на массы в период ведения гибридных войн требует от государств увеличения затрат на создание мощного информационно-пропагандистского аппарата. Вместе с тем гонка информационных технологий, используемых для нанесения ущерба противнику, негативно влияет и на качество жизни граждан противоборствующих стран. Наблюдения за гибридной войной на Украине подтверждают наш тезис: взаимное ограничение доступа пользователей к сетевым ресурсам и секьюритизация публичной политики способствуют разрушению коммуникации между нациями и людьми, осложняют экономические и культурные связи и ведут к деградации международной системы безопасности, сформированной после Второй мировой войны.

Заключение. Современные войны гибридного типа носят комплексный характер, в них сочетаются сразу несколько направлений активных действий: военных, экономических, политических, информационных, психологических. Среди этих направлений особенно широко применяются методы информационного (информационно-психологического) воздействия на целевую аудиторию вероятного противника.

Развитие новых сетевых коммуникационных технологий позволяет осуществлять враждебные акции вне политических границ и государственных юрисдикций. Как продукт глобализации гибридные войны часто ведутся из «политической тени», поскольку официальные представители конфликтующих сторон не признают ответственность за совершаемые враждебные действия в отношении друг друга.

Этический релятивизм и политика «постправды» образуют благоприятную среду для манипулирования информацией и проведения деструктивных спецопераций среди граждан атакуемых государств. Безусловно определённая зависимость человека от новых технологий способствует широкому распространению гибридных методов реализации политических интересов в мире.

Однако мы не разделяем алармизм тех авторов, которые абсолютизируют неконвенциональные способы добиваться политических выгод [33]. Сколь бы деструктивными не были цели противника, добиться тотального превосходства в современных конфликтах исключительно гибридными методами пока не получается. Мы полагаем, что успешность информационно-психологического воздействия на аудитории страны противника зависит от социально-политической обстановки в атакуемом государстве и от способности правительств адекватно реагировать на внутривнутриполитические проблемы в зоне своей ответственности.

Библиографический список

1. Soft Power: теория, ресурсы, дискурс / П. И. Агашкова, Е. Г. Грибовод, Д. Д. Гуляр [и др.]. Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2015. 376 с. EDN **TTOMAP**.
2. *Hoffman F.* Conflict in the 21st century: the rise of hybrid warfare. Arlington : Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p. Available at: http://www.projectwhitehorse.com/pdfs/HybridWar_0108.pdf (accessed 10.06.2018).
3. *Най Д. С.* Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век / пер. с англ. В. Н. Верченко. М. : АСТ, 2013. 444 с. ISBN 978-5-17-081896-9.
4. *Лайнбарджер П.* Психологическая война / пер. с англ. М. : Воениздат, 1962. 318 стр.
5. *Macdonald S.* Propaganda and information warfare in the twenty-first century. London : Routledge, 2007. 204 p. ISBN 978-0415545006.
6. *Манойло А. В.* Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Право и политика. 2015. № 7. С. 918-929. DOI [10.7256/1811-9018.2015.7.15832](https://doi.org/10.7256/1811-9018.2015.7.15832). EDN **UB1HZN**.
7. *Матвеева А. М.* Гибридные войны и цветные революции в геополитике постмодерна // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 96–111. EDN **LYRHQE**.
8. *Першин Ю. Ю.* Гибридная война: много шума из ничего // Вопросы безопасности. 2019. № 4. С. 78–109. DOI [10.25136/2409-7543.2019.4.30374](https://doi.org/10.25136/2409-7543.2019.4.30374). EDN **SJZWVZ**.
9. *Сосновская А. М.* Идеология и массовые коммуникации: гибридная война на Украине // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2016. Т. 7, №3. С. 134–142. EDN **YNBBEB**.
10. *Лановой В. Г.* Суверенитет и механизм правового регулирования как основные характеристики государственного управления // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : Матер. X Всерос. науч.-практич. конф. (Краснодар, 23.04.2021). Краснодар : КрУ МВД России, 2021. С. 136–140. EDN **KEWQFI**.
11. *Ивашов Л. Г.* Операции «мягкой силы» в гибридной войне // Геополитика и безопасность. 2017. № 3(39). С. 14–24. EDN **ZRWCDP**.
12. *Алиев Д. Ф., Тафинцев Д. В., Хазин А. Л. [и др.]* Гибридная война: в 2-х томах. Т. 1. М. : РГСУ, 2023. 315 с. ISBN 978-5-7139-1443-1.

13. *Панарин И. Н.* Основы теории «Гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 58–71. EDN [YRVNOT](#).
14. *Кувырченко Т. В.* К понятию вооружённых конфликтов: проблемы определения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4. С. 240–246. EDN [SZHZFJ](#).
15. *Иващенко М. А.* К вопросу о понятии и признаках гибридной войны // Российский следователь. 2021. № 12. С. 39–41. DOI [10.18572/1812-3783-2021-12-39-41](#). EDN [AANCJA](#).
16. *Коньшев В., Парфенов Р.* Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 12. С. 56–66. DOI [10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66](#). EDN [NQTLHW](#).
17. *Герасимов В.* Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником «традиционных» и «гибридных» методов ведения войны // Вестник Академии военных наук. 2016. № 2(55). С. 19–23. EDN [ZMVTPR](#).
18. *Коньшев В., Сергунин А.* Дискуссии о войнах будущего в российском экспертно-аналитическом сообществе: мифы и реальность // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 4(19). С. 100–114. EDN [RAMNMP](#).
19. *Домнин И.* От Первой мировой до «Третьей всемирной»: Жизненный путь Генерального штаба полковника Е. Э. Меснера // Хочешь мира, победи мятежевойну. Москва : Русский путь, 2005. С. 19–72. ISBN 5-85887-134-8.
20. *Бурстин Д.* Американцы: колониальный опыт / пер. с англ. М. : Прогресс, 1993. 480 с. ISBN 5-01-002601-5.
21. *Барабаш В., Котеленец Е., Лаурентьева М.* Информационная война: к генезису термина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 3(33). С. 76–89. EDN [BXTACB](#).
22. *Вирен Г.* Современные медиа: Приёмы информационных войн. М. : Аспект Пресс, 2013. 126 с. ISBN 978-5-7567-0701-4.
23. *Кихтан В. В., Качмазова З. Н.* Информационная война: понятие, содержание и основные формы проявления // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 2, № 2. С. 228–235. EDN [USGUUQ](#).
24. *Мейсан Т.* Преступления глубинного государства. От 11 сентября до Дональда Трампа / пер. с англ. М.: АСТ, 2017. 336 с. ISBN 978-5-17-104734-4.
25. *Александр Д.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40. EDN [PELCHZ](#).
26. *Бейлин М. В.* Консциентальные войны в эпоху информационных технологий // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 3(19). С. 169–177. EDN [VMQVEU](#).
27. «Политика постправды» и популизм / В. А. Ачкасов, Н. А. Баранов, Д. А. Будко [и др.]. СПб : Скифия-принт, 2018. 216 с. ISBN 978-5-98620-336-2. EDN [YTTLGX](#).
28. *Коупленд Н.* Психология и солдат / Пер. с англ. М. : Воениздат, 1991. 96 с. ISBN 5-203-01275-X.
29. Как живёшь, Россия?: Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2024. 89 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](#). EDN [INPEEV](#).
30. *Брайант Д., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ / пер. с англ. М. : Вильямс, 2004. 432 с. ISBN 5-8459-0597-4. EDN [QODEPH](#).
31. *Василькова В., Легостаева Н.* Социальные боты в политической коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 121–133. DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133](#). EDN [VUHAGU](#).
32. *Касюк А. Я.* Информационно-психологические операции: история и современность // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. № 1(794). С. 26–39. EDN [XQWEYH](#).
33. *Низовцева Н. Ф., Гришанин Н. В.* Гибридная война как геополитический тренд // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2016. Т. 7, № 3(25). С. 76–85. EDN [YNBBCD](#).

Поступила: 06.04.2024. Доработана: 02.10.2024. Принята: 21.10.2024.

Сведения об авторе:

Алиев Джомарт Фазылович, кандидат экономических наук, первый проректор, Российский государственный социальный университет. Москва, Россия.

kharchenkoDD@rgsu.net

Author ID РИНЦ: [1168750](#); ORCID: [0009-0009-0127-9414](#)

D. F. Aliev¹

¹ Russian State Social University, Moscow, Russia

HYBRID WARFARE IN THE CONTEXT OF INFORMATION CONFRONTATION

Abstract. The article reveals the place and role of information influence on the enemy's audiences in conflicts of hybrid format. A brief review of the main scientific approaches to the study of hybrid wars in modern academic literature is given. Methodological and legal difficulties in the search for an adequate definition of the concept of 'hybrid warfare' are noted. It is emphasised that the ways of hybrid influence on the masses are the result of globalisation and the formation of information society. The peculiarities of unconventional techniques in military-political conflicts are considered by the author in the context of the policy of 'post-truth'. The objective prerequisites for the spread of various ways of manipulating information in order to achieve political superiority over the enemy are analysed. The existing methods of cognitive influence on the consciousness of citizens are considered as weapons that are used by participants of military-political confrontation anonymously, without a declaration of war. The authors conclude that the success of hybrid attacks depends not so much on technology as on the ability of the authorities to maintain socio-political stability in the state.

Keywords: hybrid war, information influence, information-psychological operation, unconventional conflict, post-truth, post-factual politics, political destabilisation, mass consciousness, target audiences, media image

For citation: Aliev D. F. Hybrid warfare in the context of information confrontation. *Science. Culture. Society.* 2024;30(4):8–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.1>

References

1. Agashkova P. I., Gribovod E. G., Gular D. D. [et al.]. Soft power: theory, resources, discourse. Ekaterinburg: Discourse-Pi; 2015. (In Russ.).
2. Hoffman F. Conflict in the 21st century: the rise of hybrid warfare. Arlington, Virginia: Potomac Institute for Policy Studies; 2007. Available at: http://www.projectwhitehorse.com/pdfs/HybridWar_0108.pdf (accessed 10.06.2018).
3. Nye J. S. The future of power: how the strategy of smart power changes the 21st century. Moscow: AST; 2013. (In Russ.). ISBN 978-5-17-081896-9.
4. Linebarger P. Psychological warfare. Moscow: Voenizdat; 1962. (In Russ.).
5. Macdonald S. Propaganda and information warfare in the twenty-first century. London: Routledge; 2007. ISBN 978-0415545006.
6. Manoylo A. V. Hybrid wars and color revolutions in global politics. *Law and Politics.* 2015;(7):918–929. (In Russ.). DOI [10.7256/1811-9018.2015.7.15832](https://doi.org/10.7256/1811-9018.2015.7.15832).
7. Matveeva A. M. Hybrid wars and the color revolutions in geopolitics of postmodernism. *Locus: People, Society, Culture, Meanings.* 2019;(4):96–111. (In Russ.).
8. Pershin Y. Y. Hybrid warfare: lots of noise out of nothing. *Security Issues.* 2019;(4):78–109. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-7543.2019.4.30374](https://doi.org/10.25136/2409-7543.2019.4.30374).
9. Sosnovskaya A. M. Ideology and mass communication: the hybrid war in Ukraine. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta RANKhiGS.* 2016;7(3):134–142. (In Russ.).
10. Lanovoi V. G. Sovereignty and the mechanism of legal regulation as the main characteristics of public administration. In: Law and State: problems of methodology, theory and history: Mater. X All-Russian scientific-practical conf. Krasnodar: KrU MVD Rossii; 2021. P. 136–140.
11. Ivashov L. G. Operation “soft power” in a hybrid war. *Geopolitika i bezopasnost'.* 2017;(3):14–24. (In Russ.).
12. Aliev D. F., Tafintsev D. V., Khazin A. L. [et al.]. Hybrid war: in 2 vol. Vol 1. Moscow: RGSU; 2023. (In Russ.). ISBN 978-5-7139-1443-1.
13. Panarin I. N. The basics of the hybrid war theory. *The security problems institute of CIS.* 2019;(4):58–71. (In Russ.).
14. Kuvyrchenkova T. V. To the concept of armed conflict: problems of definition. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo.* 2014;(4):240–246. (In Russ.).

15. Ivaschenko M. A. On the concept and attributes of a hybrid war. *Russian Investigator*. 2021;(12):39–41. (In Russ.). DOI [10.18572/1812-3783-2021-12-39-41](https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-12-39-41).
16. Konyshov V., Parfenov R. Hybrid wars – between myth and reality. *World Economy and International Relations*. 2019;63(12):56–66. (In Russ.). DOI [10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66).
17. Gerasimov V. The Russian Federation defense organization in the conditions of the enemy application the traditional and “hybrid” methods of the war fighting. *Vestnik Akademii voennykh nauk*. 2016;(2):19–23. (In Russ.).
18. Konyshov V. N., Sergunin A. A. Discussions on future wars in the Russian expert-analyst community: myths and reality. *National Strategy Issues*. 2013;(4):100–114. (In Russ.).
19. Domnin I. From the First World War to the ‘Third World War’: Life Path of the General Staff Colonel E. E. Mesner. In: *You Want Peace, Win the Rebellion*. Moscow: Russkij Put'; 2005. P. 19–72. (In Russ.). ISBN 5-85887-134-8.
20. Boorstin D. *The Americans: the colonial experience*. Moscow: Progress; 1993. (In Russ.). ISBN 5-01-002601-5.
21. Barabash V., Kotelenets E., Lavrentieva M. Information warfare: studying the genesis of the terminology. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2019;(3):76–89. (In Russ.).
22. Viren G. *Modern media: information warfare techniques*. Moscow: Aspect Press; 2013. (In Russ.). ISBN 978-5-7567-0701-4.
23. Kikhtan V. V., Kachmazova Z. N. Information war: concept, contents and main forms of manifestation. *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*. 2018;2(2):228–235. (In Russ.).
24. Meyssan T. *Crimes of the Deep State: from September 11 to Donald Trump*. Moscow: AST; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-17-104734-4.
25. Alexander J. Cultural trauma and collective identity. *Sociological journal*. 2012;(3):5–40. (In Russ.).
26. Beilin M. V. Consciential wars in the era of information technologies. *Science. Art. Culture*. 2018;(3):169–177. (In Russ.).
27. Achkasov V. A., Baranov N. A., Budko D. A. [et al.]. Post-truth politics’ and populism. St. Petersburg: Scythia-print; 2018. (In Russ.). ISBN 978-5-98620-336-2.
28. Copeland N. *Psychology and the soldier*. Moscow: Voenizdat; 1991. (In Russ.). ISBN 5-203-01275-X.
29. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 54th stage of the sociological monitoring, April 2024. Moscow: FCTAS RAS, 2024. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024).
30. Bryant J., Thompson S. *Fundamentals of Media Effects*. Moscow: Villiams; 2004. (In Russ.). ISBN 5-8459-0597-4.
31. Vasilkova V., Legostaeva N. Social bots in political communication. *RUDN Journal of Sociology*. 2019;19(1):121–133. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133).
32. Kasyuk A. Y. Information warfare: history and contemporaneity. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2018;(1):26–39. (In Russ.).
33. Nizovtseva N. F., Grishanin N. V. Hybrid war as a geopolitical trend. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta RANKhiGS*. 2016;7(3):76–85. (In Russ.).

Received: 06.04.2024. Corrected: 02.10.2024. Accepted: 21.10.2024.

Information about the author:

Dzhomart F. Aliyev, Candidate of Economics, First Vice-Rector, Russian State Social University, Moscow, Russia. kharchenkoDD@rgsu.net
ORCID: [0009-0009-0127-9414](https://orcid.org/0009-0009-0127-9414)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.2)
EDN [NQZPG](https://edn.nqzpg.ru)
УДК 329.052:352

Н. М. Великая¹

¹ ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ПАРТИИ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ НА ВЫБОРАХ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 2024 ГОДУ

Аннотация. Статья посвящена анализу электоральных результатов оппозиционных политических партий на выборах в органы местного самоуправления, которые состоялись в сентябре 2024 года. Рассматривая оппозицию как важнейший элемент современной политической системы, автор обосновывает значимость присутствия оппозиционных политических партий на всех уровнях власти. На основе анализа актуальной электоральной статистики показано, что возможности политической конкуренции на выборах местного уровня несколько выше, чем на региональном и федеральном уровнях, что объясняется меньшей заинтересованностью региональной политической элиты определять муниципальное управление, особенно на фоне снижения бюджетной обеспеченности местного самоуправления и перманентных реформ местного уровня власти. Анализируя реформы местного самоуправления, автор приходит к выводу о постепенном встраивании органов МСУ в общую вертикаль власти и к воспроизводству его зависимости от власти федеральной и региональной. Это, в свою очередь, ведёт к низкому уровню доверия к МСУ со стороны граждан. При этом партии на местном уровне остаются важными акторами гражданского общества и основными участниками электорального процесса, однако его участниками в настоящее время становится менее половины из зарегистрированных политических партий. Автор показывает, что главным бенефициаром выборов становится партия «Единая Россия», в то время как оппозиционные партии довольствуются скорее участием, чем победой. Предложена типология оппозиционных политических партий, в основу которой положены активность участия в избирательных кампаниях (количество выдвинутых кандидатов, количество регионов, где партии принимают участие, количество полученных после распределения голосов мандатов).

Ключевые слова: местное самоуправление, местная власть, политические партии, оппозиция, выборы, электоральный процесс

Для цитирования: Великая Н. М. Партии парламентской оппозиции на выборах в представительные органы местного самоуправления в 2024 году // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 21–35. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.2). EDN [NQZPG](https://edn.nqzpg.ru).

Введение. Особенности функционирования парламентской оппозиции являются предметом рассмотрения как политических, так и социологических исследований, сама парламентская оппозиция рассматривается как важнейший элемент современной политической системы, обеспечивающий эффективную политическую конкуренцию и легитимную сменяемость власти.

При этом успешность участия в избирательных кампаниях местного и регионального уровня является важнейшим фактором результативности на федеральных выборах, в связи с чем для всех партий год, предшествующий парламентским выборам, становится важнейшим этапом политической работы, который позволяет увидеть слабые места электоральной стратегии, определить наиболее значимую для своего электората повестку, выявить потенциаль-

ных лидеров и аутсайдеров предстоящих выборов. В выборах местного уровня принципиальным является и то, что в них участвуют и непарламентские пока партии, но имеющие амбиции стать таковыми.

Анализ местных выборов представляется важным и в силу особой приближённости избираемой местной власти к населению. Местное самоуправление (МСУ) не случайно называют школой народовластия и важнейшим институтом гражданского общества. Это тем более справедливо для России, где на огромном пространстве нашей страны важнейшую роль играют местные территориальные сообщества, объединения депутатов местных органов власти и их активных сторонников. Основанное на принципах гражданской самоорганизации, солидарности и соучастия, оно обеспечивает гражданам возможность принимать политические и управленческие решения по вопросам местного значения, затрагивающим повседневную жизнь жителей муниципалитета, что отражено и в Европейской хартии МСУ¹, подписанной РФ в 1995 г., и в современных теориях управления.

Вместе с тем с начала 1990-х гг. вплоть до конституционной реформы 2020 г. статус местного самоуправления оставался недостаточно определённым. В течение практически тридцати лет местное самоуправление рассматривалось как абсолютно независимое, существующее на внесударственной основе [1, с. 92], что не соответствовало складывающимся практикам управления.

Участие в местных выборах политических партий и оппозиционных политических партий в частности, не только формирует политически конкурентную среду и способствует партийной системе, но и повышает интерес к выборам, вовлекая в избирательный процесс жителей.

Теоретическая и эмпирическая база исследования. Несмотря на значительный интерес исследователей к электоральной проблематике, выборы местного уровня не часто становятся предметом научного анализа. Из наиболее значимых работ, посвящённых выборам в органы местного самоуправления, назовём труды А. Кынева и А. Любарева [2; 3; 4]. Проблемы оппозиционных настроений на местном уровне опосредованно рассматривались в статьях, рассматривающих гражданский активизм на местном уровне [5; 6]. Специфика развития местных сообществ и их участие в избирательном процессе была отражена в ряде монографий [7; 8]. Для нашего исследования представляются значимыми работы Д. Тева и Т. Ткачевой, в которых анализировались выборы в представительные органы городов-столиц субъектов Федерации [9; 10]. Вместе с тем большинство работ, анализирующих выборы в органы МСУ, сосредотачиваются на проблемах избрания глав местного самоуправления [11; 12; 13; 14].

В рамках данной статьи мы намерены проанализировать итоги выборов в городские советы столиц регионов и выявить особенности участия оппозиционных партий в выборах местного уровня. Под оппозиционными партиями в данном случае мы понимаем политические партии, которые не обладают парламентским большинством.

Эмпирическая база исследования – данные электоральной статистики и результаты выборов в городские советы региональных столиц в 21 субъекте РФ

¹ Европейская хартия местного самоуправления: [официальная хартия Совета Европы, принята 15.10.1985]. URL: <https://rm.coe.int/168007a105> (дата обращения: 03.10.2024).

в сентябре 2024 г. и данные всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия» [15], проводимого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (руководитель – д-р социол. наук В. К. Левашов)².

Реформирование МСУ и сокращение политической конкуренции. За последние 25 лет прошло как минимум 3 муниципальных реформы в Российской Федерации, но ни одна из них в полной мере так и не достигла своих целей.

◆ *Первый этап. Институционализация МСУ.* Принятая в 1993 г. Конституция РФ закрепила статус местного самоуправления как независимого института власти³ и стала основой для разработки Федерального закона от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», после принятия которого Россия присоединилась к ряду международных актов, в том числе к Европейской Хартии местного самоуправления, взяв на себя обязательство соблюдать признанные Советом Европы принципы организации местного самоуправления. Несмотря на дополнительные статьи Гражданского, Налогового, Бюджетного кодексов, а также Федерального закона от 25 сентября 1997 г. № 126-ФЗ «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации», имеющейся законодательной базы было недостаточно для организации эффективной работы МСУ, тем более что многие субъекты Федерации не имели однозначной точки зрения на формы и способы осуществления местного самоуправления.

В 1999 году издаётся Указ Президента РФ от 15.10.1999 № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации», в котором были выделены девять основных проблем местного самоуправления. В их числе: неполное и непоследовательное законодательное регулирование вопросов организации и деятельности местного самоуправления, отсутствие чёткого правового разграничения полномочий между органами государственной власти (федеральными и субъектов Российской Федерации) и органами местного самоуправления, отсутствие права органов местного самоуправления на защиту посредством конституционного судопроизводства прав местного самоуправления и конституционных прав граждан на осуществление местного самоуправления.

Тем не менее, на этом этапе были созданы новые самоуправляющиеся единицы и прошла адаптация ряда новых процедур, таких как выборы в местные органы власти и выборы глав МСУ. Добавим, что в разных субъектах Федерации были созданы разные модели МСУ, что определялось, прежде всего, разными территориальными основами МСУ и разными представлениями региональной политической элиты об оптимальных формах организации местного уровня власти.

◆ *Второй этап (2003–2010) – унификация МСУ.* В ходе работы созданной по Указу президента комиссии по реформированию МСУ и множественных обсуждений в ГД ФС РФ в 2003 году был принят Федеральный закон от 6 октября

² При проведении мониторинга используется квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки лежит экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Количество опрошенных в 2024 году – 1700 в 22 регионах РФ.

³ См., в частности, статьи 3, 12, 18, 32, 40, 41, 43, 72. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М., 1993. 61 с.

2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который заложил основы существующей сегодня системы местного самоуправления. Принятие этого Закона должно было решить часть проблем, отмеченных в упоминаемом ранее Указе Президента РФ. В этот закон регулярно вносились поправки, общее число которых достигает 350 [7, с. 5–6], большинство из которых были направлены на унификацию территориальных и организационных форм организации МСУ. Тем не менее, формирование представительного органа МСУ и специфика избирательной формулы оставалось прерогативой региона.

◆ *Третий этап (2010–2024) — период контрреформы*, связанный с попытками централизации власти и сокращением полномочий МСУ, а также полномочий главы МСУ. За эти годы произошло укрупнение и, соответственно, сокращение количества муниципальных образований. Так, если в нулевые годы муниципалитеты создавались на низовом территориальном уровне, то со второй декады XXI века начался процесс укрупнения муниципальных образований, что, по сути, лишило целый ряд малых и средних городов статуса городских округов (т.е. самостоятельных муниципальных образований). Как результат, в ряде субъектов Федерации достаточно сложно выстраиваются отношения между разноуровневыми субъектами МСУ, прежде всего между районами, городскими и сельскими поселениями.

С 2015 г. российские губернаторы получили возможность отменять прямые выборы глав муниципалитетов, что запустило процесс отказа от прямых выборов. В результате, если к 2012 г. более половины мэров российских городов избирались на прямых выборах, то к 2018 г. таковых осталось лишь 11%⁴. Переход на рекрутирование глав муниципалитетов через конкурсную комиссию и утверждение губернатором существенно сократило конкурентность на местном уровне и позволило ряду экспертов говорить о приоритете модели *мэр-управленец* над моделью *мэр-народный представитель* [16, с. 47]. Большинство исследователей полагают, что повсеместное распространение модели *сити-менеджер* негативно отразилось на степени автономности МСУ, поскольку региональные власти использовали его для установления влияния на органы МСУ, встраивания их в централизованную систему управления страной [17, с. 143]. В ряде случаев отказ от прямых выборов мэров, особенно региональных столиц, был вызван желанием убрать неудобного региональной власти главу, что, в частности, произошло в 2018 г. в Екатеринбурге, когда фактически ликвидировали должность, которую занимал оппозиционный политик Е. Ройзман*. Позже, в 2022 г. выборы мэра были отменены в Томске, в 2023 г. – в Новосибирске, когда после отмены выборов с должностью попрощался мэр-коммунист А. Локоть, а в 2024 году – в Улан-Удэ.

Можно констатировать, что в ходе централизации местное самоуправление стало элементом общей вертикали власти и воспринимается как политической элитой, так и гражданами как уровень государственной власти, хотя формально к таковой не относится. Однако формальное снижение автономии и повышение подконтрольности муниципалитетов государству закрепили именно поправки к Конституции 2020 года [18, с. 121; 19, с. 210].

⁴ Мониторинг развития системы местного самоуправления (2018–2019 гг.) // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 03.10.2024).

* Включён Минюстом РФ в иностранных агентов.

В настоящее время идёт работа над новым законом о местном самоуправлении, первое чтение которого состоялось ещё в конце 2021 года. Новый закон должен закрепить сложившуюся де-факто структуру властных отношений между разными уровнями власти, а также переход к одноуровневой системе организации МСУ [20, с. 110]. Однако несогласие ряда представителей думской оппозиции привело к долгой работе перед вторым чтением этого законопроекта, которое назначено на 11 декабря 2024 г. На практике за это время местное самоуправление всё больше превращалось в зависимый от регионального уровень, что довольно ярко продемонстрировала электоральная кампания 2024 года.

Доверие к местным органам власти как показатель легитимности МСУ. Институциональное доверие, в данном случае доверие к органам МСУ в лице местного совета и его главы является важнейшим показателем легитимации. Чем выше уровень доверия, тем выше легитимность избранной или назначаемой власти. Поскольку существующие организационные и территориальные основания реформирования МСУ лишь в малой степени сказываются на финансовой обеспеченности этого уровня власти, он продолжает находиться в зависимости и от регионального, и от федерального уровней. Как результат, общество рассматривает МСУ как наименее дееспособный и серьёзный властный институт. В частности, о доверии к МСУ заявляет только 41% российских граждан, что значительно ниже доверия к другим политическим структурам (см. табл. 1).

Таблица 1

Отношение граждан России к общественным структурам и институтам власти, %

Общественные структуры и институты власти	2021, VI		2024, IV		Ид* по 2021 г.	Ид* по 2024 г.
	доверяют	не доверяют	доверяют	не доверяют		
Президент РФ	50	36	75	15	0,14	0,60
Правительство РФ	35	51	55	27	-0,16	0,28
Совет Федерации	27	49	41	32	-0,22	0,09
Государственная Дума	23	59	37	39	-0,36	-0,9
Администрация Президента РФ	36	46	51	25	-0,1	0,26
Совет Безопасности	46	35	53	22	0,11	0,31
Руководители регионов	39	44	47	28	-0,05	0,19
Общественная палата	29	44	35	28	-0,15	0,07
Профсоюзы	34	44	36	32	-0,1	0,4
Партии, политические движения	20	59	26	41	-0,39	-0,15
Общественные организации	37	39	47	35	-0,02	0,11
Средства массовой информации	22	64	31	41	-0,38	-0,1
Органы местного самоуправления	—	—	41	36	—**	0,5

Примечания: *Индекс доверия (Ид) измеряется в диапазоне [-1; 1]. Чем ближе значение индекса к 1, тем выше уровень доверия к изменяемому институту. Чем ближе к -1, тем он ниже.

**(-) — отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Рассчитано автором по данным мониторинга «Как живёшь, Россия?» [15].

Явка на выборах является важнейшим индикатором доверия к избираемой власти и к процедуре выборов в целом. Низкая гражданская активность населения при ведении электоральной кампании местного уровня, на что обращали внимание социологи и политологи [21; 4], частично решилась с введением практики единого дня голосования, когда совмещались выборы разных уровней. В начале нулевых выборы в МСУ демонстрировали самую низкую явку избирателей, которая в большинстве случаев не превышала 25%, а в ряде случаев фиксировалась на уровне 7–10%, что вызывало необходимость проведения повторных выборов. Об электоральной активности на местах можно судить по дополнительным выборам, которые не проходят в Единый день голосования. Так, в 2020 году на дополнительных выборах в гордуму Саратова явка дотянула только до 9,2%. Столь равнодушное отношение к местным органам власти эксперты объясняли и низкой эффективностью МСУ, и существенной зависимостью местной власти от вышестоящих уровней, невозможностью действительно осуществлять политику по решению вопросов местного значения на собственные бюджетные средства, что позволяло говорить и о своеобразном кризисе доверия к органам местного самоуправления [22].

Тем не менее МСУ рассматривается гражданами как институт власти, встроенный во властную вертикаль, что подтверждается большей близостью с оценками исполнительной власти, нежели законодательной или институтов гражданского общества. Характерно, что доверие к органам исполнительной власти и МСУ существенно превышает доверие к органам законодательной власти и политическим партиям.

С другой стороны, рассчитанный индекс доверия к органам местного самоуправления выше индекса доверия ко всем видам и уровням власти, кроме президентского, что позволяет говорить о высоком потенциале местного самоуправления за счёт отсутствия очевидно негативных оценок, вызывающих недоверие. Не случайно доверие к органам местной власти коррелирует с оценками уровня его развития (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка уровня развития МСУ в зависимости от доверия, по 10-б. шкале

Отношение к органам МСУ (главе муниципалитета, мэру)	Среднее значение оценки уровня развития МСУ
Доверяют	6,88
Не доверяют	4,81
Затруднялись ответить	5,39
Всего	5,80

Источник: Рассчитано автором по данным мониторинга «Как живёшь, Россия?» [15].

В качестве позитивной тенденции обратим внимание на рост доверия к МСУ в годы проведения специальной военной операции (СВО). Именно городские власти, помимо общественных организаций [23] организовывали приём беженцев и организацию помощи фронту, что отразилось на новостной повестке на местном уровне. Например, экс-мэр Краснодара (2016–2021) перешёл на должности сначала в Харьковскую область, а потом в Херсонскую. Справедливости ради заметим, что в ряде случаев участие в СВО стало расцениваться чиновниками как некая индульгенция. Так, бывший глава (сити-менеджер) Читы Алек-

сандр Сапожников, бывший глава Уренгоя Андрей Воронов и бывший вице-мэр Челябинска Сергей Репринцев заявляли о своём желании уйти на фронт на фоне предъявленных им уголовных обвинений.

Результаты выборов 2024 года в местные органы власти. В сентябре 2024 года выборы в представительные органы столиц субъектов Федерации состоялись в 21 регионе. В большинстве субъектов Федерации (в 12 регионах) выборы проходили исключительно по одномандатным округам. В частности, так выбирали городские собрания в Салехарде, Нарьян-Маре, Биробиджане, Сахалинске, Мурманске, Чите, Иркутске, Вологде, Благовещенске, Хабаровске, Йошкар-Оле, Улан-Удэ.

Только в одном регионе – в Республике Северная Осетия-Алания – выборы проходили по партийным спискам (г. Владикавказ). В остальных восьми субъектах Федерации местные депутаты были выбраны по смешанной системе (Элиста, Симферополь, Брянск, Курган, Пенза, Тула, Анадьрь, Челябинск).

Заметим, что мажоритарная система (по одномандатным округам) ограничивает роль партий, ослабляет многопартийность, что в условиях абсолютного доминирования одной партии маргинализирует все остальные политические силы, что, несомненно, сказывается на представленности политических партий в местных советах. Напротив, использование пропорциональной системы на местном уровне и активное включение региональных и местных отделений политических партий в предвыборную борьбу способствовало и повышению интереса к выборам, и пусть скромному, но обеспечению конкурентности политического процесса.

Надо сказать, что партийная система страны в последние годы, несмотря на возникновение ряда новых политических партий, существенных трансформаций не претерпевала [24]. Ряд новых политических партий были поглощены более крупными участниками политического процесса. Исключение составила партия «Новые люди», которая попыталась занять нишу в правой зоне политического спектра [25].

Тем не менее, выборы и политические партии по-прежнему играют ключевую роль в процессе электоральной легитимации, что будет вести к сохранению, а в ряде случаев и к стимулированию выборного процесса, хотя и при постоянном контроле всех фаз и аспектов избирательного процесса [26, с. 58], в том числе на выборах местного уровня.

В выборах регионального и муниципального уровня в последние 2 электоральных цикла принимает участие, как правило, около половины из зарегистрированных политических партий, однако активными участниками избирательного процесса являются партии парламентские, что связано с особенностями избирательного законодательства.

Другая особенность местных выборов состоит в традиционно высокой доле самовыдвиженцев. В отличие от регионального уровня, где подавляющее большинство самовыдвиженцев на деле представляют партию «Единая Россия», на местном уровне активнее участвуют и представители других партий, и граждане, представляющие те или иные инициативные группы, не аффилированные с политическими партиями.

Как мы уже отмечали, выборы в местные органы власти проходят по-разному. Ряд регионов перешёл полностью на мажоритарную систему, в других сохраняется смешанная модель – и по партийным спискам, и по одномандатным округам, во Владикавказе действует пропорциональная система.

Тем не менее, 11 политических партий из 25 зарегистрированных принимали участие в сентябрьских выборах 2024 года. Общие результаты политических партий выглядят вполне предсказуемо и не сильно отличаются от результатов выборов 2023 года (см. табл. 3). Сохраняет свои позиции четвертой неажиотарной партии в стране партия «Новые люди», которая получила доверие почти 6% избирателей. Одинаковое количество сторонников (~10–11%) имеют партии долгожители – ЛДПР и Справедливая Россия. Понижающую динамику показала КПРФ, которая в 2024 году получила меньше голосов, чем СР и ЛДПР с результатом в 8,7%.

Таблица 3

Средневзвешенный результат политических партий по итогам выборов в МСУ, депутатов столиц субъектов РФ, 6–8 сентября 2024 г.

№	Политическая партия	Городские собрания столиц субъектов	
		Средневзвешенный %	Всего мандатов (список/одномандатные округа)
1	ЕДИНАЯ РОССИЯ	59,15	102/419
2	КПРФ	8,71	12/8
3	ЛДПР	10,36	12/9
4	Справедливая Россия – за правду	10,60	12/10
5	Новые люди	5,49	6/6
6	Зелёные	0,15	0/0
7	Гражданская Платформа	0,00	0/1
8	Партия Пенсионеров	1,84	1/1
9	Коммунисты России	0,75	0/0
10	Родина	0,34	0/1
11	РПСС	0,05	0/0

Источник: составлено по данным ЦИК РФ и региональных избирательных комиссий на 11.09.2024.

Однако по регионам мы видим некоторые различия, что позволяет говорить как о разных конфигурациях политических предпочтений избирателей в разных субъектах, так и об особенностях работы некоторых региональных отделений партии.

Так, в тех регионах, где выборы проходят по одномандатным округам, «Единая Россия» не просто остаётся безусловным лидером, но формирует практически однопартийный совет. Так, в Нарьян-Маре все мандаты отошли Единой России, в Улан-Удэ 29 мандатов из 30 получила партия власти и 1 мандат – самовыдвиженец. В ряде городов в совете представлены по 2 партии, но вторая партия имеет только один мандат (Хабаровск, Йошкар-Ола) или два мандата (Симферополь, Чита).

Другая группа городских собраний позволяет говорить о реализации минимального плюрализма на местном уровне. Она представлена теми советами, в которые вошли депутаты от трех политических партий (в Благовещенске, Во-

логде, Анадыре, Иркутске) и четырёх политических партий (в Элисте, Владикавказе, Брянске, Южно-Сахалинске, Биробиджане, Салехарде).

Наконец, в некоторых городских советах кресла были распределены между 5 партиями (Мурманск и Челябинск) и 6 партиями. В Курганской городской Думе и Пензенской, помимо парламентских партий, есть представитель Партии пенсионеров, в Тульскую городскую Думу, кроме представителей парламентских партий, прошёл кандидат от «Родины». Эту группу регионов мы можем назвать группой «условного плюрализма», что предполагает стабильное функционирование региональных партийных отделений, которые на протяжении нескольких электоральных циклов демонстрируют результаты. Тем не менее полноценные фракции оппозиционные партии имеют только во Владикавказе, где «Справедливая Россия» провела 6 депутатов, и в Элисте, где 4 мандата принадлежит коммунистам. В остальных случаях речь идёт об 1 или 2 депутатах (см. табл. 4).

Таблица 4

**Результаты выборов депутатов местного самоуправления
административных центров (столиц) субъектов РФ, 2024, % голосов,
полученных партией; количество мандатов,
полученных по партийным спискам / одномандатным округам**

Наименование представительного органа	Распределяется мандатов (список/одном.)	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	Новые Люди
Улан-Удэнский городской Совет	-/30	-	-	-	-	-
		-/29	-/0	-/0	-/0	-/0
Элистинское городское Собрание	18/7	55,55%	19,52%	5,21%	-	10,99%
		11/7	4/0	1/0	-	2/0
Симферопольский городской Совет	19/19	73,08%	4,84%	7,53%	4,21%	4,67%
		17/19	0/0	2/0	0/0	0/0
Собрание депутатов «Города Йошкар-Ола»	-/35	-	-	-	-	-
		-/34	-/0	-/0	-/1	-/0
Собрание представителей города Владикавказ	32/-	63,30%	8,10%	5,32%	16,79%	1,32%
		23/-	2/-	1/-	6/-	0/-
Дума городского округа «Город Чита»	-/30	-	-	-	-	-
		-/27	-/1	-/0	-	-
Хабаровская городская Дума	-/35	-	-	-	-	-
		-/34	-/0	-/0	-/1	-/0
Благовещенская городская Дума	-/30	-	-	-	-	-
		-/25	-/0	-/0	-/1	-/1
Брянский городской Совет народных депутатов	16/16	68,62%	8,18%	13,90%	4,57%	3,07%
		13/14	1/0	2/1	0/1	0/0
Вологодская городская Дума	-/30	-	-	-	-	-
		-/27	-/0	-/2	-/0	-/1

Окончание таблицы 4

Наименование представительного органа	Распределяется мандатов (список/одном.)	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	Новые Люди
Дума города Иркутска	–/35	–	–	–	–	–
		–/29	–/0	–/2	–/0	–/0
Курганская городская Дума	13/13	46,19%	10,48%	11,99%	7,55%	9,80%
		8/13	1/0	1/0	1/0	1/0
Совет депутатов города Мурманска	–/25	–	–	–	–	–
		–/20	–/2	–/1	–/1	–/1
Пензенская городская Дума	10/25	65,83%	8,86%	6,28%	5,72%	5,51%
		6/22	1/2	1/0	1/0	1/0
Городская Дума города Южно-Сахалинск	–/25	–	–	–	–	–
		–/19	–/1	–/0	–/1	–/3
Тульская городская Дума	15/20	47,52%	12,80%	11,55%	11,28%	5,48%
		8/19	2/0	2/0	2/0	1/0
Городская Дума «Города Биробиджан»	–/21	–	–	–	–	–
		–/17	–/1	–/2	–/1	–
Совет «Города Нарьян-Мар»	–/15	–	–	–	–	–
		–/15	–/0	–/0	–/0	–
Совет депутатов г.о. Анадырь	10/8	61,42%	–	24,85%	9,73%	–
		8/8	–/0	1/0	1/–	–
Городская Дума города Салехард	–/21	–	–	–	–	–
		–/18	–/1	–/1	–/1	–
Челябинская городская Дума	12/25	54,15%	6,38%	12,25%	17,30%	7,44%
		8/23	1/0	1/0	1/1	1/0

Источник: составлено по данным ЦИК РФ и региональных избирательных комиссий на 11.09.2024.

Что касается самовыдвиженцев, то большинство из них вошли во фракцию «Единая Россия», что подтверждает сложившуюся традицию выдвижения бюджетников как независимых кандидатов, которые на деле аффилированы с партией власти. По три самовыдвиженца прошли в Благовещенске (Амурская область) и Иркутске (Иркутская область), 2 самовыдвиженца прошли в Чите (Забайкальский край), по одному самовыдвиженцу прошли в Улан-Удэ (Республика Бурятия) и Южно-Сахалинске (Сахалинская область).

В целом можно говорить о полной монополизации политического пространства «Единой Россией», что интерпретируется политологами как национализация партийной системы [13], которая проявляется в виде формирования общегосударственного электората и схожих паттернов электоральной поддержки в регионах на фоне повсеместного участия партий в выборах различного уровня.

Выводы. В выборах в городские собрания столиц субъектов Федерации принимало участие 13 партий помимо «Единой России», что чуть выше, чем на выборах в региональные законодательные собрания. Оценить участие оппозиционных партий в избирательных кампаниях позволяют не только полученные

ими результаты, но и количество выдвигаемых кандидатов, а также количество победивших кандидатов от общего числа участвующих в выборах. Учитывая, что представители оппозиционных партий составили порядка 3% от общего числа выдвинутых кандидатов, можно констатировать невысокий электоральный потенциал партий парламентской оппозиции. Так, КПРФ принимала участие в 21 регионе, но провела депутатов в городские парламенты только 12 регионов, и лишь в одном случае они смогли сформировать полноценную фракцию из 4 человек. Партия «Справедливая Россия» и ЛДПР выдвигали кандидатов в 20 городских советов, провели в депутаты в 14 и 15 городах соответственно. Наконец, партия «Новые люди» участвовала в 16 избирательных кампаниях и провела депутатов в 9 муниципальных собраний. Среди непарламентских партий по 1–2 депутата смогли провести «Российская партия пенсионеров за справедливость», «Родина» и «Гражданская платформа». Такой старейший игрок политического поля как партия «Яблоко» не получила ни одного мандата.

Всего с учётом результатов региональных выборов ЛДПР получила 1087 мандатов, при этом сумела провести только 3,3% от выдвинутых кандидатов, «Справедливая Россия» – 735 мандатов (2,2% от выдвинутых кандидатов). Всем остальным партиям удалось избрать меньше 1% своих кандидатов⁵. Для сравнения, более 90% кандидатов, выдвинутых партией «Единая Россия», депутатские мандаты получили.

В сложившейся ситуации нет ничего нового, фактически в каждом электоральном цикле результаты партии власти несопоставимы с результатами других участников избирательного процесса. Формирование региональной номенклатуры по партийному признаку, когда только одна партия («Единая Россия») воспринималась как перспективная карьерная лестница, имело следствием снижение интереса региональных элит ко другим партиям и привело к монополизации регионального политического пространства, что укладывается в концепцию «атипичной демократии» в России [27, с. 102]. Оппозиционные партии с трудом поддерживают дееспособные региональные и местные отделения, где часто происходит смена руководства, сопровождающаяся внутрипартийными конфликтами и разногласиями⁶.

Отсутствие политической конкуренции на местном уровне отражает сложившиеся практики организации политического процесса в стране, что ведёт к крайней слабости организационных, идеологических и финансовых ресурсов партийных региональных структур, малочисленности активистов и членов партии, а в конечном итоге к кризису партийной системы, который сопровождается низким уровнем легитимации политических партий и органов представительной власти, которую они формируют. Тем не менее модель электорального ограниченного плюрализма продолжает воспроизводиться, выборы и политические партии по-прежнему выступают механизмами электоральной легитимации политического режима. Однако затянувшаяся имитация политической конкуренции, доминирование на политическом пространстве страны только одной партии затягивает кризис политического представительства, что продолжает негативно сказываться на легитимности избираемых органов власти.

Политические партии, претендующие на роль оппозиции в современной политической системе и участвующие в выборах, условно могут быть подраз-

⁵ Данные ЦИК РФ на 11 сентября 2024 г. URL: www.cikrf.ru (дата обращения: 03.10.2024).

⁶ Рубанков К. Руководителя фракции «Справедливой России» выгнали из его же партии // Kostroma Today. 02.02.2023. URL: <https://kostroma.today/news/rukovoditelya-frakcii-spravedlivoj-rossii-vygnali-iz-ego-zhe-partii/> (дата обращения: 03.10.2024).

делены на 3 группы: старые парламентские партии («Справедливая Россия», ЛДПР и КПРФ), активно участвующие в избирательных кампаниях всех уровней; новые парламентские партии («Новые люди»), пытающиеся закрепиться как на федеральном, так и на региональном и местном уровне; узнаваемые непарламентские партии, имеющие в некоторых регионах и муниципалитетах своих представителей («Коммунисты России», «Гражданская платформа», «Родина», «Партия пенсионеров», «Зелёные»); партии, участвующие в выборах, но не имеющие депутатского корпуса («Российская партия свободы и справедливости», «Яблоко»); наконец, партии, не участвующие в избирательных кампаниях в настоящее время, но рассматривающие такую возможность в ближайших электоральных циклах («Партия возрождения России», «Зелёная альтернатива»).

Партийная система сохраняет сложившуюся иерархичность с высоким уровнем предсказуемости, что снижает интерес к избирательному процессу и к деятельности партий, претендующих на оппозиционность.

Библиографический список

1. Кузнецов И. И., Жаров А. С. Местное самоуправление в единой системе органов публичной власти: предпосылки и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 1. С. 91–95. DOI [10.18500/1818-9601-2023-23-1-91-95](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-91-95). EDN [MNGYFE](https://www.edn.ru/eng/eng_mngyfe/).
2. Кышев А. В. Качество региональных политических институтов: Попытка измерения // Политическая наука. 2017. № 4. С. 259–283. EDN [ZXXUCB](https://www.edn.ru/eng/eng_zxxucb/).
3. Любарев А. Е. Активность избирателей на федеральных, региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации // ВВ: Проблемы общества и политики. 2013. № 8. С. 138–209. DOI [10.7256/2306-0158.2013.8.8778](https://doi.org/10.7256/2306-0158.2013.8.8778). EDN [RWWZSJ](https://www.edn.ru/eng/eng_rwwzsj/).
4. Любарев А. Е. Российские муниципальные выборы через призму электоральной статистики. – Электоральная политика. 2022. № 2(8). С. 1. EDN [YVONFX](https://www.edn.ru/eng/eng_yvonfx/).
5. Нотман О. В. Перспективы реализации модели соуправления в российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2(62). С. 86–94. DOI [10.52452/18115942_2021_2_86](https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_86). EDN [MCWOHC](https://www.edn.ru/eng/eng_mcwohc/).
6. Желнина А. А., Тьканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22, № 1. С. 162–192. DOI [10.31119/jssa.2019.22.1.8](https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8). EDN [VVKYRG](https://www.edn.ru/eng/eng_vvkyrg/).
7. Местное самоуправление: качество власти и качество жизни в малых и средних городах России / Н. М. Великая, А. А. Голосеева, Н. И. Белова, А. А. Хохлов. М. : Ключ-С, 2016. 223 с. ISBN 978-5-906751-57-7. EDN [VTOTCJ](https://www.edn.ru/eng/eng_vtotcj/).
8. Местное самоуправление в Российской Федерации перед лицом современных вызовов / Э. Маркварт, В. Ю. Картухин, Л. Н. Албастова [и др.]. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2019. 286 с. ISBN 978-5-907140-35-6. EDN [GJUVZG](https://www.edn.ru/eng/eng_gjuvzg/).
9. ТевД. Б. Городские Думы крупнейших региональных столиц: основные характеристики и тенденции изменения бассейна рекрутирования депутатов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9, № 3. С. 74–90. EDN [TALJJB](https://www.edn.ru/eng/eng_taljjb/).
10. Ткачева Т. Ю., Турченко М. С. Факторы успеха кандидатов-самовыдвиженцев на выборах в представительные органы столиц регионов России (2014-2018) // Политическая наука. 2019. № 1. С. 147–164. DOI [10.31249/poln/2019.01.08](https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.08). EDN [ZCJNJZ](https://www.edn.ru/eng/eng_zcjnijsz/).
11. Митрохина Я. А. Проблемы реализации отзыва выборных лиц местного самоуправления на современном этапе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17, № 4. С. 96–101. DOI [10.14529/law170418](https://doi.org/10.14529/law170418). EDN [ZWDYEV](https://www.edn.ru/eng/eng_zwdyev/).
12. Витковская Т. Б. Отмена прямых выборов: вызов для локальных элит // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 3(23). С. 26–36. EDN [RCABPJ](https://www.edn.ru/eng/eng_rcabpj/).

13. *Гайворонский О. Ю.* Факторы национализации партийной системы современной России // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 45–61. DOI [10.17976/jpps/2018.01.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.04). EDN [YLYUFM](https://www.edn.ru/EDN_YLYUFM).
14. *Майкова Э. Ю., Симонова Е. В.* Проблема использования механизма выборов при формировании органов местного самоуправления в современной России // Власть. 2014. № 11. С. 105–110. EDN [TAMAGH](https://www.edn.ru/EDN_TAMAGH).
15. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 89 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024). EDN [INPEEV](https://www.edn.ru/EDN_INPEEV).
16. *Туровский Р. Ф.* Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35–51. EDN [TUHDWD](https://www.edn.ru/EDN_TUHDWD).
17. *Гельман В.* Реформа власти в городах России: мэры, сити-менеджеры и местная демократия // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 6(67). С. 143–152. EDN [NTKKDT](https://www.edn.ru/EDN_NTKKDT).
18. *Иванов О. Б.* Местное самоуправление после принятия поправок к конституции Российской Федерации: перспективы развития, правовое регулирование // Власть. 2021. Т. 29, № 2. С. 118–122. DOI [10.31171/vlast.v29i2.8009](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8009). EDN [XHAVZP](https://www.edn.ru/EDN_XHAVZP).
19. *Исобщук М. В.* Местное самоуправление в РФ после поправок в Конституцию-2020 // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7, № 2. С. 210–220. DOI [10.35634/2587-9030-2023-7-2-210-220](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-2-210-220). EDN [ILMPMZ](https://www.edn.ru/EDN_ILMPMZ).
20. *Иванов В. Н., Максимов В. П.* Современное российское местное самоуправление и перспективы его развития // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 1(37). С. 107–116. DOI [10.24147/2312-1300.2023.10\(1\).107-116](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(1).107-116). EDN [DCIYNE](https://www.edn.ru/EDN_DCIYNE).
21. *Петухов В. В.* Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14. DOI [10.31857/S013216250007743-0](https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0). EDN [YNNEVJ](https://www.edn.ru/EDN_YNNEVJ).
22. Российское общество и вызовы времени / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.]. Книга 5. М.: Весь Мир, 2017. 427 с. ISBN 978-5-7777-0687-4. EDN [YYWQBH](https://www.edn.ru/EDN_YYWQBH).
23. *Плотникова М. А.* Формирование новых социально-групповых общностей на территории муниципального образования с низкой инициативностью граждан в условиях проведения СВО // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 18–27. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.2). EDN [JVXBRB](https://www.edn.ru/EDN_JVXBRB).
24. *Rodionova M. E., Gimaliev V. G., Nazarova N. A.* On the issue of the transformation of the electoral system in the Russian Federation (From 1993 to the present day) // Political Science Issues. 2021. Vol. 11, No. 2(51–53). P. 79–84. DOI [10.35775/PSI.2021.51.2.004](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.51.2.004). EDN [NRRUMB](https://www.edn.ru/EDN_NRRUMB).
25. *Великая Н. М., Калинин А. Ю.* Медиаактивность новых политических партий в преддверии выборов в Государственную Думу VIII созыва: социологический анализ // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3(27). С. 84–98. DOI [10.28995/2073-6401-2021-3-84-98](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-3-84-98). EDN [DDZIDC](https://www.edn.ru/EDN_DDZIDC).
26. *Авдонин В. С.* Как региональная автократия «адаптирует» политические реформы на региональном и муниципальном уровнях (случай Рязанской области) // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2014. № 1(13). С. 57–83. EDN [TBPIPB](https://www.edn.ru/EDN_TBPIPB).
27. *Туровский Р. Ф.* Региональные выборы как фактор эволюции элит в России // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2006. Т. 4, № 1. С. 101–110. EDN [OPSFNT](https://www.edn.ru/EDN_OPSFNT).

Поступила: 05.10.2024. Принята: 08.11.2024.

Сведения об авторе:

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

natalivelikaya@gmail.com

Author ID РИНЦ: 286986; ORCID: 0000-0001-5532-844X

THE PARTIES OF THE PARLIAMENTARY OPPOSITION IN THE ELECTIONS TO REPRESENTATIVE BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN 2024

Abstract. The article is devoted to the analysis of the electoral results of opposition political parties in the local government elections, which took place in September 2024. Considering the opposition as the most important element of the modern political system, the author justifies the importance of the presence of opposition political parties at all levels of government. Based on the analysis of latest data of electoral statistics, it is shown that the possibilities of political competition at local elections are slightly higher than at the regional and federal levels. It can be explained by the lower interest of the regional political elite participating in municipal government, especially against the background of a decrease in the budget provision of local government and permanent reforms of the local government. Analyzing the reforms of local self-government the author comes to the conclusion about the gradual integration of local self-government bodies into the general vertical of power and to reproduce its dependence on federal and regional authorities. This, in turn, leads to a low level of trust in the LSG on the part of citizens. At the same time, parties at the local level are becoming important actors of civil society and the main participants in the electoral process, but less than half of the registered political parties are currently becoming participants. The author shows that the main beneficiary of the elections is the United Russia party, while the opposition parties are content to participate rather than win. A typology of opposition political parties is proposed, which is based on the activity of participation in election campaigns (the number of candidates nominated, the number of regions where parties participate, the number of mandates received after the distribution of votes).

Keywords: local government, local power, political parties, opposition, elections, electoral process

For citation: Velikaya N. M. The parties of the parliamentary opposition in the elections to representative bodies of local self-government in 2024. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):21–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.2>

References

1. Kuznetsov I. I., Zharov A. S. Local self-government within a unified system of public authorities: prerequisites and prospects. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2023;23(1):91–95. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2023-23-1-91-95](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-91-95).
2. Kynev A. V. Quality of regional political institutions: Attempt of measurement. *Political science (RU)*. 2017;(4):259–283. (In Russ.).
3. Lyubarev A. E. Voter turnout of federal, regional and municipal elections in the Russian Federation. *NB: Issues of Society and Politics*. 2013;(8):138–209. (In Russ.). DOI [10.7256/2306-0158.2013.8.8778](https://doi.org/10.7256/2306-0158.2013.8.8778).
4. Lyubarev A. E. Municipal elections in Russia through a lens of electoral statistics. *Electoral Politics*. 2022;(2):1. (In Russ.).
5. Notman O. V. Possibilities for implementing a co-governance model in Russian megapolises: the new civic activism and microlocal urban regimes. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2021;(2):86–94. (In Russ.). DOI [10.52452/18115942_2021_2_86](https://doi.org/10.52452/18115942_2021_2_86).
6. Zhelnina A., Tykanova E. Formal and informal civic infrastructure: contemporary studies of urban local activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2019;22(1):162–192. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2019.22.1.8](https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8).
7. Velikaya N. M., Goloseeva A. A., Belova N. I., Khokhlov A. A. Local self-government: the quality of power and the quality of life in small and medium-sized cities of Russia. Moscow: Kluch-S; 2016. (In Russ.). ISBN 978-5-906751-57-7.
8. Markwart E., Karpukhin V. Yu., Albastova L. N. [et al.]. Local self-government in the Russian Federation in the face of modern challenges. Vladimir: Vladimir branch of RANEP; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-907140-35-6.

9. Tev D. B. City councils of the largest regional capitals: main characteristics and tendencies of change of the pool of recruitment of deputies. *Political expertise: POLITEX*. 2013;9(3):74–90. (In Russ.).
10. Tkacheva T. Yu., Turchenko M. S. City-council elections in Russia's regional capitals, 2014–2018: Self-nominess and factors of their success. *Political science (RU)*. 2019;(1):147–164. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2019.01.08](https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.08).
11. Mitrokhina Ja. A. Problems of implementation of recall of elected officials of local self-government at the present stage. *Bulletin of South Ural State University. Series "Law"*. 2017;17(4):96–101. (In Russ.). DOI [10.14529/law170418](https://doi.org/10.14529/law170418).
12. Vitkovskaya T. B. Cancellation of direct elections: a challenge for local elites. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2013;(3):26–36. (In Russ.).
13. Gaivoronsky Yu. O. Factors of party system nationalization in contemporary Russia. *Polis. Political Studies*. 2018;(1):45–61. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2018.01.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.04).
14. Maykova E. Yu., Simonova E. V. Problem of using the election mechanism in formation of bodies of local self-government in modern Russia. *Vlast'*. 2014;(1):105–110. (In Russ.).
15. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 54th stage of the sociological monitoring, April 2024. Moscow: FCTAS RAS; 2024. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024).
16. Turovsky R. F. Russia's local self-government: the agent of the government in the trap of insufficient funding and civil passivity. *Polis. Political Studies*. 2015;(2.):35–51. (In Russ.).
17. Gelman V. Governmental reform in the Russian cities: mayors, city-managers and local democracy. *Comparative Constitutional Review*. 2008;(6):143–152. (In Russ.).
18. Ivanov O. B. local self-government after the adoption of amendments to the constitution of the Russian Federation: development prospects, legal regulation. *Vlast'*. 2021;29(2):118–122. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v29i2.8009](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8009).
19. Isobchuk M. V. Local self-government in the Russian Federation after amendments to the Constitution-2020. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2023;7(2):210–220. (In Russ.). DOI [10.35634/2587-9030-2023-7-2-210-220](https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-2-210-220).
20. Ivanov V. N., Maksimov V. P. Modern Russian local government and prospects for its development. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2023;10(1):107–116. (In Russ.). DOI [10.24147/2312-1300.2023.10\(1\).107-116](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(1).107-116).
21. Petukhov V. V. Civic participation in Russia today: interaction of social and political practices. *Sociological Studies*. 2019;(12):3–14. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250007743-0](https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0).
22. Gorshkov M. K., Andreev A. L., Barash R. E. [et al.]. Russian society and the challenges of time. Book 5. Moscow: Ves' Mir; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0687-4.
23. Plotnikova M. A. Formation of new social-group communities on the territory of the municipality with low initiative citizens in conditions of conduction of SMO. *Science. Culture. Society*. 2023;29(2):18–27. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.2).
24. Rodionova M. E., Gimaliev V. G., Nazarova N. A. On the issue of the transformation of the electoral system in the Russian Federation (From 1993 to the present day). *Political Science Issues*. 2021;11(2):79–84. DOI [10.35775/PSI.2021.51.2.004](https://doi.org/10.35775/PSI.2021.51.2.004).
25. Velikaya N. M., Malinin A. Yu. Media activity of new political parties on the eve of elections to the State Duma of the VIII convocation. Sociological analysis. *RSUH/ RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2021;(3):84–98. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2021-3-84-98](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-3-84-98).
26. Avdonin V. S. The way regional autocracy "adapts" political reforms at the regional and municipal levels (on the example of the Ryazan region). *Pro Nunc. Current political processes*. 2014;(1):57–83. (In Russ.).
27. Turovsky R. F. Regional elections as a factor in the evolution of the elites in Russia. *Pro Nunc. Current political processes*. 2006;4(1):101–110. (In Russ.).

Received: 05.10.2024. Accepted: 08.11.2024.

Information about the author:

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of Science and Research, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

natalivelikaya@gmail.com

ORCID: [0000-0001-5532-844X](https://orcid.org/0000-0001-5532-844X)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.3)
EDN [OANXOC](https://edn.nko.ru/OANXOC)
УДК 323.2

А. В. Анищенко¹
¹ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ И ЦИФРОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ РОССИЯН ПОСЛЕ НАЧАЛА СВО: ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ

Аннотация. Статья посвящена выявлению ключевых изменений в практиках политического участия российских граждан в период проведения специальной военной операции на территории Украины, обусловленных, помимо прочего, трансформацией публичного политического дискурса и цифровой среды. Анализируя феномен общественной консолидации в условиях СВО, ключевые модели политического участия и изменения медиапотребления россиян за последние два года, автор приходит к выводу, что после 24 февраля 2022 года в России произошла определённая трансформация публичного дискурса и структуры медиапотребления, а также связанных с этим фактором практик политического участия россиян. Наблюдается дифференциация социально-активной части населения на две неравных группы: с одной стороны, несогласное протестное меньшинство, главной формой политического участия и «высказывания» которого стали эмиграция или спонтанные акции протеста; с другой стороны – консолидированное патриотически настроенное большинство, выражающее поддержку деятельности руководства страны через традиционные, а также новые формы участия: благотворительность, волонтерство, «провластное» электоральное поведение, информационно-агитационную работу. Также отмечается, что преобладающими практиками политического участия, обусловленного использованием цифровых технологий, на сегодняшний день является волонтерская деятельность (включая «виртуальное волонтерство»), протестное политическое участие, а также конвенциональные практики электорального участия с использованием технологий дистанционного электронного голосования.

Ключевые слова: специальная военная операция, СВО, политическое участие, медиапотребление, волонтерство, протесты, дистанционное электронное голосование

Для цитирования: Анищенко А. В. Политическое участие и цифровые коммуникации россиян после начала СВО: особенности и основные формы // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 36–51. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.3). EDN [OANXOC](https://edn.nko.ru/OANXOC).

Введение. В условиях проведения специальной военной операции на Украине (СВО) обнаруживается определённая трансформация форм и моделей политического участия российских граждан относительно предшествовавшего исторического периода. Этому способствовало множество факторов, среди которых, прежде всего, стоит отметить коренные изменения в публичном политическом дискурсе, формирующем актуальную информационную повестку, масштабные сдвиги в массовом политическом сознании россиян, а также трансформацию объективных институциональных и правовых условий социального и политического развития российского общества, которое стало объектом масштабной антироссийской санкционной кампании, реализуемой так называемыми «недружественными государствами», и оказалось в непривычных (а в ряде регионов – в экстремальных) условиях, когда государство вынуждено вести боевые

© Анищенко А. В., 2024

действия и противостоять целой коалиции стран «коллективного Запада».

Целью данного исследования является выявление ключевых изменений в практиках политического участия российских граждан в период проведения СВО на территории Украины, обусловленных, в том числе, трансформацией публичного политического дискурса, цифровой среды и структуры медиапотребления.

Под практиками политического участия граждан мы понимаем разнообразные формы деятельности граждан, направленные на выбор политиков, принятие и реализацию политических решений. В современных государствах выделяются конвенциональные (электоральное участие, гражданский активизм, участие в партийной работе и др.) и неконвенциональные (главным образом протестная активность) практики политического участия. К цифровым технологиям коммуникации мы относим технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде. Различные цифровые сервисы, сайты и платформы используются современными гражданами для осуществления коммуникации друг с другом, с государством, с различными политическими и общественными организациями. Речь идёт, прежде всего, о социальных сетях, различных мессенджерах и социальных медиа.

Методологической основой исследования являются методы политической социологии. Эмпирической базой выступают информационные, социологические и фактологические источники, содержащие сведения о ключевых аспектах динамики политического участия российских граждан, а также влияния цифровых технологий и онлайн-инструментов на реализацию политической активности россиян.

Проблематика влияния цифровизации и цифровых технологий коммуникации на изменение политического участия достаточно широко освещена в научной литературе. Большой вклад в понимание трансформации практик политического участия в условиях развития информационно-коммуникационных технологий, глобализации и цифровизации внесли такие современные исследователи, как М. Барретт, И. Брантон-Смит [1], А. Врумен [2], Й. Теочарис [3]. Современные отечественные исследования политического сознания и поведения российских граждан, в частности, в контексте использования новых медиа, ресурсов и технологий социальных сетей представлены в работах Е. В. Бродовской [4], О. В. Поповой [5], А. В. Селезневой [6].

Политический характер развития и функционирования цифровых медиа и социальных сетей находится в центре внимания ряда отечественных учёных. Большая часть работ посвящена анализу мобилизационного и манипуляционного потенциала социальных сетей и других онлайн-ресурсов. Важно, на наш взгляд, отметить исследования В. К. Левашова [7], П. Н. Карпова [8], С. В. Куныщикова [9], Г. С. Мельника [10], Т. Л. Шестова [11]. Таким образом, исследование воздействия цифровой трансформации, влияния онлайн-технологий и социальных сетей на специфику политического участия граждан носит пока узкоспециализированный, порой фрагментарный характер, не охватывающий больших временных промежутков. В научной литературе и современных аналитических исследованиях достаточно широко представлен анализ влияния современных цифровых технологий на трансформацию и расширение политического участия граждан как в России, так и за рубежом (на примерах событий «арабской весны», протестных выступлений в США, Гонконге, на Украине и т.д.).

В свою очередь, недостаточно проработанными в научной литературе представляются вопросы, связанные с интерпретацией актуальных практик поли-

тического участия россиян в период проведения СВО, а также в условиях международных санкционных ограничений, институциональных изменений цифровой среды и связанных с этим трансформаций медиапотребления и использования цифровых платформ, мессенджеров, социальных сетей. Этот пробел призвано восполнить данное исследование.

Политическое участие россиян и общественная консолидация в условиях проведения СВО. Изменения институционально-правовой среды реализации политического участия россиян и функционирования публичного политического дискурса после 24 февраля 2022 года связаны с рядом политических решений и законодательных новелл, принятых руководством России и направленных на укрепление национального суверенитета и обеспечение стабильности социально-политической системы в сложившихся непростых для страны условиях.

Так, 4 марта 2022 года приняты поправки в АК РФ и УК РФ, устанавливающие административную ответственность¹ за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооружённых сил РФ, и уголовную ответственность² за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации («фейков»), которая включает данные об использовании и действиях Вооружённых сил РФ.

14 июля 2022 года принят Федеральный закон № 255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»³, который стал своего рода обобщающим законом в сфере контроля и регулирования деятельности физических и юридических лиц, которым присвоен статус иностранного агента. Указанный закон, а также пакет законодательных поправок, внесённых Государственной Думой РФ в ноябре 2022 года, по сути, унифицировали систему ограничений и запретов, касающихся деятельности иностранных агентов на территории России. Дополнительно к существовавшему до нововведений реестру иностранных агентов был создан также Единый реестр физических лиц, аффилированных с иностранными агентами.

На август 2024 года так называемый «список иноагентов» включает в себя 840 юридических и физических лиц, из которых порядка 60% получили свой статус после 24 февраля 2022 года⁴. Отметим, что в условиях проведения СВО существенно пополнился и перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России. Так, в актуальном перечне нежелательных организаций, размещённом на сайте Минюста РФ⁵, около 70% составляют организации, попавшие в список после начала СВО.

¹ Федеральный закон от 04.03.2022 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47612> (дата обращения: 09.08.2024).

² Федеральный закон от 04.03.2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47616> (дата обращения: 09.08.2024).

³ Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170> (дата обращения: 09.08.2024).

⁴ Реестр иностранных агентов // Минюст России: [официальный сайт]. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-26072024.pdf> (дата обращения: 09.08.2024).

⁵ Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации // Минюст России: [официальный сайт]. URL: <https://minjust.gov.ru/documents/7756/> (дата обращения: 09.08.2024).

Очевидно, что обозначенные нововведения и тенденции стали фактором существенного ограничения деятельности так называемой российской несистемной оппозиции и её влияния на массовое политическое сознание россиян, снизив её протестно-мобилизационный потенциал. Социологические измерения также демонстрируют существенное снижение показателя личного протестного потенциала российских граждан в период после начала СВО. Так, согласно данным ВЦИОМ, если в феврале 2022 года до 18% опрошенных были готовы принять участие в массовых акциях протеста в своём населённом пункте «против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав и свобод», то начиная с марта 2022 года показатель личного протестного потенциала снижается на 7–8 пунктов и на протяжении последних двух с половиной лет не поднимается выше 11%⁶.

В то же время начало СВО в феврале 2022 года стало фактором масштабной социальной консолидации россиян и роста патриотических настроений. Так, уровень одобрения деятельности Президента России с февраля по март 2022 года вырос на 14,1% и достиг рекордного показателя в 81,6%⁷. Впоследствии, в 2022–2024 годы, президентский рейтинг не показывал значимых снижений и продолжает оставаться в диапазоне от 78 до 81,2%.

Спустя два года после начала СВО общество страны продолжает проявлять высокий уровень консолидации вокруг национальных интересов и ценностей. Исследования, проведённые ВЦИОМ, показывают, что более 70% россиян поддерживают идею о необходимости внесения каждым гражданином посильного вклада в успешное завершение военной операции⁸, что свидетельствует о глубоком патриотическом духе и готовности населения поддержать усилия государства. Одним из ключевых моментов, подчёркнутых данными исследования, является принцип «Все для фронта, все для победы!», поддерживаемый двумя третями опрошенных. Этот девиз становится не просто лозунгом, а своеобразным катализатором мобилизации общества и направления усилий на достижение общей цели. Помимо этого, стоит отметить, что в условиях военной операции на Украине российское общество проявляет не только единство, но и готовность к активным гражданским действиям: так, например, волонтерские и благотворительные инициативы, направленные на поддержку военнослужащих и пострадавших от конфликта, становятся всё более популярными и поддерживаются гражданами.

Таким образом, СВО не только вызвала значительные перемены в политическом и военном аспектах, но также привнесла новые формы единства и солидарности в российское общество, отмечающие значимость поддержки национальных интересов и целей. Исследователи подчёркивают, что, несмотря на ослабление доверия государству на фоне пандемии и инфодемии, решение об СВО и последующие события в значительной степени консолидировали и мобилизовали российское общество [12; 13].

Пожалуй, наиболее убедительным доказательством высокого уровня консолидации российского общества в условиях проведения СВО и масштабных

⁶ Протестный потенциал // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 09.08.2024).

⁷ Доверие политикам // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (дата обращения: 09.08.2024).

⁸ Специальная военная операция: два года спустя // ВЦИОМ. 24.02.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja> (дата обращения: 09.08.2024).

международных санкций являются результаты электорального участия российских граждан в избирательных циклах, которые пришлось на 2022–2024 годы.

Так, с 9 по 11 сентября 2022 года в условиях проведения СВО в стране состоялась очередная Единый день голосования (ЕДГ), затронувший 19 российских регионов и 12 региональных центров практически во всех федеральных округах России. Результатом ЕДГ стало переизбрание действующих глав регионов и врио, а также представителей «Единой России» и самовыдвиженцев, которых поддержала «партия власти» [14]. Конечно же, о новой консолидации россиян свидетельствуют также и результаты президентских выборов в России, прошедших в марте 2024 года. В. В. Путин получил беспрецедентные 87,28%⁹ голосов избирателей, что свидетельствует о сплочении российских граждан вокруг фигуры главы государства — национального лидера.

Несмотря на обозначенные тенденции, за два с половиной года проведения СВО фиксируются также и случаи протестного политического участия российских граждан. Пожалуй, одной из наиболее острых и чувствительных тем в этой связи стало объявление 21 сентября 2022 года частичной мобилизации, которая стала причиной второй с начала СВО волны массовой эмиграции из России, а также протестного политического поведения. Во многом из-за неслаженной системы информирования населения, противоречивой, а порой и вовсе недостоверной информации в СМИ, резкого роста цен на военную экипировку в российском обществе наблюдался повышенный уровень тревожности, а само решение о частичной мобилизации стало серьёзным вызовом для политико-административной системы [15]. В ряде регионов России вследствие этого прошли протестные акции, которые привели к задержанию более 1000 участников.

Социологи также отмечают, что наименьший уровень поддержки решения о частичной мобилизации наблюдался в молодёжной среде. Несмотря на то, что молодые россияне, как и большинство граждан, в целом положительно оценивают решение о начале СВО, лишь 45% из них придерживаются аналогичных оценок в отношении частичной мобилизации [16]. При этом и исследователи, и представители власти отмечают, что протестные акции осенью 2022 года носили скорее характер «стихийных вспышек», а «организованный протест как форма политической реакции едва ли осуществим в нынешней ситуации»¹⁰.

Высокий уровень поддержки действий государства в контексте проведения СВО, консолидация российских граждан вокруг фигуры Президента РФ, принятие большинством россиян того факта, что Россия сегодня противопоставит всему военному блоку НАТО и «коллективному Западу» как таковому, являются факторами формирования особого типа гражданского общества с присущими ему характерными формами и моделями политического участия. Так, по мнению В. А. Ильина и М. В. Морева, в России в период СВО «начали формироваться новые черты гражданского общества», основными чертами которого является ярко выраженная патриотическая направленность, руководство принципом «Все для фронта, все для победы!», способность к самоорганизации граждан, бизнеса и НКО для решения гуманитарных и волонтерских задач:

⁹ Постановление Центральной избирательной комиссии РФ «О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года» // ЦИК РФ: [официальный сайт]. 21.03.2024. URL: http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p_itogi/ (дата обращения: 09.08.2024).

¹⁰ О реакции общества на частичную мобилизацию // Независимая газета. 03.10.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-10-03/2_8555_editorial.html (дата обращения: 09.08.2024).

«Активизировались общественные и волонтерские объединения, осуществляя различные гуманитарные акции по поддержке российских военнослужащих, задействованных в специальной военной операции... Благотворительными организациями были оперативно созданы круглосуточные телефонные линии для психологической и юридической помощи мобилизованным гражданам и их родственникам» [17, с. 23].

Декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ А. Б. Шатилов также полагает, что можно сегодня говорить о формировании в среде патриотически настроенного российского общества гражданского общества «третьего пути»: «В условиях СВО в России сформировался новый тип гражданского общества — “страхующий”, который свою задачу видит в содействии военной кампании за счёт “подстраховки” и “компенсации” ошибок и просчётов власти» [18, с. 12]. Исследователь предлагает выделять несколько групп представителей «нового типа» гражданского общества в России в условиях проведения СВО [18, с. 13]:

- Волонтеры-«гуманитарщики», основной формой гражданского и политического участия которых являются сбор материальных средств и снаряжения для участников СВО, гуманитарной помощи для жителей пострадавших территорий, поддержка семей мобилизованных граждан и т.п.
- Военкоры и военные блогеры, осуществляющие освещение хода СВО непосредственно из зоны боевых действий.
- «Диванные войска», занимающиеся агитационной работой, противодействием фейковой информации, производством и распространением пропагандистской информации.
- Волонтеры-«техники», производящие «околовоенную» технику (дроны, маскировочные принадлежности и др.), закупку и ремонт транспортных средств и т.д.

Пожалуй, именно волонтерская деятельность в последние два года стала одной из наиболее развивающихся форм гражданского участия россиян. Особенно заметна тенденция к росту объемов добровольческой активности среди молодого населения. Как показывают социологические исследования, 65,5% российских студентов положительно относятся к волонтерской работе, направленной на помощь участникам СВО и мирным жителям, находящимся в зоне военного конфликта; при этом 73,4% студенческой молодёжи так или иначе участвуют в добровольческой деятельности и благотворительных мероприятиях, направленных на поддержку бойцов и мирных жителей в зоне СВО [19, с. 78–79].

Трансформация цифровых коммуникаций и медиапотребления россиян в 2022–2024 гг. СВО не только стала важным фактором трансформации ключевых моделей гражданского и политического участия россиян, но и повлияла на структуру медиапотребления и практику цифровых коммуникаций российских граждан. Последнее, в свою очередь, как мы покажем ниже, сказалось на изменении репертуара цифрового политического участия и гражданского активизма, обусловленного цифровыми технологиями.

Уже в первые месяцы проведения СВО в привычной структуре медиапотребления россиян произошли существенные трансформации, связанные с вве-

* Холдинг Meta, куда входят Instagram и Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

дением ряда ограничительных и запретительных мер. Так, в частности, по решению суда подверглись блокировке популярные социальные сети Facebook* и Instagram*, а также были признанными экстремистскими и запрещены на территории РФ ряд средств массовой информации. Результатом этих мер стало изменение структуры потребления контента и перераспределение аудитории русскоязычных пользователей.

Помимо указанных последствий, исследователи отмечают существенные изменения массовых настроений россиян, связанные со столь неожиданными для них изменениями привычных (повседневных) практик медиапотребления. Отмечается, что блокировка указанных социальных сетей стала своего рода «нарушением привычного эмоционально-информационного и поддерживающего пространства» [20], а у существенной доли молодых россиян и вовсе вызвала «непонимание, неодобрение и социально-психологическую напряжённость» [21, с. 58].

Ограничительные меры, блокировка отдельных социальных сетей и электронных средств массовой информации более чем оправданы в контексте масштабной информационной войны, одним из «фронтов» которой, несомненно, является цифровое пространство. Распространение по цифровым каналам коммуникации фейков, намеренной дезинформации, вражеской пропаганды – все это в текущих условиях является эффективным инструментом для недружественных России субъектов воздействия на массовое политическое сознание россиян. Несмотря на это, как отмечают В. К. Левашов и О. В. Гребняк, «блокировка и запрет источников информации, морально и нравственно опасных и неприемлемых для социума, ставших, по сути, информационным оружием, воспринимаются некоторыми гражданами в качестве нелегитимной цензуры» [7, с. 211].

Согласно исследованию ВЦИОМ 2023 года, в ежедневном режиме пользуются социальными сетями или мессенджерами 85% граждан России. При этом доля молодёжи по этому показателю достигает рекордных 92% у россиян в возрасте от 18 до 24 лет и 94% – в возрасте от 25 до 34 лет¹¹. Показательна в этом отношении доля вовлеченности в такую практику медиапотребления как просмотр телевидения, которая составляет на сегодняшний день всего лишь 50%.

Наибольшее количество времени российские пользователи проводят в социальной сети «ВКонтакте» (129 минут/сутки), тогда как второе и третье место занимают TikTok и Telegram – 125 и 123 минуты в сутки соответственно. Стоит отметить, что в период проведения СВО на первое место по популярности среди подписок в социальных сетях вышли новостные сообщества (77%), которые существенно оторвались от разного рода образовательных (41%), юмористических (35%) и развлекательных (33%) пабликов¹².

Данные проекта Mediascope Cross Web также демонстрируют высокую степень цифровой вовлеченности россиян: из 122 млн российских граждан старше 12 лет порядка 100 млн (83%) пользуются интернетом в ежедневном режиме (в среднем более 4 часов в сутки)¹³. При этом, как отмечается в исследовании, среднесуточное потребление социальных сетей у россиян составляет в среднем

¹¹ Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // ВЦИОМ. 10.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 09.08.2024).

¹² Там же.

¹³ Тренды медиапотребления в России // Adindex. 21.11.2023. URL: <https://adindex.ru/publication/analitics/search/2023/11/20/317349.phtml> (дата обращения: 09.08.2024).

около 1 часа в сутки, а с начала СВО данный показатель демонстрировал неустойчивую динамику: если в феврале-марте 2022 года интерес к новостным пабликам показал взрывной рост, а после блокировки Facebook* и Instagram*, напротив, время использования социальных сетей сократилось, то уже осенью 2022 года данный показатель вновь существенно возрос.

На сегодняшний день социальная сеть «ВКонтакте» является крупнейшей по ежемесячному охвату пользователей, тогда как за последние два года лидером по ежедневному охвату стала социальная сеть Telegram, резкий прирост пользователей которого наблюдался после блокировки Facebook* и Instagram*. По данным опроса ВЦИОМ, в декабре 2022 года Telegram использовали 51% россиян старше 18 лет, в то время как в феврале 2022 года только 29% заявляли об его использовании¹⁴. Изменилось и соотношение практик использования Telegram: порядка 30% всего времени использования данной платформы приходится на чтение Telegram-каналов¹⁵, тогда как остальное время тратится на использования площадки в качестве мессенджера.

В Mediascope отмечают в 2022 году значительный рост интереса к новостному контенту. С началом специальной военной операции на Украине охваты новостных ресурсов существенно выросли. Пиковые охваты пришлось на первые недели после начала СВО и на период объявления частичной мобилизации. Одной из ключевых цифровых площадок российского медиапотребления в период проведения СВО стал Telegram: его пользователи потребляют преимущественно новостной и политический контент. Как показывают исследования, 43% ТОП-30 крупнейших по числу подписчиков сообществ в Telegram представляют новостные паблики; 23% крупнейших по аудитории сообществ Telegram производят контент политической направленности, а 17% пабликов непосредственно посвящены СВО¹⁶.

По данным Mediascope, порядка 60% в структуре общего медиапотребления россиян приходится на видео-форматы. При этом телевидение продолжает лидировать по доле времени потребления (40%), главным образом, за счёт линейного просмотра телевизионных каналов, тогда как среди цифровых площадок первую строчку занимает видеохостинг YouTube (7%), за которым следует социальная сеть TikTok (3%)¹⁷.

В докладе Минцифры РФ за 2022–2023 годы структура цифрового медиапотребления россиян представлена пятью основными видами активности: 1) социальные сети (18%); 2) просмотр видеоконтента (16%); 3) коммуникация в мессенджерах; 4) онлайн-игры (9%); 5) использование площадок e-commerce, включая онлайн-банкинг (4%)¹⁸. Как отмечается в указанном докладе, с начала специальной военной операции первая пятёрка основных онлайн-активностей российских граждан не изменилась, но при этом произошло перераспределение

* Холдинг Meta, куда входят Instagram и Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

¹⁴ ВЦИОМ: каждый второй россиянин использует Telegram // ТАСС. 08.02.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16998013> (дата обращения: 09.08.2024).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Аудитория Telegram: отчет // Mediascope. Январь 2024. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/0c1/bkerepc19h48r7e0ifziocun2qq2zhk/Telegram_отчет_январь2024.pdf (дата обращения: 09.08.2024).

¹⁷ Mediascope: 60% в структуре медиапотребления в России приходится на видео // Sostav.ru. 22.11.2023. URL: <https://www.sostav.ru/publication/mediascope-64549.html> (дата обращения: 09.08.2024)..

¹⁸ Интернет в России в 2022-2023 годах: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад Минцифры РФ. М.: Дизайн-студия RE-FORM, 2023.

времени по тем или иным цифровым практикам. В частности, на 3 п.п. сократилось время использования социальных сетей при одновременном увеличении на 1 п.п. времени, проводимого в мессенджерах, по сравнению с аналогичным показателями прошлого года.

Специфика функционирования цифровой среды, особенности моделей цифровых коммуникации и медиапотребления пользователей формируют особый политический дискурс в сетевом пространстве. Если, как мы отмечали выше, социологические исследования фиксируют существенный патриотический подъем и общественную консолидацию после начала СВО в оффлайн-среде, то дискурс-анализ и изучение тональности контента, производимого на цифровых площадках, скорее говорит о явной поляризации по линии «за – против». Современные исследования показывают, что изменчивость общественных настроений россиян в период проведения СВО переместилась в интернет, что может быть связано главным образом с тем, что «в России социальные сети традиционно “перепредставляли” активистскую, молодую и более оппозиционную аудиторию», а также со спецификой функционирования самого интернет-сообщества, включающей «предрасположенность пользователей к открытой полемике с оппонентами, преобладание скептически настроенных групп, внутреннее устройство сетей, располагающее к комментариям-тредам и оперативной реакции на новостную ленту» [22, с. 173–174].

Наиболее выражено поляриность политического дискурса российских интернет-пользователей проявляется в сообществах, посвящённых теме СВО и актуальной политической повестке. Так, в 110 крупнейших политизированных сообществах «ВКонтакте» и Telegram почти 70% контента посвящено теме СВО, а анализ пользовательских комментариев и дискуссий показывает, что для данных медиасообществ «характерна однородная дискуссия с “затыканием” оппонентов и банами (блокировками) выразителей радикальных точек зрения <...> В дискурсе специальной военной операции заметна поляризация по принципу “эхо-камер”: хотя противоположные взгляды по поводу боевых действий и выражаются, коммуникация между противоборствующими сторонами является скорее исключением» [23, с. 24].

СВО и цифровое политическое участие россиян. За последнее десятилетие в России социальные сети и цифровые технологии коммуникации в целом стали существенным фактором, расширяющим спектр гражданского и политического участия граждан. В частности, социальные сети и мессенджеры используются как инструменты для организации, мобилизации, реализации тех или иных форм политического участия и гражданско-политического активизма. Под влиянием развития цифровых информационно-коммуникационных технологий появляются совершенно новые формы и модели гражданско-политического участия. В можно говорить о существовании сегодня феномена политического онлайн-участия (online political participation, OPP), или цифрового сетевого участия (digital networked participation, DNP) [24].

Все чаще социальные сети, новые онлайн-медиа и цифровые платформы с возможностью публикации пользовательского контента рассматриваются исследователями не просто как инструменты для осуществления коммуникации, но как виртуальные пространства для полноценной мобилизации для участия граждан в онлайн- или оффлайн-мероприятиях, политических и общественных акциях, выступлениях и пр. [25; 26].

Трансформации публичного политического дискурса, репертуара политического участия россиян, а также цифровой среды, которые произошли в связи с началом специальной военной операции, повлияли на практики цифрового политического участия российских граждан и их те формы их политического поведения, которые обусловлены использованием цифровых технологий. Более того, сама тематика СВО и связанные с ней события актуальной повестки (ход боевых действий, переговорный процесс, отношения России с другими субъектами мировой политики, антироссийские санкции и т.д.) является сегодня, как подтверждают исследования, проблематикой, имеющей наиболее высокий показатель «цифровой мобилизации» русскоязычных пользователей [27, с. 251].

В качестве примера практик политического участия россиян с использованием цифровых технологий коммуникации (включая социальные сети, мессенджеры, веб-сайты и другие платформы) в 2022–2024 гг. для дальнейшего анализа мы выбрали следующие:

- 1) волонтерские и добровольческие практики, в том числе практики «виртуального волонтерства»;
- 2) протестное политическое участия посредством мобилизации и координации в социальных сетях и мессенджерах;
- 3) дистанционное электронное голосование.

Мы полагаем, что указанные практики, с одной стороны, охватывают основной репертуар политического активизма российских граждан в указанный период, а с другой стороны, их анализ позволяет выявить особенности влияния цифровых технологий коммуникаций как на конвенциональное, так и на протестное политическое участие современных россиян.

Волонтерские и добровольческие практики. Волонтерская и добровольческая деятельность в период проведения СВО обрела в России существенный размах. На территории РФ сегодня функционируют десятки волонтерских ассоциаций и организаций, среди которых крупнейшие – Ассоциация волонтерских центров и Союз волонтерских организаций и движений. К 2024 году все волонтерские центры удалось объединить в федеральную социальную франшизу «Добро.Центры», базирующуюся на портале-экосистеме IT-сервисов ДОБРО.РФ¹⁹. На сегодняшний день на портале зарегистрировано более 6,7 млн волонтеров и более 125 тыс. организаций, осуществляющих волонтерскую деятельность.

Одним из самых масштабных благотворительных проектов, реализуемых в условиях проведения СВО, является Общероссийская акция взаимопомощи #МЫВМЕСТЕ²⁰, в рамках которой оказывается адресная помощь бойцам на передовой, жителям новых территорий, семьям мобилизованных, реализуются проекты по реабилитации и адаптации военнослужащих, производится сбор и доставка гуманитарной помощи. Ведущую роль в организации и координации указанных волонтерских практик играют цифровые ресурсы: официальные сайты проектов, разветвленная сетка сообществ в социальных сетях, сервисы специализированных направлений добровольческой активности.

Цифровые площадки играют сегодня ключевую роль в информировании населения о гуманитарных проектах и сборах помощи на нужды СВО. Пожалуй,

¹⁹ Портал «ДОБРО.РФ». URL: <https://dobro.ru> (дата обращения: 09.08.2024).

²⁰ Портал #МЫВМЕСТЕ. URL: <https://мывместе.рф> (дата обращения: 09.08.2024).

одним из крупнейших федеральных проектов сбора средств в поддержку фронта и мирного населения присоединённых территорий стала акция Народного фронта «Всё для победы!»²¹, в которой приняли участие более 1,6 млн человек и организаций, собравших более 5 млрд рублей.

Протестное политическое участие. Первые случаи масштабного использования социальных сетей для взаимодействия и организации во время протестных акций были зафиксированы в ходе протестов в Иране и Молдавии 2009 года [28]. Кишинёвские протесты получили название первой «Революцией Твиттера»²², так как именно через записи в Twitter осуществлялась коммуникация участников протеста, а также координация их коллективных действий непосредственно в ходе уличных акций. В 2011–2012 годы крупные уличные протесты происходили в Москве и ряде других российских мегаполисов: основной причиной протестных выступлений было желание участников митингов заявить о своём несогласии с результатами выборов в Государственную Думу. Во всех указанных случаях именно социальные сети являлись не только инструментом организации и координации, но и источником информации о происходящем на улицах и площадях.

В качестве кейса протестного политического участия, инициированного и скоординированного с помощью социальных сетей, в период проведения СВО, стоит привести пример протестов в Дагестане 25–26 сентября 2022 года. Жители села Эндирей, городов Махачкала и Хасавюрт приняли участие в акциях протеста против объявленной частичной мобилизации. Во всех случаях инициаторами и координаторами протестных митингов выступили Telegram-канал «Утро Дагестана» и ряд других пабликов «ВКонтакте» и Telegram, созданных, по сообщениям официальных российских СМИ, в рамках «информационно-подрывной акции ЦИПСО ГУР МО Украины под патронажем ЦРУ США»²³.

Дистанционное электронное голосование. Электронное голосование на выборах различного уровня является на сегодняшний день одной из практик конвенционального цифрового политического участия российских граждан. Участие граждан РФ в выборах с помощью платформы ДЭГ осуществляется с 2020 года. В период проведения СВО в России прошло несколько электоральных циклов, а в марте 2024 года впервые на президентских выборах в 28 российских регионах была использована технология ДЭГ, которой воспользовались 4,4 млн избирателей, подавших заявление на портале Госуслуги. Стоит отметить, что чаще всего на выборах Президента РФ пользовались дистанционным электронным голосованием граждане в возрасте 35–50 лет (42%), на втором месте – молодые граждане в возрасте 18–35 лет (33%).

В сентябре 2024 года технология ДЭГ будет использована на выборах 25 регионов России. При этом голосование на выборах в Московскую городскую думу восьмого созыва пройдёт в электронном виде (онлайн и через терминал), а для того, чтобы проголосовать с помощью бумажного бюллетеня, избирателям нужно будет предварительно подать заявление. По мнению отечественных политологов, благодаря онлайн-технологиям сегодня в России «создаются новые

²¹ Портал «Всё для победы!». URL: <https://pobeda.onf.ru> (дата обращения: 09.08.2024).

²² Moldova forces regain control of parliament after 'Twitter revolution' // The Guardian. 08.04.2009. URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/apr/08/moldova-protest-election-chisinau> (accessed: 09.08.2024).

²³ ФСБ задержало администраторов тг-каналов, подконтрольных разведке Украины // Новое дело. 30.09.2022. URL: <https://ndelo.ru/novosti/fsb-zaderzhalo-administratorov-tg-kanalov-podkontrolnyh-razvedke-ukrainy> (дата обращения: 09.08.2024).

инструменты интернет-голосования, блокчейн-голосования, комбинированного голосования, которые значительно повышают прозрачность выборов и ускоряют подведение их итогов, позволяют проводить быстрый аудит поданных избирателями голосов» [29, с. 203].

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что после 24 февраля 2022 года в России произошла определённая трансформация публичного дискурса и структуры медиапотребления, а также связанных с этим фактором практик политического участия россиян. Наблюдается дифференциация социально-активной части населения на две неравных группы: с одной стороны, несогласное протестное меньшинство, главной формой политического участия и «высказывания» которого стали эмиграция или спонтанные акции протеста; с другой стороны – консолидированное патриотически настроенное большинство, выражающее поддержку деятельности руководства страны через традиционные формы участия, а также практики, которые получили массовое распространение именно в условиях СВО: благотворительность, волонтерство, «провластное» электоральное поведение, информационно-агитационную работу.

После блокировки Facebook* и Instagram* наиболее популярной социальной сетью по ежемесячному охвату пользователей стала «ВКонтакте», тогда как наиболее востребованной для ежедневного использования – Telegram. При этом за последние два года наблюдается существенный рост интереса российских пользователей к новостному контенту и контенту политического содержания, что исследователи связывают с актуальностью темы СВО.

Социальные сети, мессенджеры и цифровые ресурсы в период проведения СВО остаются важными инструментами реализации гражданского и политического участия российских граждан. Преобладающими практиками такого участия, обусловленного использованием цифровых технологий, на сегодняшний день является волонтерская деятельность (включая «виртуальное волонтерство»), протестное политическое участие, а также конвенциональные практики электорального участия с использованием технологий дистанционного электронного голосования.

Библиографический список

1. Barrett M., Brunton-Smith I. Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective // Journal of Civil Society. 2014. Vol. 10, No. 1. P. 5–28. DOI [10.1080/17448689.2013.871911](https://doi.org/10.1080/17448689.2013.871911). EDN UVBEKN.
2. Vromen A., Gelber K. Power-scape: Contemporary Australian Political Practice. Sydney : Alien & Unwin, 2005. ISBN 978-1865089218.
3. Theocharis Y., van Deth J. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. NY : Routledge, 2018. DOI [10.4324/9780203728673](https://doi.org/10.4324/9780203728673).
4. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодёжи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5(153). С. 3–18. DOI [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01). EDN GGAGUX.
5. Попова О. В. Особенности политического сознания современной российской молодёжи // Политическая наука. 2017. № 1. С. 138–162. EDN YJMEYV.
6. Селезнева А. В., Азарнов А. А. «Рождение гражданина»: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 101–113. DOI [10.17976/jpps/2020.05.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08). EDN AIQFUR.

* Холдинг Meta, куда входят Instagram и Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

7. Левашов В. К., Гребняк О. В. Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период специальной военной операции на Украине // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 2(30). С. 204–213. DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-204-213](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-204-213). EDN [KHJIBR](https://www.edn.ru/2022-2-204-213).
8. Карпов П. Н. Роль новых медиа в политической коммуникации: Интернет как инструмент формирования новой политической реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 1. С. 137–149. EDN [PVPLCF](https://www.edn.ru/2013-1-137-149).
9. Куньщиков С. В., Строганов В. Б. Трансформация специфики политического манипулирования в «новых медиа» // Вопросы управления. 2018. № 6(55). С. 7–12. EDN [YUNNWX](https://www.edn.ru/2018-6-7-12).
10. Мельник Г. С. Новые (тактические) медиа как структурный компонент мобилизационных технологий // Гуманитарный вектор. 2014. № 3(39). С. 130–135. EDN [SMFXAV](https://www.edn.ru/2014-3-130-135).
11. Шестов Т. Л., Кузьмин В. А. Значение «новых медиа» в современном политическом процессе // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2019. № 2. С. 69–77. EDN [VYHWJTJ](https://www.edn.ru/2019-2-69-77).
12. Дейнека О. С., Максименко А. А. Отражение решения о специальной военной операции в массовом сознании // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8, № 1(29). С. 89–112. DOI [10.38098/ipran.sep_2023_29_1_03](https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2023_29_1_03). EDN [XIBJMO](https://www.edn.ru/2023-1-89-112).
13. Мустакимов А. В., Рогачев С. В. Влияние международного санкционного давления на консолидацию российского общества (2014–2023 гг.) // Социально-политические науки. 2023. Т. 13, № 5. С. 46–56. DOI [10.33693/2223-0092-2023-13-5-46-56](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2023-13-5-46-56). EDN [YALPOK](https://www.edn.ru/2023-5-46-56).
14. Скоробогатый П. Итоги ЕДГ: новая консолидация // Эксперт. 2022. № 38. С. 50–52.
15. Гармоненко Д., Родин И. Мобилизация как испытание для вертикали власти // Независимая газета. 21.09.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-09-21/1_8545_vertical.html (дата обращения: 09.08.2024).
16. Казаков А. А. Два года СВО: динамика изменения отношения молодёжи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, № 2. С. 185–195. DOI [10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195). EDN [CXHEMK](https://www.edn.ru/2024-2-185-195).
17. Ильин В. А., Морев М. В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 5. С. 9–32. DOI [10.15838/esc.2022.5.83.1](https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1). EDN [IJGJHO](https://www.edn.ru/2022-5-9-32).
18. Шатилов А. Б. Гражданское общество в России: третий путь // Власть. 2023. Т. 31, № 4. С. 9–14. DOI [10.31171/vlast.v31i4.9682](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9682). EDN [HVARLP](https://www.edn.ru/2023-4-9-14).
19. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Особенности добровольчества в условиях российской специальной военной операции // Управление устойчивым развитием. 2024. № 1(50). С. 76–81. DOI [10.55421/2499992X_2024_1_76](https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_1_76). EDN [MEMGAC](https://www.edn.ru/2024-1-76).
20. Лукина К. В., Широкова А. С., Захарычева Т. А. Социологическое измерение реакции пользователей на блокировку Инстаграм: оценка экспертов // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3(100). С. 132–141. DOI [10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141). EDN [VSRVLD](https://www.edn.ru/2022-3-132-141).
21. Щекотуров А. В., Зинич А. В. Медийные источники информации в контексте блокировки социальных сетей (материалы опроса студентов БФУ и ОМГАУ) // Информационное общество. 2023. № 5. С. 56–64. DOI [10.52605/16059921_2023_05_56](https://doi.org/10.52605/16059921_2023_05_56). EDN [NSFCAD](https://www.edn.ru/2023-5-56-64).
22. Анкудинов И. А. Патриотический дискурс в Рунете: до и после 24 февраля 2022 г // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2(180). С. 153–177. DOI [10.14515/monitoring.2024.2.2515](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2515). EDN [LLUFIU](https://www.edn.ru/2024-2-153-177).
23. Мартыянов Д. С. Трансформация виртуальной публичной сферы в условиях специальной военной операции // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23, № 3. С. 20–32. DOI [10.31429/26190567-23-3-20-32](https://doi.org/10.31429/26190567-23-3-20-32). EDN [CSHGRV](https://www.edn.ru/2022-3-20-32).
24. Анищенко А. В. Феномен цифрового политического участия: формы, модели и существенные аспекты // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 18–27. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.2). EDN [ARPQCF](https://www.edn.ru/2023-4-18-27).

25. Нятина Н. В., Григорик Н. Н., Молчанов А. А. Цифровизация социально-политического взаимодействия: мобилизация реальной и виртуальной коммуникации // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 3(7). С. 167–174. DOI [10.21603/2782-4799-2023-2-3-167-174](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-3-167-174). EDN [VBVRGU](https://www.edn.ru/vbvrGU).
26. Hansen N. W., Nau M. F. Between Settlement and Mobilization: Political Logics of Intra-Organizational Union Communication on Social Media // Work, Employment and Society. 2024. Vol. 38(2). P. 299–317. DOI [10.1177/09500170221122537](https://doi.org/10.1177/09500170221122537).
27. Головацкий Е. В. Региональная специфика цифровой мобилизации социального и политического взаимодействия сетевых сообществ // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 4(8). С. 246–254. DOI [10.21603/2782-4799-2023-2-4-246-254](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-246-254). EDN [VVYJAF](https://www.edn.ru/vvYJAF).
28. Мизюркин Ю. А. Роль интернет-коммуникаций в движениях протеста в странах Магриба и Ближнего Востока // Пути к миру и безопасности. 2013. № 1(44). С. 113–119. EDN [SFBWDF](https://www.edn.ru/SFBWDF).
29. Бронников И. А., Горбачев М. В. Политическая коммуникация в изменяющемся мире: теория и практика. М. : Издательство Московского университета, 2022. 540 с. ISBN 978-5-19-011761-5.

Поступила: 15.08.2024. Доработана: 20.09.2024. Принята: 02.10.2024.

Сведения об авторе:

Анищенко Александр Викторович, аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия. aav030585@mail.ru

A. V. Anishchenko¹
¹ FCTAS RAS. Moscow, Russia

POLITICAL PARTICIPATION AND DIGITAL COMMUNICATIONS OF RUSSIANS AFTER THE START OF THE SMO: FEATURES AND MAIN FORMS

Abstract. The article is devoted to identifying key changes in the practices of political participation of Russian citizens during the period of a Special military operation on the territory of Ukraine, caused, among other things, by the transformation of public political discourse and the digital environment. Analyzing the phenomenon of social consolidation in the conditions of ITS, key models of political participation and changes in media consumption of Russians over the past two years, the author concludes that after February 24, 2022, a certain transformation of public discourse and structure of media consumption, as well as related practices of political participation of Russians, took place in Russia. There is a differentiation of the socially active part of the population into two unequal groups: on the one hand, a dissenting protest minority, whose main form of political participation and “statements” were emigration or spontaneous protests; on the other hand, a consolidated patriotic majority expressing support for the activities of the country’s leadership through traditional as well as new forms of participation: charity, volunteering, “pro-government” electoral behavior, information and campaigning work. It is also noted that the prevailing practices of political participation due to the use of digital technologies today are volunteer activities (including “virtual volunteering”), protest political participation, as well as conventional practices of electoral participation using remote electronic voting technologies.

Keywords: special military operation, SMO, political participation, media consumption, volunteering, protests, remote electronic voting

For citation: Anishchenko A. V. Political participation and digital communications of Russians after the start of the SMO: features and main forms. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):36–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.3>

References

1. Barrett M., Brunton-Smith I. Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective. *Journal of Civil Society*. 2014;10(1):5–28. DOI [10.1080/17448689.2013.871911](https://doi.org/10.1080/17448689.2013.871911).
2. Vromen A., Gelber K. Power-scape: Contemporary Australian Political Practice. Sydney: Alien & Unwin; 2005. ISBN 978-1865089218.
3. Theocharis Y., van Deth J. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. NY: Routledge; 2018. DOI [10.4324/9780203728673](https://doi.org/10.4324/9780203728673).
4. Brodovskaya E. V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest among Russian youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(5):3–18. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01).
5. Popova O. V. Political consciousness of today's Russian young people. *Political science (RU)*. 2017;(1):138–162. (In Russ.).
6. Selezneva A. V., Azarnova A. A. “Birth of a Citizen”: Political and Psychological Analysis of Russian High School Students' Civic Consciousness. *Polis. Political Studies*. 2020;(5):101–113. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2020.05.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08).
7. Levashov V. K., Grebnyak O. V. Current changes in social media and the digital environment during a special military operation in Ukraine. *Socialnye i gumanitarnye znaniya*. 2022;8(2):204–213. (In Russ.). DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-204-213](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-204-213).
8. Karpov P. N. The role of new media in the political communication: internet as an instrument of setting the new agenda. *RUDN Journal of Political Science*. 2013;(1):137–149. (In Russ.).
9. Kunshchikov S. V., Stroganov V. B. Transformation of the specifics of political manipulation in “new media”. *Management Issues*. 2018;(6):7–12. (In Russ.).
10. Melnik G. S. New (tactical) media as a structural component of mobilization techniques. *Humanitarian Vector*. 2014;(3):130–135. (In Russ.).
11. Shestova T. L., Kuzmin V. A. The importance of “new media” in the modern political process. *Bulletin of Moscow University. Series 27. “Global Studies and Geopolitics”*. 2019;(2):69–77. (In Russ.).
12. Deyneka O. S., Maximenko A. A. Reflection of the decision on a special military operation in the mass consciousness. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*. 2023;8(1):89–112. (In Russ.). DOI [10.38098/ipran.sep_2023_29_1_03](https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2023_29_1_03).
13. Mustakimov A. V., Rogachev S. V. The Impact of International Sanctions Pressure on the Consolidation of Russian Society (2014–2023). *Sociopolitical Sciences*. 2023;13(5):46–56. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2023-13-5-46-56](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2023-13-5-46-56).
14. Skorobogaty P. Results of the EDG: new consolidation. *Expert*. 2022;(38):50–52. (In Russ.).
15. Garmonenko D., Rodin I. Mobilisation as a test for the vertical of power. *Nezavisimaya Gazeta*. 21.09.2022. Available at: https://www.ng.ru/politics/2022-09-21/1_8545_vertical.html (accessed: 09.08.2024).
16. Kazakov A. A. Two years of Special Military Operation: Dynamics of changes in the attitude of youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2024;24(2):185–195. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195).
17. Ilyin V. A., Morev M. V. The special military operation reveals new features of civil society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022. T. 15, № 5. С. 9–32. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2022.5.83.1](https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1).
18. Shatilov A. B. Civil Society in Russia: the Third Way. *Vlast'*. 2023;31(4):9–14. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v31i4.9682](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9682).
19. Zinurova R. I., Tuzikov A. R. Features of volunteering under the conditions of the Russian special military operation. *Managing sustainable development*. 2024;(1):76–81. (In Russ.). DOI [10.55421/2499992X_2024_1_76](https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_1_76).
20. Lukina K. V., Shirokova A. S., Zakharycheva T. A. Sociological measurement of user reaction to Instagram blocking: expert assessment. *Power and Administration in the East of Russia*. 2022;(3):132–141. (In Russ.). DOI [10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141).
21. Shchekoturov A. V., Zinich A. V. Media sources of information in the context of blocking social networks (materials of a survey of IKBFU and Omsk SAU students). *Information Society*. 2023;(5):56–64. (In Russ.). DOI [10.52605/16059921_2023_05_56](https://doi.org/10.52605/16059921_2023_05_56).

22. Ankudinov I. A. Patriotic Discourse in Runet: Before and after February 24, 2022. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2024;(2):153–177. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2024.2.2515](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2515).
23. Martyanov D. S. Transformation of Virtual Public Sphere in The Context Conditions of a Special Military Operation. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022;23(3):20–32. (In Russ.). DOI [10.31429/26190567-23-3-20-32](https://doi.org/10.31429/26190567-23-3-20-32).
24. Anishchenko A. V. The phenomenon of digital political participation: forms, models and essential aspects. *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):18–27. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.2).
25. Nyatina N. V., Grigorik N. N., Molchanov A. A. Digitization of socio-political interaction: mobilization of real and virtual communication. *Virtual communication and social networks*. 2023;2(3):167–174. (In Russ.). DOI [10.21603/2782-4799-2023-2-3-167-174](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-3-167-174).
26. Hansen N. W., Hau M. F. Between Settlement and Mobilization: Political Logics of Intra-Organizational Union Communication on Social Media. *Work, Employment and Society*. 2024;38(2):299–317. DOI [10.1177/09500170221122537](https://doi.org/10.1177/09500170221122537).
27. Golovatsky E. V. Digital mobilization of social and political interaction in network communities: regional specifics. *Virtual communication and social networks*. 2023;2(4):246–254. (In Russ.). DOI [10.21603/2782-4799-2023-2-4-246-254](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-246-254).
28. Mizyurkin Yu. A. The role of Internet communications in protest movements in the Maghreb and Middle East. *Puti k miru i bezopasnosti*. 2013;(1):113–119. (In Russ.).
29. Bronnikov I. A., Gorbachev M. V. Political Communication in a Changing World: Theory and Practice. Moscow: Moscow University Publ.; 2022. (In Russ.). ISBN 978-5-19-011761-5.

Received: 15.08.2024. Corrected: 20.09.2024. Accepted: 02.10.2024.

Information about the author:

Alexander V. Anishchenko, Postgraduate Student, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia.

aav030585@mail.ru

Обзорная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.4](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.4)
EDN [EBFAGG](https://edn.ebfagg.ru)
УДК 328.1+329.1

Б. П. Гуселетов^{1,2}

¹ Институт Европы РАН. Москва, Россия

² ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

УСПЕХ ЕВРОСКЕПТИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИОННЫХ СИЛ НА ВЫБОРАХ ДЕПУТАТОВ ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА 2024: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются итоги выборов депутатов Европейского парламента, которые прошли 6-9 июня 2024 года во всех 27 странах-членах Европейского Союза. Представлен обзор десяти основных официально зарегистрированных европартий-участников этих выборов, включая шесть так называемых еврооптимистических, поддерживающих ЕС, и три евроскептических, критикующих нынешнее состояние Союза. Проведён анализ основных итогов деятельности Европарламента предыдущего, IX созыва в период с 2019 по 2024 годы, в том числе результаты деятельности всех парламентских групп, действующих в нем и представляющих восемь ведущих европартий. Рассмотрены ключевые тенденции трансформации европейской партийно-политической системы за последние пять лет, включая падение популярности ведущих европартий и их партий-членов: консерваторов, социал-демократов, либералов и зелёных и рост привлекательности евроскептических и популистских партий во многих странах-членах ЕС; электоральные успехи на национальных выборах представителей правых, в том числе праворадикальных партий, долгие годы находившиеся в оппозиции, и обострение проблем, связанных с безопасностью и обороноспособностью ЕС. Представлены предвыборные позиции ведущих европейских партий, а также прогнозные оценки их участия в евровыборах 2024. Рассмотрены их итоги и проанализированы результаты формирования новой структуры Европарламента, включая образование двух новых оппозиционных евроскептических групп праворадикального толка: «Патриоты за Европу» (создана венгерской партией «Фидес» В. Орбана, французской партией «Национальное объединение» М. Ле Пен, чешской партией АНО А. Бабиша и др.), и «Европа суверенных наций» (возникла по инициативе партии «Альтернатива для Германии»).

Ключевые слова: Европейский Союз, Европейский парламент, европейские выборы, европейские партии, еврооптимисты, евроскептики, оппозиция

Для цитирования: Гуселетов Б. П. Успех евроскептических оппозиционных сил на выборах депутатов Европейского парламента 2024: причины и следствия // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 52–67. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.4](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.4). EDN [EBFAGG](https://edn.ebfagg.ru).

Введение. 6–9 июня 2024 года в 27 государствах-членах Европейского Союза (ЕС) прошли очередные X выборы 720 депутатов Европейского парламента, в которых приняли участие представители 10 общеевропейских политических партий (европартий), официально зарегистрированных в ЕС, и 5 европартий, не имеющих такой регистрации. Среди них необходимо выделить партии, которые поддерживают процесс дальнейшего развития и укрепления Евросоюза (*еврооптимисты*), включая 6 официально зарегистрированных: правоконсервативная «Европейская народная партия» (ЕНП), левоцентристская «Партия европейских социалистов» (ПЕС), «Альянс либералов и демократов за Европу» (АЛДЕ), правоцентристская «Европейская демократическая партия» (ЕДП), экологическая

© Гуселетов Б. П., 2024

«Европейская партия зелёных» (ЕПЗ) и регионалистская партия «Европейский свободный альянс» (ЕСА), и две не имеющие официальной регистрации: социал-либеральное, федералистское движение «Вольт Европа», левоцентристское «Движение за демократию в Европе 2025» (ДДЕ 2025). А также партии, которые критически относятся к Евросоюзу, как политическому и экономическому интеграционному образованию в его нынешнем виде (*евроскептики*), включая четыре официально зарегистрированных: умеренно правоконсервативная партия «Альянс европейских консерваторов и реформистов» (АЕКР), праворадикальная партия «Идентичность и Демократия» (ИИД), леворадикальная «Партия европейских левых» (ПЕЛ) и «Европейское христианско-политическое движение» (ЕХПД), а также не имеющая официальной регистрации популистская и контрэллитная «Европейская пиратская партия» (ЕПП) [1, с. 28–112].

Проведённое исследование основано на количественном и качественном анализе результатов евровыборов 2014–2024 гг., а также качественном контент-анализе программных документов ведущих европартий (подробнее о методике см. [2]), данных о деятельности Европарламента, других институтов ЕС и органов власти стран-членов Союза. Что касается степени научной разработки рассматриваемой темы, следует отметить, что в западной и в меньшей степени российской политической науке тематика евровыборов и деятельности европартий рассмотрена достаточно подробно [3; 4; 5], но научного анализа результатов выборов 2024 года пока не представлено.

По итогам предыдущих евровыборов, прошедших в 2014 и 2019 годах, в Европарламенте было сформировано 7 парламентских групп, представленных фракциями соответствующих европартий (см. табл. 1). Причём в 2019 году радикальным евроскептикам из партии «Идентичность и Демократия» впервые в истории ЕП удалось сформировать собственную парламентскую группу с идентичным названием, которая позиционировала себя как главная оппозиция проевропейскому альянсу, включавшему ЕНП, ПАСД, ОЕ и З-ЕСА.

Таблица 1

Распределение депутатов Европарламента по фракциям в 2014 и 2019 гг.

Название группы	Представленные в группе партии	Число депутатов Европарламента (% от общего числа)	
		2014	2019
Европейская народная партия	<ul style="list-style-type: none"> Европейская народная партия 	216 (28,7%)	182 (24,23%)
Прогрессивный Альянс Социалистов и Демократов (ПАСД)	<ul style="list-style-type: none"> Партия европейских социалистов 	187 (24,9%)	154 (20,51%)
Объединяем Европу (ОЕ)	<ul style="list-style-type: none"> Альянс либералов и демократов за Европу Европейская демократическая партия 	69 (9,2%)	108 (14,38%)
Зелёные–Европейски свободный альянс (З-ЕСА)	<ul style="list-style-type: none"> Европейская партия зелёных Европейский свободный альянс Вольт Европа 	52 (6,9%)	74 (9,85%)

Окончание таблицы 1

Название группы	Представленные в группе партии	Число депутатов Европарламента (% от общего числа)	
		2014	2019
Идентичность и Демократия	• Идентичность и Демократия	36 (4,8%)	73 (9,72%)
Европейские консерваторы и реформисты	• Альянс европейских консерваторов и реформистов • Европейское христианско-политическое движение	77 (10,25%)	62 (8,26%)
Объединённые европейские левые – Левые зелёные Севера (ОЕЛ–ЛЗС)	• Партия европейских левых	52 (6,9%)	41 (5,46%)
Независимые	–	20 (2,65%)	57 (7,59%)
Всего		751 (100%)	751 (100%)

Источник: Составлено на основе [5, с. 28].

После того как 31 января 2020 года Великобритания покинула Евросоюз и 73 её депутата ушли из Европарламента, численность почти всех парламентских групп изменилась. Согласно принятому в феврале 2019 года решению¹, 27 из 73 мест Великобритании перераспределяются среди оставшихся в Европарламенте представителей, остальные освободившиеся 46 мест резервируются под потенциальное будущее расширение союза, до этого момента общая численность сокращается до 705 депутатов Европарламента. По итогам перераспределения, после 31 января 2000 года группы ЕНП и ИиД увеличились на 5 и 3 новых депутата соответственно; численность ЕКР не изменилась, т.к. 4 депутата ушли, но пришли 4 новых; состав оставшихся групп сократился: ОЕ – на 11 депутатов (17 ушли, 6 новых пришли), ПАСД – на 6 депутатов (10 ушли, 4 новых пришли), ПЕЗ-ЕСА – на 7 депутатов (11 ушли, 4 новых пришли), ОЕЛ-ЛЗС – на 1 депутата, и независимые – на 30 депутатов Европарламента (31 ушёл и 1 новый пришёл).

Основные итоги работы Европарламента IX созыва (2019–2024). Важный момент в деятельности Европарламента IX созыва связан с тем, что все политические группы объявили о санитарном кордоне в отношении оппозиционной радикально евроскептической группы ИиД, ведущие роли в которой играли французская партия «Национальное объединение» (НО) Марин Ле Пен и итальянская партия «Лига» Матео Сальвини. Такой кордон предполагал, что депутаты от этой группы не смогут участвовать в распределении руководящих постов, включая спикера и 14 его заместителей, 5 квесторов, отвечающих за административно-финансовый надзор в отношении евродепутатов, и 20 руководителей комитетов, каждый из которых имел ещё четырёх заместителей. Объяс-

¹ Size of Parliament to shrink after Brexit // European Parliament press release. 07.02.2018. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20180202IPR97025/size-of-parliament-to-shrink-after-brexit> (accessed: 15.08.2024).

няя подобную позицию большинства депутатов Европарламента, руководитель группы ПАСД И. Гарсия (Испания) заявила: «Они собираются покончить с европейским проектом, они продемонстрировали именно это, и мы им этого не позволим»².

При этом более умеренная евроскептическая группа ЕКР, в которой ведущую роль играла польская партия «Право и справедливость» (ПиС) Я. Качинского, получила посты вице-спикера и руководителя комитета по бюджету.

За пять лет депутаты Европарламента приняли 370 законодательных актов, что несколько меньше, чем состав VIII созыва, принявший 401 закон. Снижение активности связано, во-первых, с уходом британских депутатов, во-вторых, с пандемией COVID-19, нарушившей традиционный порядок работы Европарламента, и пр. [6].

Стоит также отметить вклад Европарламента в реализацию так называемого «Зелёного пакета», который был представлен Еврокомиссией в декабре 2019 года. Его основной целью являлось сокращение выбросов CO₂ на 55% к 2030 г. по сравнению с 1990 годом для достижения климатической нейтральности в Европе к 2050 г. Для реализации этого пакета Еврокомиссия внесла в Европарламент пакет мер «С учётом цели 55» (Fit for 55)³, предлагающий пересмотр и обновление климатического законодательства ЕС, а также внедрение новых инициатив с целью обеспечения соответствия политики ЕС климатическим целям. Однако интерес к «Зелёному пакету» заметно снизился с началом российско-украинского конфликта, который привёл к беспрецедентному за последние тридцать лет росту цен на энергоносители и продукты питания, увеличению импорта украинской сельхозпродукции и необходимости усиления обороноспособности ЕС.

В октябре 2023 года Европарламент поддержал инициативу Европейского совета по усилению европейской оборонной промышленности посредством закона об общих закупках (EDIRPA). Европарламент выразил готовность выделить на эти цели €1 млрд, хотя первоначальное предложение предусматривало вдвое меньшую сумму, но в результате трёхстороннего соглашения между Евросоветом, Еврокомиссией и Европарламентом было решено выделить €300 млн. Тем не менее, Европарламент предложил создать ещё один фонд для производства боеприпасов путём принятия Закона о поддержке производства боеприпасов (ASAP), которому должно быть передано €240 млн из суммы, первоначально запланированной для EDIRPA⁴.

Следует также отметить активную позицию депутатов Европарламента в вопросе соблюдения принципа верховенства закона руководством Польши и Венгрии. В октябре 2021 года Европарламент подал в суд Евросоюза апелляцию против Еврокомиссии за невыполнение ею директивы, касающейся механизма, который ограничивает выделение средств из совместного бюджета ЕС государствам-членам, нарушающим принцип верховенства закона⁵. 5 апреля 2022 года

² El Pais: проевропейские силы создали «санитарный кордон» в Европарламенте // Регнум. 12.07.2019. URL: <https://regnum.ru/news/2664743> (дата обращения: 15.08.2024).

³ Package of measures Fit for 55 // Secca.Eu. URL: <https://secca.eu/ru/knowledge-hub/eu-policies-and-regulations/fit-for-55/> (accessed: 15.08.2024).

⁴ Совет ЕС принял правила для стимулирования общих закупок в оборонной промышленности // Интерфакс. 09.10.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/924935> (дата обращения: 15.08.2024).

⁵ Европарламент предъявил ультиматум Еврокомиссии из-за механизма верховенства права // Институт стратегического анализа и прогноза. 22.10.2021. URL: <https://isap.center/post/3701> (дата обращения: 15.08.2024).

председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен объявила депутатам Европарламента, что механизм будет активирован в отношении Венгрии, что и было сделано 27 апреля 2022 года. В марте 2024 г. Европарламент инициировал новый судебный иск против Еврокомиссии, которая решила разморозить €10,2 млрд из фонда сплочения, предназначенных для Венгрии, которая заявила, что наложит вето на финансовую поддержку Украины. Евродепутаты посчитали, что средства были выделены, хотя Венгрия так и не провела реформы, обеспечивающие независимость судебной системы⁶.

Основные тенденции трансформаций европейской партийно-политической системы в период с 2019 по 2024 годы. За пять лет, прошедших после общеевропейских выборов 2019 года, произошёл ряд событий, которые оказали существенное влияние на европейскую партийно-политическую систему, включая пандемию COVID-19, энергетический кризис, преодоление последствий, связанных с изменением климата, усиление миграции, конфликт России и Украины и др. Все это привело к:

- снижению уровня популярности ведущих европартий и их партий-членов: консерваторов, социал-демократов, либералов и зелёных, при увеличении роста в электоральной привлекательности евроскептических и популистских партий во многих странах-членах ЕС [7, p. 137–150; 8];
- победе на выборах во многих государствах-членах Евросоюза представителей правых, в том числе праворадикальных партий, которые долгое время находились в оппозиции [9].
- обострению проблем, связанных с обеспечением безопасности и обороноспособности ЕС [10];
- углублению идейно-политического раскола между старыми и новыми (Венгрия, Польша, Словакия) странами-членами ЕС по вопросам прав человека и верховенства закона, а также политики санкций в отношении России [11; 12].

В период с 2019 по 2024 гг., в почти во всех странах-членах ЕС прошли парламентские выборы, причём в некоторых не единожды (Болгария и Испания), результаты которых подтвердили тенденцию заметного усиления недовольства избирателями традиционными партиями [13], а также роста доли граждан, отказавшихся от участия в выборах из-за недовольства партиями и кандидатами, которые в них участвовали.

К примеру, основные партии-члены ведущей европартии ЕНП из Германии, Италии, Нидерландов и Франции резко снизили свои результаты на этих выборах: немецкая ХДС/ХСС с 32,9% в 2017 г. до 24,1% в 2021 г.; партия «Вперёд Италия!» с 17,3% в 2018 г. до 8,1% в 2022 г.; нидерландская «Народная партия за свободу и демократию» с 21,9% в 2021 г. до 15,25% в 2023 г. и «Республиканцев» Франции с 21,5% в 2017 г. до 11,3% в 2022 г.

Аналогичное положение дел сложилось во второй по влиятельности европартии ПЕС, партии-члены которой в Болгарии, Румынии, Франции и Чехии также потеряли поддержку избирателей: «Социалистическая партия Болгарии» с 27,9% в 2017 г. до 8,95% в 2023 г.; «Социал-демократическая партия Румынии» с 44,15% в 2016 г. до 28,9% в 2020 г.; «Социалистическая партия Франции»

⁶ Европарламент подаст в суд на Еврокомиссию из-за Венгрии // Lenta.ru. 12.03.2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/03/12/evroparlament-podast-v-sud-na-evrokomissiyu-iz-za-vengrii/> (дата обращения: 15.08.2024).

с 9,5% в 2017 г. до 5,23% в 2020 г., и «Социал-демократическая партия Чехии», которая с 2013 по 2017 гг. была правящей, в 2017 г. получила 7,25% голосов, а в 2021 г. – 4,6% и впервые с 1992 г. не попала в парламент.

В третьей по влиянию европартии АЛДЕ партии-члены из Нидерландов, Финляндии, Франции, Чехии и Швеции также растеряли электоральную поддержку: нидерландские «Демократы 66» с 15% в 2021 г. опустились до 6,3% в 2023 г.; партия «Финляндский центр» с 13,75 в 2019 г. до 11,3% в 2023 г.; партия Э. Макрона «Возрождение» с 32,3% в 2017 г. до 25,8% в 2022 г.; чешская партия АНО, до 2021 г. возглавлявшая правительство, с 29,6% в 2017 г. до 27,1% в 2021 г.; шведская «Партия центра» с 8,6% в 2018 г. до 6,7% в 2022 г.

Падение популярности партий мейнстрима неизбежно сопровождалось ростом поддержки популистских партий правого толка, которые долгое время находились на периферии партийно-политического ландшафта своих стран. По мнению Я.-В. Мюллера и П. Осколкова, причина в том, что эти партии открыто противопоставляли себя «коррупционному и морально деградировавшему элитам» [14], а их политические программы представляли собой смешение «националистического дискурса с левыми социальными требованиями, антиэлитизмом и ...антисистемностью» [15].

Другим следствием падения влияния традиционных партий стал рост популярности в ряде стран-членах ЕС евроскептических партий, являвшихся членами либо праворадикальной европартии ИиД, либо более умеренной ЕКР. При этом представители ЕКР в Италии («Братья Италии», БИ) и Чехии («Гражданская демократическая партия», ГДП) возглавляют правительства, в Польше партия ПиС была правящей до октября 2023 г.; в Финляндии партия «Финны» вошла в правящую коалицию в 2023 г. Партии-члены ИиД в Греции («Новые правые»), Португалии («Чега») и Швеции («Шведские демократы»), на последних парламентских выборах улучшили свои результаты, заняв вторые-третьи места, а нидерландская «Партия свободы» даже победила на выборах 2023 г. [16].

При этом в последнее время произошло сближение позиций правоцентристских и крайне правых партий, например, в Австрии, Италии, Финляндии, Чехии и Швеции, что может иметь серьезные последствия для будущего ЕС [17].

Заметной проблемой для ЕС стал его конфликт с руководством Венгрии, Польши и Словакии по вопросам соблюдения прав человека и верховенства закона, являвшихся базовыми для европейцев ценностями [18].

Правящая партия «Фидес» В. Орбана, которая до 2021 г. входила в ЕНП, инициировала принятие новой конституции Венгрии, сократившей полномочия Конституционного суда и усилившей влияние правительства на медийную сферу.

Правительство Польши, возглавляемой с 2015 г. ПиС, приняла ряд законов, которые ограничили свободу слова, деятельность НПО и независимых СМИ.

В сентябре 2023 г. парламентские выборы в Словакии выиграла партия-член ПЕС бывшего премьера Р. Фицо «Курс – социальная демократия» (К-СД), которая, возглавив правительство, ликвидировала специальную антикоррупционную прокуратуру и сократила сроки наказания за финансовые нарушения. В январе 2024 г. Фицо заявил, что единственным способом остановить российско-украинский конфликт будет отказ Киева вступления в НАТО и от территорий, которые находятся под контролем Москвы. Он также поддержал требова-

ние Орбана о блокировке пакета помощи ЕС для Украины в размере €50 млрд. Все это вызвало недовольство Евросовета и Еврокомиссии⁷.

Прецеденты с Венгрией, Польшей и Словакией показали, что, с одной стороны, происходит эскалация разногласий внутри ЕС, а с другой, политическим институтам ЕС пришлось усилить давление на некоторые её страны-члены, а также евроскептические партии, которые игнорируют общеевропейские ценности.

Предвыборные позиции ведущих европейских партий. По оценке европейского медиахолдинга Politico Europe, наиболее чувствительными для европейцев в 2024 году оказались вопросы миграции, бедности, здравоохранения, безработицы, безопасности, изменения климата и будущего Европы⁸. На этих вопросах предстояло сконцентрироваться ведущим европартиям в преддверии выборов, что и обсуждалось в ходе предвыборных съездов и заседаний руководящих органов партий, на которых утвердили избирательные манифесты и кандидатов на пост председателя Еврокомиссии (Spitzenkandidaten).

Предвыборный съезд ЕНП, состоявшийся 6-7 марта 2024 года в Бухаресте, принял предвыборный манифест «Наша Европа, безопасный и хороший дом для нашего народа», в котором основное внимание было уделено проблемам безопасности и обороны, миграции, конкурентоспособности, климата и обеспечения процветания граждан Европы. ЕНП предложила ввести пост еврокомиссара по безопасности и обороне, образовать «Единый рынок обороны» за счёт увеличения расходов на оборону в рамках долгосрочного бюджета ЕС и приоритетных закупок военной техники, а также ввести санкции против «тоталитарных режимов во всем мире», отказавшись от принципа их единодушного одобрения всеми членами Евросовета. Решать миграционную проблему ЕНП предлагала путём укрепления пограничного агентства Frontex и расширения практики заключения договоров со странами происхождения мигрантов и их транзита, предусматривающих финансовую поддержку в обмен на ужесточение миграционных ограничений⁹. Spitzenkandidaten от ЕНП стала действующий председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен (ХДС, Германия), которая отметила, что: «Нашей мирной и объединённой Европе бросают вызов популисты, националисты и демагоги. ЕНП – это партия, которая отстаивала Европу, способную защитить себя, и мы создадим Оборонительный союз...».

ПЕС провела съезд 2-3 марта 2024 года в Риме, утвердив предвыборный манифест «Европа, которую мы хотим. Социальная. Демократическая. Устойчивая». В нем евросоциалисты заявили, что выступают за сплоченную Европу, способную защитить свой суверенитет, инвестирующую в «зелёные» рабочие места, устойчивое благосостояние и динамичную экономику¹⁰. Spitzenkandidaten от ПЕС стал еврокомиссар по вопросам занятости и социальных прав Н. Шмит («Социалистическая рабочая партия Люксембурга»), пообещавший не допу-

⁷ Pollet M. Slovak PM: Ukraine must give up territory to end Russian invasion // Politico.eu. 21.01.2024. URL: <https://www.politico.eu/article/slovakia-prime-minister-robot-fico-ukraine-cede-territory-russia-moscow-invasion-nato-entry/> (accessed 15.08.2024).

⁸ All politics is local: What the EU election is actually about in each country // Politico.eu. 03.06.2024. URL: <https://www.politico.eu/article/politics-local-eu-election-about-member-country/> (accessed 15.08.2024).

⁹ EPP Manifesto 2024 Our Europe, a safe and good home for the people // EPP.eu. 07.03.2024. URL: https://www.epp2024.eu/_files/ugd/8e086a_1f2f80e365d34cd386bd2343fa427c99.pdf (accessed 15.08.2024).

¹⁰ PES Manifesto for the 2024 European Elections. The Europe we want. Social. Democratic. Sustainable // PES.eu. 02.03.2024. URL: https://pes.eu/wp-content/uploads/2024/03/2024_PES_Manifesto_EN.pdf (accessed 15.08.2024).

стить кризис демократии за счёт отказа от сотрудничества с крайне правыми, активнее работать над созданием больших возможностей для молодёжи, защищать права женщин и меньшинств, а также усилить роль Европы в обеспечении справедливого миропорядка.

АЛДЕ, по итогам съезда 20 марта 2024 г. в Брюсселе, одобрила предвыборный манифест и утвердила Spitzenkandidaten председателя Комитета по обороне немецкого Бундестага А.-М. Штрак-Циммерманн («Свободная демократическая партия»).

ЕПЗ провела съезд 2-4 февраля 2024 года в Лионе, где был одобрен манифест «Мужество чтобы изменяться»¹¹, а также ещё один предвыборный документ, названный «Приоритеты ЕПЗ-24»¹². Он представлял собой краткий обзор Манифеста и состоял из 12 основных приоритетов ЕПЗ, которые предлагались европейским избирателям. Spitzenkandidaten от ЕПЗ стали сопредседатели её группы З-ЕСА Т. Рейнтке (партия «Зелёных» Германии) и Б. Эйкхаут (партия «Левые-Зелёные», Нидерланды), которые в своих выступлениях подчеркнули опасность прихода к власти крайне правых и необходимость построения зелёной, социальной и инклюзивной Европы¹³.

Партия ПЕЛ утвердила манифест «Принципы и предложения европейских левых» на заседании Генеральной ассамблеи, прошедшей 23 февраля 2024 года, основные положения которого включали борьбу с неонацизмом, противодействие расширению НАТО и новой гонке вооружений в Европе; искоренение бедности; укрепление демократии; противодействие неокOLONIALному господству Запада и демократизация международных институтов (ООН, МВФ, ВБ)¹⁴. Spitzenkandidaten от ПЕЛ стал её лидер В. Байер («Компартия Австрии»).

Партия ЕКР на заседании Совета, прошедшего в Страсбурге 23 апреля 2024 года, одобрила свой предвыборный манифест. Представляя его, лидер ЕКР Д. Мелони отметила, что «главная задача партии – защита наших стран от попыток лишить их власти». Совет ЕКР решил не выдвигать своего Spitzenkandidaten¹⁵.

Партия ИиД не стала выдвигать ни предвыборный манифест, ни своего Spitzenkandidaten. ИиД и её группа в Европарламенте не разместили никакой информации о своём участии в евровыборах-2024, ограничившись публикацией на официальном сайте партии выдержки из её антверпенской декларации 2022 года: «Партия ИиД остаётся приверженной исключительно европейскому сотрудничеству, при котором все государства-члены и народы сохраняют свои права».

ЕКР и ИиД сделали основной упор на ведении избирательных кампаний в тех странах-членах ЕС, где у них были сильные партии-члены: Италия, Лат-

¹¹ Courage to Change: Manifesto 2024. European Green party Manifesto // Datocms-assets.com. 02.02.2024. URL: https://www.datocms-assets.com/87481/1708539548-egp_manifesto-2024_courage-to-change.pdf (accessed 15.08.2024).

¹² EGP Priorities 24 // Datocms-assets.com. 04.02.2024. URL: <https://www.datocms-assets.com/87481/1708092100-priorities-2024-as-adopted-lyon-4-february-2024.pdf> (accessed 15.08.2024).

¹³ European Greens field Terry Reintke and Bas Eickhout as top candidates ('Spitzenkandidaten') for EU elections // Europeangreens.eu. 03.02.2024. URL: <https://europeangreens.eu/news/european-greens-field-terry-reintke-and-bas-eickhout-as-top-candidates-spitzenkan/> (accessed 20.03.2024).

¹⁴ PEL European Elections 2024 Manifesto. Principles and Proposals of the European Left // Europran-left.org. 23.02.2024. URL: <https://www.european-left.org/2024-eu-election-manifesto/> (accessed 15.08.2024).

¹⁵ ECR Party adopts manifesto for European elections, decides not to put forward a lead candidate // ECRparty.eu. 24.04.2024. URL: <https://ecrparty.eu/2024/04/24/ecr-party-adopts-manifesto-for-european-elections-decides-not-to-put-forward-a-lead-candidate/> (accessed 15.08.2024)

вия, Литва, Польша, Чехия и Швеция у ЕКР, и Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Италия, Нидерланды, Португалия, Франция и Чехия у Иид.

По итогам предвыборных кампаний ряд европейских общественных организаций и медиа-групп опубликовали прогнозы результатов евровыборов-2024. Наиболее репрезентативными были прогнозы общеевропейской неправительственной организации Europe Elects¹⁶, немецкой организации Der (europäische) Federalist¹⁷ и Медиа-группы Politico Europe¹⁸. Если усреднить данные их прогнозов, то из них следовало, что ЕНП сохранит лидирующую позицию, а её парламентская группа будет состоять из 173 депутатов. Группа ПАСД сократится до 139 депутатов, ОЕ – до 85, З-ЕСА – до 47 и ПЕЛ – до 38 депутатов Европарламента. А вот оппозиционные группы Иид и ЕКР должны увеличиться до 86 и 80 депутатов соответственно. При этом число независимых депутатов составит 45, а ещё 27 депутатов будут представлять национальные партии, не аффилированные ни с одной из действующих европартий.

Итоги евровыборов-2024 и формирование новых оппозиционных групп в Европарламенте. Явка на выборы в целом по ЕС составила 51,05%, что стало самым высоким показателем с 1999 года. Результаты этих выборов и их сравнение с результатами евровыборов 2019 года, представленные в табл. 2, в общем и целом соответствовали прогнозам.

Таблица 2

Результаты выборов депутатов Европарламента 2019 и 2024 гг.,
количество и % от общего числа депутатов

Группа в Европарламенте (Европартия)	30.07.2019 по итогам создания групп в Европарламенте		01.02.2020 после Брекзит		10.06.2024 по итогам выборов	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
ЕНП (ЕНП)	182	24,25	176	24,90	189	26,25
ПАСД (ПЕС)	154	20,50	139	19,70	136	18,90
ОЕ (АЛДЕ)	108	14,40	102	14,45	74	10,30
З-ЕСА (ЕПЗ)	74	9,85	71	10,05	51	7,10
Иид (Иид)	71	9,70	49	6,85	58	8,10
ЕКР (ЕКР)	62	8,25	69	9,08	83	11,55
ОЕЛ-ЛЗС (ПЕЛ)	41	5,45	37	5,25	39	5,40
Независимые	57	7,60	62	8,80	45	6,25
Всего	751	100%	705	100%	720	100%

Источник: Составлено автором на основе открытых данных European Parliament. European elections 2019, 2024 results. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/european-results/2019-2024>; <https://results.elections.europa.eu/en/european-results/2024-2029/> (accessed: 15.08.2024).

¹⁶ Europe Elects // Europeelects.eu. 04.03.2024. URL: <https://europeelects.eu/2024/03/04/february-2024/> (accessed 15.08.2024).

¹⁷ Müller M. European Parliament seat projection (February 2024): EPP extends lead, far-right surge slowed down // Foederalist.eu. 29.02.2024. URL: <https://www.foederalist.eu/2024/02/ep-seat-projection-february-2024.html> (accessed 15.08.2024).

¹⁸ Politico's Poll of Polls is tracking national trends to show the seat projections for the next European Parliament // Politico.eu. 21.06.2024. URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/european-parliament-election/> (accessed 15.08.2024).

Как видно из табл. 2, заметно превзошла прогноз партия ЕНП, что можно объяснить хорошими результатами её партий-членов на этих выборах, а также удачной избирательной кампанией и сильным Spitzenkandidaten в лице У. фон дер Ляйен, которая за 5 лет нахождения на посту председателя Еврокомиссии стала хорошо известна большинству европейских избирателей. Консерваторы победили в 13 странах-членах ЕС: Болгария, Германия, Греция, Испания, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Польша, Словения, Финляндия, Хорватия и Эстония. Особенно следует отметить их успехи в наиболее многонаселённых странах, которые имеют широкое представительство в Европарламенте: в Германии, имеющей 96 депутатов, победила ХДС/ХСС (30% голосов и 29 депутатов); в Испании, имеющей 61 депутата, победила «Народная партия» (34,2% голосов и 22 депутата); в Польше, имеющей 53 депутата, победила «Гражданская платформа» (37,05% голосов и 19 депутатов), и в Греции, имеющей 21 депутата, победила «Новая демократия» (28,3% голосов 7 депутатов) [19].

Партия ПЕС, как и прогнозировалось, несколько ухудшила свой результат, хотя и победила в 5 странах-членах ЕС: Мальта, Нидерланды, Португалия, Румыния и Швеция. Но социал-демократы потерпели серьёзное поражение в Германии, где СДПГ набрала лишь 13,9% (14 депутатов), проиграв не только ХДС/ХСС, но и АдГ; Греции, где ПАСОК набрала 12,8% (3 депутата); Венгрии, имеющей 21 депутата, где «Соцпартия» набрала 8,08% (2 депутата), и Польше, где партия «Новые левые» набрала 6,3% (3 депутата).

Серьёзную неудачу потерпели либералы из АЛДЕ, которые недобрали 11 депутатов даже до прогнозного уровня. Партия победила лишь в Словении и Чехии, которые имеют 15 и 21 депутатов соответственно. Сокрушительное поражение АЛДЕ потерпела во Франции (81 депутат), где партия президента Э. Макрона «Возрождение» получила лишь 14,6% (13 депутатов); Германии, где «Либерально-демократическая партия» набрала 5,2% (5 депутатов); Нидерландах, имеющих 31 депутата, где «Народная партия за свободу и демократию» премьеры М. Рютте набрала 11,6% (4 депутата), а партия «Демократы 66», набрала 8,1% (2 депутата). Кроме того, уже после выборов 7 евродепутатов от чешской партии АНО бывшего премьеры А. Бабиша решили выйти из группы ОЕ из-за несогласия с позицией АЛДЕ по «Зеленому пакету» и миграционной политике¹⁹. Также 5 вновь избранных депутатов от партии «Вольт Европа», которые были идейно близки к АЛДЕ, отказались вступать в группу ОЕ из-за наличия в ней депутатов от АНО и перешли в группу З-ЕСА²⁰.

Оппозиционная европартия ИиД также сильно не добрала до своего прогноза, что связано с принятым накануне выборов решением руководства её группы в Европарламенте об исключении из состава депутатов от германской АдГ из-за того, что лидер списка этой партии М. Кра позволил себе в одном из интервью высказывания, оправдывающие германских нацистов²¹. В результате ИиД не

¹⁹ Wax E., Jochecová K. Former Czech PM Andrej Babiš quits liberal Renew group in EU Parliament // Politico.eu. 21.06.2024. URL: <https://www.politico.eu/article/andrej-babis-quits-renew-group-eu-parliament-election-czech-republic/> (accessed 15.08.2024).

²⁰ Haeck P. and Wax E. Fresh setback for Renew as 5 MEPs choose Greens // Politico.eu. 20.06.2024. URL: <https://www.politico.eu/article/renew-faces-volt-setback-in-race-to-become-parliaments-third-force-greens/> (accessed 15.08.2024).

²¹ Почему правая фракция Европарламента исключила из своего состава АдГ. За это решение проголосовали четыре европейские партии // RBC.ru. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2024/664f5a839a79470bf05d0181> (accessed 15.08.2024).

досчитались 15 депутатов от АдГ, которая на этих выборах заняла в Германии второе место после ХДС/ХСС, опередив правящую СДПГ [20].

Экологическая европартия ЕПЗ ожидаемо сократила численность своей фракции, как и следовало из прогноза. Это было связано со слабым выступлением её основной партии-члена «Союз 90-Зелёные», которая набрал лишь 11,9% (12 депутатов). Не очень удачно выступили представители ЕПЗ в Австрии, Бельгии, Испании и Франции. И даже успех их альянса с ПЕС в Нидерландах, набравшего 21,6%, дал им лишь 5 депутатов.

А вот партия ЕКР во главе с Д. Мелони выступила успешно, даже превзойдя прогноз и получив 83 депутатских места, что сделало её третьей по численности в Европарламенте. Этот успех определили удачное выступление партии «Братья Италии», уверенно победившей с результатом 28,8% (24 депутата), и польской ПиС, занявшей второе место с результатом 36,15% (20 депутатов). Неплохо выступили представители этой партии в Греции, Испании, Чехии (в альянсе с ЕНП) и Швеции [19].

И наконец, группа-аутсайдер умеренно оппозиционной европартии ПЕЛ практически оправдала свой прогноз, лишь немного сократив свою численность и оставшись самой малочисленной. ПЕЛ неплохо выступила в Ирландии и Финляндии, но провалилась в Германии из-за того, что бывший лидер немецких левых С. Вагенткнехт, которая выступала за восстановление сотрудничества с Россией, вышла из партии, образовав свою партию «Союз Сары Вагенткнехт», который набрал 6,2% (6 депутатов).

Самое интересное началось после подведения итогов выборов, когда стартовали переговоры между представителями парламентских групп с независимыми и колеблющимися депутатами. Одним из ключевых игроков в этих переговорах стала партия «Фидес» В. Орбана, которая в марте 2021 года вышла из ЕНП, соответственно её депутаты покинули парламентскую группу ЕНП. Накануне выборов Орбан выразил намерение присоединиться к ЕКР, учитывая его хорошие отношения с руководством ПиС. Но против этого из-за антиукраинской позиции Орбана выступают ГДП и «Шведские демократы», угрожая выйти из партии, и Мелони решила отложить решение этого вопроса до завершения евровыборов [20]. Переговоры Орбана и Мелони так и не привели к успеху, после чего Орбан неожиданно предложил партии АНО и «Австрийской партии свободы» создать в Европарламенте новую группу «Патриоты за Европу» (ПзЕ)²². 30 июня 2024 года лидеры трех этих партий В. Орбан, А. Бабиш и Г. Кикль подписали «Патриотический манифест для европейского будущего», основными положениями которого были: больше суверенитета странам-членам ЕС, ужесточение борьбы с нелегальной миграцией и пересмотр «Зелёного пакета». Вскоре к этой инициативе присоединились бывшие члены группы ИиД: «Лига», НО, бельгийская «Фламандский интерес», «Датская народная партия», греческая партия «Голос разума», «Нидерландская партия свободы», португальская «Чега», а также покинувшая ЕКР испанская партия «Голос», и ещё ряд небольших партий из Венгрии, Латвии и Чехии. В итоге новая группа ПзЕ, которая состояла из 84 депутатов, стала третьей по численности. Её руководителем был избран председатель НО Д. Барделла. Группа позиционировала себя как главная оппозиция альянсу еврооптимистов: ЕНП, ПАСД, ОЕ

²² Hungary's Orban moves to form new EU parliament group // India Times.com. 30.06.2024. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/europe/hungarys-orban-moves-to-form-new-eu-parliament-group/articleshow/111379448.cms> (accessed 15.08.2024).

и З-ЕСА, но при этом заявила себя не столь радикально евроскептической, как её предшественница ИиД.

В свою очередь АдГ выступила инициатором создания ещё одной более радикально оппозиционной группы «Европа суверенных наций» (ЕСН), в которую также вошли депутаты из Болгарии, Венгрии, Польши, Литвы, Словакии, Франции и Чехии. Эта группа состоит из 25 депутатов и является самой малочисленной в Европарламенте X созыва. Её сопредседателями стали Р. Ауст (АдГ) и С. Тишка (польская партия «Новая надежда»).

В результате, по данным на 20 августа 2024 года структура Европарламента выглядит следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3

Состав парламентских групп в Европарламенте на 20.08.2024 г.,
количество и % от общего числа депутатов

Группа в ЕП (Европартия)	10.06.2024, по итогам выборов	
	число депутатов	%
ЕНП (ЕНП)	188	26,10
ПАСД (ПЕС)	136	18,90
ПзЕ (ИиД)	84	11,65
ЕКР (ЕКР)	78	10,85
ОЕ (АЛДЕ, ДПЕ)	77	10,70
З-ЕСА (ЕПЗ, Вольф Европа)	53	7,35
ОЕЛ-ЛЗС (ПЕЛ)	46	6,40
ЕСН (Неаффилированные)	25	3,50
Независимые	33	4,55
Всего	720	100%

Источник: Составлено автором на основе открытых данных European Parliament. European elections 2024 results. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/european-results/2024-2029/> (accessed: 15.08.2024).

Как видно из табл. 3, оппозиционные правые евроскептические партии ПзЕ, ЕКР и ЕСН занимают 187 мест или 26%, причём радикально евроскептическая группа ЕСН имеет лишь 3,5%. Левая умеренно евроскептическая группа ОЕЛ-ЛЗС занимает 46 мест или 6,4%. Таким образом условно можно говорить, что соотношение между блоками проевропейских сил и евроскептических сил составляет 454 к 233 при 33 независимых. Это соотношение позволило еврооптимистам избрать 16 июля 2024 спикером Европарламента на ближайшие 2,5 года Р. Местолу (ЕНП, Кипр), за которую проголосовали 526 депутатов²³. Но самое важное противостояние между еврооптимистами и евроскептиками разгорелось при голосовании за У. фон дер Ляйен как Председателя Еврокомиссии, которое состоялось 18 июня 2024 г. Накануне лидер ЕКР Д. Мелони заявила, что группа ЕКР не поддержит кандидатуру фон дер Ляйен²⁴. Тем не менее за действующего председателя Еврокомиссии проголо-

²³ Griera M. Roberta Metsola reelected European Parliament president // Politico.eu. 16.07.2024. URL: <https://www.politico.eu/article/roberta-metsola-reelected-european-parliament-president/> (accessed: 15.08.2024).

²⁴ Roberts H. Meloni's fury threatens 2nd term for von der Leyen // Politico.eu. 17.07.2024. URL: <https://www.politico.eu/article/giorgia-meloni-italy-pm-eu-commission-ursula-von-der-leyen-europe-germany-vote-olaf-scholz/> (accessed: 15.01.2024).

свал 401 депутат, 284 были против, 7 воздержались и 7 бюллетеней были признаны недействительными²⁵.

Ещё одно противостояние между еврооптимистами и евроскептиками произошло по поводу распределения руководящих постов в Европарламенте. Группа ПзЕ, исходя из её численности, могла претендовать на двух председателей комитетов и восемь их заместителей. Но еврооптимисты вновь решили создать санитарный коридор для ПзЕ и ЕСН, полностью исключив их из процесса распределения руководящих постов. При этом четвертая по численности группа ЕКР получила 2 поста вице-спикеров, одного квестора, 3 руководителей комитетов (по бюджету, по петициям и по сельскому хозяйству), а также 10 их заместителей. Даже леворадикальная группа ОЕЛ-ЛЗС получила пост руководителя комитета по занятости и социальным вопросам.

Таким образом можно констатировать, что руководство нового X созыва Европарламента сохранило изоляционистскую позицию в отношении праворадикальных, националистических евроскептиков, что, по мнению многих европейских политиков и экспертов, противоречит не только его регламенту, но и европейским демократическим принципам, включающим гарантии представительства любым политическим силам, которые на выборах получили поддержку избирателей. Не стоит при этом забывать, что в условиях сохранения в Европе в последние 15 лет серьёзных социально-экономических и миграционных проблем, популярность крайне правых партий растёт и будет расти как на общеевропейском (свидетельство этому итоги евровыборов 2019 и 2024 гг.), так и на национальном (выборы в Германии 2021 г., Венгрии, Италии и Швеции 2022 г., Словакии и Финляндии 2023 г., Бельгии, Нидерландах, Португалии и Франции 2024 г.) уровнях.

Кроме того, нужно помнить, что по регламенту Европарламента через 2,5 года пройдут перевыборы всех его руководителей. И можно предположить, что если за это время произойдут позитивные изменения в отношении к ПзЕ или (менее вероятно) к ЕСН со стороны их оппонентов, будут найдены компромиссы между ними, это позволит депутатам от «Патриотов за Европу» претендовать на получение ряда руководящих постов в Европарламенте. Важно также иметь в виду, что в ближайшие 2-3 года пройдут президентские выборы во Франции, парламентские выборы в Германии и ряде других европейских стран, которые могут принести правым радикалам весьма неплохие результаты и позволят изменить соотношение сил между еврооптимистами и евроскептиками в Евросовете и Еврокомиссии.

Для России наличие в Европарламенте двух евроскептических групп, во главе которых стоят национальные партии, позитивно относящиеся к ней (Фидес, НО и Лига, в ПзА и АдГ в ЕСН) несомненно является позитивным моментом. Позволяющим рассчитывать на сохранение возможностей ведения диалога с этими группами. Проблема заключается в том, что эти группы не имеют в настоящее время реальных рычагов влияния на политику Европарламента. Но, как уже отмечалось, ситуация может измениться в течение ближайших 2-3 лет.

Заключение. Одним из главных результатов выборов депутатов Европейского парламента 2024 года стал очевидный успех праворадикальных евроскептических сил, который стал логичным продолжением тенденции укрепле-

²⁵ Moens B., Wax E., Grieria M. Ursula von der Leyen wins second term as European Commission president // Politico.eu. 18.07.2024. URL: <https://www.politico.eu/article/ursula-von-der-leyen-reelected-european-commission-president-second-term/> (accessed: 15.08.2024).

ния их позиций за последние 5–10 лет в большинстве стран-членов Евросоюза, включая Австрию, Бельгию, Венгрию, Испанию, Италию, Нидерланды, Польшу, Словакию, Финляндию, Швецию и др. При этом важно отметить, что двое представителей оппозиционной европартии «Европейские консерваторы и реформисты» Д. Мелони («Братья Италии») и П. Фиала («Гражданско-демократическая партия» Чехии) являются глава правительств и членами Европейского совета, а главы правительств Венгрии В. Орбан («Фидес») и Словакии Р. Фицо («Курс-социальная демократия») в последнее время заняли активную евроскептическую позицию, следствием чего стало исключение их партий соответственно из ЕНП и ПЕС.

И хотя по итогам этих евровыборов ведущая проевропейская правоконсервативная ЕНП сумела улучшить свой результат и сохранила лидирующую позицию в Европарламенте, остальные проевропейские ПЕС, АЛДЕ и ЕПЗ свои позиции резко ослабили, а оппозиционная ЕКР наоборот заметно улучшила свой результат и претендовала даже на то, чтобы занять в Европарламенте третье место. Партия ИиД, которая по прогнозам должна была выступить лучше, чем ЕКР, в итоге не смогла даже повторить результат 2019 года, что было связано с тем, что буквально накануне выборов она была вынуждена исключить из своих рядов партию АдГ из-за пронацистских высказываний одного из её лидеров.

Тем не менее, ведущие партии-члены ИиД из Австрии, Бельгии, Дании, Италии, Нидерландов, Португалии и Франции сумели договориться с «Фидес» и АНО, а также испанской партией «Голос» из ЕКР об объединении своих усилий и создали третью по численности группу в ЕП «Патриоты за Европу» во главе с молодым и амбициозным лидером НО Д. Барделла. А партия АдГ смогла объединиться с группой малых националистических радикально евроскептических партий из Болгарии, Венгрии, Литвы, Польши, Словакии, Франции и Чехии, и создала ещё одну оппозиционную группу «Европа суверенных наций».

И хотя обе эти группы находятся сегодня в Европарламенте в глухой оппозиции и не допущены даже до распределения руководящих постов, есть все основания полагать, что в течении ближайших 2–3 лет ситуация в ЕП и Евросоюзе в целом может заметно измениться и роль и влияние этих групп серьёзно изменится.

Библиографический список / References

1. Гуселетов Б. П. Общеевропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. М.: Институт Европы РАН, 2022. 196 с. DOI [10.15211/report22022_388](https://doi.org/10.15211/report22022_388). EDN [JMTRKQ](https://doi.org/10.15211/report22022_388).
Guseletov B. P. Trans European political parties in XXI century: formation, development and prospects. Moscow: IE RAS; 2022. (In Russ.). DOI [10.15211/report22022_388](https://doi.org/10.15211/report22022_388).
2. Попова О. В. Методы работы с документами и текстами в политологических исследованиях: презентация // HSE. URL: [https://www.hse.ru/data/2020/12/14/1358324855/ПоповаОВ_методы_работы_документов_20июня2020\)для_семинара_АЮС.pdf](https://www.hse.ru/data/2020/12/14/1358324855/ПоповаОВ_методы_работы_документов_20июня2020)для_семинара_АЮС.pdf) (дата обращения: 15.08.2024).
Popova O. V. Methods of working with documents and texts in political science research: presentation. HSE. (In Russ.). Available at: [https://www.hse.ru/data/2020/12/14/1358324855/ПоповаОВ_методы_работы_документов_20июня2020\)для_семинара_АЮС.pdf](https://www.hse.ru/data/2020/12/14/1358324855/ПоповаОВ_методы_работы_документов_20июня2020)для_семинара_АЮС.pdf) (accessed: 15.08.2024).
3. Lefkofridi Z., Katsanidou A. A step closer to a transnational party system? competition and coherence in the 2009 and 2014 European Parliament. *Journal of Common Market Studies*. 2018;56(6):1462–1482. DOI [10.1111/jcms.12755](https://doi.org/10.1111/jcms.12755).
4. Persson T. How the elections to the European parliament fell short of providing alternatives. In: Bolin N., Falasca K., Grusell M. [et al.] (eds.). Eurolections. Leading academics on the European elections 2019. Sundsvall: Mittuniversitetet; 2019. P. 16.

5. Гуселетов Б. П. Новый состав Европарламента: прогнозы и результаты // Выборы в Европарламент – 2019. Национальные ответы на дилеммы европейской интеграции (Москва, 06 июня 2019). М. : ИМЭМО РАН, 2019. С. 26–29. DOI [10.20542/978-5-9535-0559-8](https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0559-8). EDN TSUBVN.
Guseletov B. P. The new composition of the European Parliament: forecasts and results. In: European Parliament Elections 2019. National Answers to the Dilemmas of European Integration. Moscow: IMEMO RAN; 2019. P. 26–29. (In Russ.). DOI [10.20542/978-5-9535-0559-8](https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0559-8).
6. Bernard E., Corlin P. Bilan de la 9e législature du Parlement européen. *Schuman Papers* n°758. 22.07.2024. URL: <https://www.robert-schuman.eu/questions-d-europe/758-bilan-de-la-9e-legislature-du-parlement-europeen> (accessed: 15.08.2024).
7. Filip A. Eurosceptic contagion: The influence of Eurosceptic parties in West-European party systems. Springer International Publ.; 2021. DOI [10.1007/978-3-030-69036-6](https://doi.org/10.1007/978-3-030-69036-6).
8. Persson T., Karlsson C., Mårtensson M. The influence of Eurosceptic challenger parties on mainstream party behaviour: Is oppositional behaviour contagious? *Party Politics*. 2022;29(1):100–111. DOI [10.1177/13540688211051663](https://doi.org/10.1177/13540688211051663). EDN ZVAHED.
9. Cunningham K., Dennison S., Hix S., Learmonth I. A sharp right turn: A forecast for the 2024 European Parliament elections. *The European Council for Foreign Relations*. 23.01.2024. URL: <https://ecfr.eu/publication/a-sharp-right-turn-a-forecast-for-the-2024-european-parliament-elections/> (accessed 15.08.2024).
10. Håkansson C. The European Commission's new role in EU security and defence cooperation: the case of the European Defence Fund. *European Security*. 2021;30(4):589–608. DOI [10.1080/09662839.2021.1906229](https://doi.org/10.1080/09662839.2021.1906229). EDN YMYXSK.
11. Kottász Z. Slovakia the Latest Sovereignist Government Threatened with EU Sanctions. *The European Conservatives*. 15.02.2024. URL: <https://europeanconservative.com/articles/news/slovakia-the-latest-sovereignist-government-threatened-with-eu-sanctions/> (accessed 15.08.2024).
12. Mortera-Martinez C., Tordoir S. Hungary, Poland and the EU: It's the money, stupid? *Center for European Reform*. 08.02.2023. URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/insight_CMM_ST_hungary_pol_8.2.23.pdf (accessed 15.08.2024).
13. Зверев Е. В. Особенности социальной структуры электората левых партий в странах Евросоюза // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 3. С. 155–168. DOI [10.19181/nko.2024.30.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.10). EDN VWLSVD.
Zverev E. V. Peculiarities of the social structure of the electorate of left-wing parties in the EU countries. *Science. Culture. Society*. 2024;30(3):155–168. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2024.30.3.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.3.10).
14. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? / Пер. с англ. М. : ВШЭ, 2018. 135 с. ISBN 978-5-7598-1710-9.
Müller J.-W. What is populism? Moscow: HSE; 2018. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1710-9.
15. Осколков П. В. Правый популизм в Европейском союзе. М. : Институт Европы РАН, 2019. 164 с. ISBN 978-5-98163-144-3. EDN XABCGK.
Oskolkov P. V. Right-wing populism in the European Union. Moscow: IE RAS; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-98163-144-3.
16. Гуселетов Б. П. Праворадикальные общеевропейские партии накануне общеевропейских выборов 2024 г. // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4(120). С. 38–60. DOI [10.31249/ape/2023.04.03](https://doi.org/10.31249/ape/2023.04.03). EDN BCKMPI.
Guseletov B. P. Right-wing pan-European parties on the eve of the pan-European elections of 2024. *Current problems of Europe*. 2023;(4):38–60. (In Russ.). DOI [10.31249/ape/2023.04.03](https://doi.org/10.31249/ape/2023.04.03).
17. Joannin P. Nouveaux équilibres politiques en Europe à un an des élections européennes. *Schuman Papers* n°673. 12.06.2023. URL: <https://www.robert-schuman.eu/fr/questions-d-europe/0673-nouveaux-equilibres-politiques-en-europe-a-un-an-des-elections-europeennes> (accessed 15.08.2024).
18. Kelly B. Slovakia to move ahead with criminal law reforms debate despite protests. *European Interest*. 26.01.2024. URL: <https://www.europeaninterest.eu/slovakia-to-move-ahead-with-criminal-law-reforms-debate-despite-protests/> (accessed 15.08.2024).
19. Müller M. European Parliament seat projection (February 2024): EPP extends lead, far-right surge slowed down. Foederalist.eu. 29.02.2024. URL: <https://www.foederalist.eu/2024/02/ep-seat-projection-february-2024.html> (accessed 15.08.2024).

20. Joannin P. Une poussée à droite mais la coalition majoritaire sortante devrait être reconduite. *Schuman Papers* n°752. 10.06.2024. URL: <https://www.robert-schuman.eu/questions-d-europe/752-une-poussee-a-droite-mais-la-coalition-majoritaire-sortante-devrait-etre-reconduite> (accessed 15.08.2024).

Поступила: 20.08.2024. Доработана: 02.10.2024. Принята: 21.10.2024.

Сведения об авторе:

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН; главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. bguseletov@mail.ru
Author ID РИНЦ: 899947; ORCID: 0000-0001-6256-5013

B. P. Guseletov^{1,2}

¹ Institute of Europe RAS. Moscow, Russia

² ISPR FCTAS RAS. Moscow, Russia

THE SUCCESS OF THE EUROSCPTIC OPPOSITION FORCES IN THE EUROPEAN PARLIAMENT DEPUTIES' ELECTIONS 2024: CAUSES AND CONSEQUENCES

Abstract. The article examines the results of the elections of deputies of the European Parliament, which took place on June 6-9, 2024 in all 27 member states of the European Union. Ten mains officially registered European parties participating in these elections are represented, including six so-called Euro-optimistic ones supporting the EU, and three Eurosceptic ones criticizing the current state of the Union. The analysis of the main results of the activities of the European Parliament of the previous IX convocation from 2019 to 2024, including the results of the activities of all parliamentary groups operating in it and representing eight leading European parties, was carried out. The key trends in the transformation of the European party and political system over the past five years are considered, including the decline in popularity of the leading European parties and their member parties: Conservatives, Social Democrats, Liberals and Greens, and the growing attractiveness of Eurosceptic and populist parties in many EU member states, electoral successes in national elections of representatives of the right, including right-wing radicals the parties that have been in opposition for many years and the aggravation of problems related to the security and defense capability of the EU. The electoral positions of the leading European parties, as well as the forecast estimates of their participation in the Eurovision 2024. The results of these European elections are considered and the results of the formation of a new structure of the European Parliament are analyzed, including the formation of new opposition Eurosceptic right-wing groups: Patriots for Europe, formed by the Hungarian Fidesz party of V. Orban, the French National Rally party of M. Le Pen, the Czech ANO party of A. Babiash, etc., and the Europe of Sovereign Nations, which arose on the initiative of the Alternative for Germany party.

Keywords: European Union, European Parliament, European elections, European parties, Euro-optimists, Euro-sceptics, opposition

For citation: Guseletov B. P. The success of the Eurosceptic opposition forces in the European Parliament deputies' elections 2024: causes and consequences. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):52–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.4>

Received: 20.08.2024. Corrected: 02.10.2024. Accepted: 21.10.2024.

Information about the author:

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Sciences, Main Researcher, Institute of Europe RAS; Main Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

bguseletov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6256-5013

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.5)
EDN [AYLSRY](https://edn.ras.ru/AYLSRY)
УДК 314.743

И. А. Селезнёв¹

¹ ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ШЕСТИ ВОЛН РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ И АКТУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ «УТЕЧКИ МОЗГОВ»

Аннотация. В статье анализируются последствия потока эмиграции, связанного с началом специальной военной операции, для научного и инженерно-технического потенциала страны. В первую очередь уделяется внимание специалистам сферы информационных технологий. В рамках подхода исторической социологии предложена модель шести волн эмиграции из России на протяжении 100 лет. Последовательно рассмотрены волны российской эмиграции с привязкой к проблемам взаимоотношений интеллигенции с властью и «утечки мозгов». Даются характеристика каждой из волн эмиграции, их особенностей, мотиваций, социального состава, географической направленности, позволяющих различать их между собой не только по временным периодам. Волны № 1, 2, 3 и 6 имели политико-идеологическую мотивацию, волны № 4 и 5 – исключительно экономическую, отток квалифицированных кадров был связан с волнами № 1, 3, 4, 6. Рассмотрена «идея общей судьбы» с Россией как альтернатива ассимиляции эмигрантов в стране пребывания. Проведён сравнительный анализ восприятия российских эмигрантов принимающей стороной (Западом) в условиях «холодной войны» и разрядки («третья волна» эмиграции) и в условиях гибридной войны («шестая волна»). На основе обозначенных тенденций можно заключить, что как в условиях санкций не произошло краха российской экономики в целом и отрасли ИТ, в частности, так и не произошло кадровой катастрофы с отъездом квалифицированных специалистов.

Ключевые слова: волны эмиграции, релоканты, утечка мозгов, интеллигенция и власть, специалисты ИТ, идея общей судьбы, гибридная война, сравнительно-исторический метод

Для цитирования: Селезнёв И. А. Исторический опыт шести волн русской эмиграции и актуальная политика предотвращения «утечки мозгов» // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 68–78. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.5). EDN [AYLSRY](https://edn.ras.ru/AYLSRY).

Постановка проблемы. Поводом для начала исследования стали размышления о необходимости предотвращения утечки и сохранения академических и научно-технических кадров в условиях гибридной войны Запада против России. А значит предотвращения бегства человеческого капитала, «утечки мозгов» из страны. Косвенным признаком целенаправленной политики в данном направлении стали заявления соответствующих министерств и ведомств о нарастающем дефиците на российском рынке труда специалистов отрасли информационных технологий (ИТ) и необходимости их всяческого привлечения. В том числе, специалистов, выехавших за границу. Показательным стало введе-

ние льгот для «айтишников»: брони от мобилизации и льготной ипотеки под 2% годовых.

В отношении российских граждан, уехавших за границу после начала специальной военной операции (СВО) используется термин «релоканты». В данной работе он также будет использоваться для характеристики именно этой волны эмиграции. Точных официальных данных по количеству «релоцировавшихся» из России с начала СВО нет. Существуют зарубежные источники, утверждающие, что уехало от 817 до 922 тыс. чел.¹, но это число представляется завышенным. По данным Росстата, в 2022 г. из России выехало 622 915 чел. (в страны СНГ – 544 819 чел., в дальнее зарубежье – 78 096 чел.). Для сравнения, годом ранее, в 2021 г. – выехало 238 020 чел. (210 345 и 27 675 соответственно), а в 2023 г. – выехало 360 398 чел. (314 259 и 46 139 соответственно)². Однако, как сообщается, только в Сербию с начала 2022 г. переехало более 200 тыс. россиян³. По данным Русской службы Би-Би-Си, по меньшей мере 155 тыс. граждан РФ за 2022–2023 гг. получили временный вид на жительство в странах Европы, СНГ и в Турции. Около 15 тыс. искали политическое убежище в ЕС, правда, получили его там чуть больше 2 тыс.⁴ Согласно официальным заявлениям Минцифры России, число уехавших айтишников в 2022 году составило примерно 10% от общего количества специалистов российских компаний сферы ИТ, или 100 тыс.⁵

Что касается не статистики, а этической стороны вопроса, то можно встретить прямо противоположные оценки оттока релокантов из страны. От «общество очистилось» до сравнения с повторением «философского парохода» спустя 100 лет. Аналогия с «философским пароходом» (термин С. С. Хоружего) не очень точна. Ведь в 1922 г. на пассажирских судах «Обербургомистр Хакен» и «Пруссия», из Петрограда в Штеттин, Германия (нынешний Щецин, Польша), а также железнодорожным транспортом, был депортирован из Советской России 81 (вместе с членами семей общее число высланных из страны тогда составляло, по разным данным, 228 или 272 чел.) яркий представитель оппозиционной «старорежимной» интеллигенции, включая философов П. А. Сорокина, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Н. О. Лосского, С. Е. Трубецкого, С. Л. Франка, И. А. Ильина и др. Современные же «релоканты» уехали добровольно, мотивируя это либо несогласием с проводимой СВО, либо опасениями быть мобилизованными. Да и реальный интеллектуальный потенциал «философов-1922» и «релокантов-2022» несопоставим. Тем не менее, проблема предотвращения отъезда и возвращения уехавших научных и инженерно-технических кадров остаётся. Понятно, что речь не идёт о тех, кто за границей высказывали явную антироссийскую позицию, известными жертвованиями в адрес Вооружённых сил Украины (ВСУ), а о так называемых «испугавшихся патриотах».

¹ Russians have emigrated in huge numbers since the war in Ukraine // The Economist. 23.08.2023. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2023/08/23/russians-have-emigrated-in-huge-numbers-since-the-war-in-ukraine> (дата обращения: 05.10.2024).

² Численность и миграция населения Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283/> (дата обращения: 05.10.2024).

³ Число россиян в Сербии возросло за год до 200 тыс. // ТАСС. 09.04.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17483681/> (дата обращения: 05.10.2024).

⁴ Новые российские эмигранты: сколько их и куда уехали? // Время. 14.06.2023. URL: <https://time.kz/articles/mir/2023/06/14/novye-rossijskie-emigranty-ckolko-ih-i-kuda-uehali> (дата обращения: 05.10.2024).

⁵ Шадаев заявил, что порядка 100 тыс. ИТ-специалистов покинули Россию с начала года // ТАСС. 20.12.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16639651> (дата обращения: 05.10.2024).

Степень разработанности проблемы. За последние два года вышло в свет достаточно большое количество публикаций, посвящённых осмыслению феномена релокации, в том числе стала предметом исследовательского интереса проблема возвращения релокантов в Россию. Существуют интересные попытки типологизировать релокантов. (1) **«Искатели»**, те, кто уехал из страны в соответствии с личными жизненными стратегиями. Они ищут лучшего для себя в открытом мире – образование, лучшая работа, интересы бизнеса, интересы семьи. Связи с ними идут на благо России как с финансовой точки зрения (налоги на собственность, переводы родственникам), так и с репутационной (положительное, спокойное отношение). (2) **«Испугавшиеся»**, те, кто уехал от мобилизации. К этой категории относится большинство релокантов, не сумевших закрепиться в новых странах, столкнувшихся с нехваткой денег и ворохом дополнительных проблем. (3) **«Нерешительные»**, те, кто хотел и даже мечтал уехать по разным причинам, но всё не решался и откладывал на будущее. Им требовался внешний импульс, преобладающий над нерешительностью или страхом эмиграции. События февраля 2022 года придали им смелости, появилась с усиленной мотивация встраиваться в новую жизнь. Заодно они обрели героический образ политических эмигрантов, что греет душу. (4) **Убеждённые оппозиционеры**, позиционирующие себя как враги власти, а зачастую ненавистники самой России⁶.

Что касается соотношения этих групп, то, согласно проведённым опросам, большинство релокантов указывали на отсутствие политических мотивов перемены ими места жительства и работы, другие ссылались на возможности профессионального роста и экономические перспективы, третьи – характеризовали переезд как возможность «переждать», «перезимовать» и даже «посмотреть мир» и «попутешествовать». Кроме того, большинство релокантов старались не использовать термин «эмиграция», расценивая его как выражение отторжения не только действующей власти или её действий, но страны в целом, без возможности возвращения. Примечательно, что в интервью ни один из них не назвал свой переезд «эмиграцией» или «релокацией», используя нейтральные эвфемизмы («переждать», «отсидеться», «перезимовать») [1, с. 195–197]. Исследователями рассматривались изменения в образе жизни и поведенческих практиках релокантов [2]; проведены локальные психологические исследования, посвящённые особенностям переживания горя у релокантов из России в Киргизии [3, с. 152–162]; публикуются исследования медийного портрета релоцировавшихся за рубеж примечательных фигур российского политика [4, с. 606–611] и данные о нюансах адаптации релокантов в отдельных странах, в частности, в Южной Америке⁷.

В работе Л. Л. Хоперской проанализирована реальная статистика и фейки об эмиграционных потоках, сформулированы психологические характеристики релокантов, базирующиеся на чувстве страха и социальной безответственности. Обозначая идеологический смысл западной поддержки релокантов как носителей альтернативных представлений о России, Хоперская выделяет виды антироссийского активизма эмигрантского сообщества в Киргизии, а также отмечает реакцию властей и населения принимающих государств на угрозы, ис-

⁶ Тренин-Страусов П. Типологизация уехавших. Как относиться к вернувшимся «испуганным патриотам» // Regnum. 30.06.2023. URL: <https://regnum.ru/opinion/3816527> (дата обращения: 05.10.2024).

⁷ Акимущкина И. И. Аргентина на крутом повороте: чего ожидать россиянам-релокантам от выборов в южноамериканской стране // Независимая газета. 2023. № 229-230. С. 6. URL: https://www.ng.ru/vision/2023-10-19/6_8857_argentina.html (дата обращения: 05.10.2024).

ходящие от релокантов. На материалах Киргизии в работе развенчивается миф о массовой миграции ИТ-специалистов в эту страну, показано влияние «цифрового кочевничества» на размывание гражданской идентичности. Представлены аргументы проблематичности возвращения релокантов в Россию. [5, с. 973–987]. Вообще, процесс возвращения релокантов уже стал предметом отдельного изучения [6, с. 31–34].

Опубликованы результаты социологических исследований, анализирующих особенности восприятия релокантов в Армении, где в 2022 году находилось 2000 ИТ-специалистов [7, с. 112–122; 8, с. 85–90], и в Грузии, где также нашли себе место представители этой отрасли [9, с. 32–36]. Поэтому неудивительно, что в Армении широко распространено восприятие приезжих именно как «айтишников» [7, с. 112–122]. Ряд исследований посвящены релокантам в Монголии, в том числе на основе анализа СМИ [10, с. 9–16; 11, с. 153–165].

В исследовании О. Н. Лебедевой подвержены анализу социальный портрет и модели поведения ИТ-релокантов. У молодых ИТ-релокантов без соответствующих высоких статусов отмечено больше прагматической мотивации переезда, чем политической [12, с. 282–284]. По-видимому, тут дело именно в профессионально-отраслевой специфике «айтишников», чьи представления отличаются от других релокантов, таких как представители шоу-бизнеса или «профессиональная» политическая оппозиция. Выходили публикации, рассматривавшие содержание ценностного мира релокантов, который заметно отличается от ценностей патриотов России [13, с. 129–133]. У релокантов доминируют ценности низших уровней: финансовое и материальное благополучие, бытовой комфорт, личная безопасность, которые преобладают над такими ценностями, как семья, Родина, справедливость, поэтому неизбежен мировоззренческий разрыв релокантов с российским обществом в целом [14, с. 124–134].

В статье М. А. Булгаковой поводится сравнительный анализ эмигрантов 20-х гг. XX в. и релокантов XXI в. Обозначается разница между двумя указанными категориями инакомыслящих в аксиологической и поведенческой сфере. Согласимся с автором, что исследования эмиграции в XX в. и релокантов XXI в. следует продолжить с позиции социологии, философии, экономики, истории, юриспруденции и других научных направлений, так как история циклична и необходимо извлекать уроки, чтобы не допускать ошибок, которые в масштабе государства могут стать катастрофическими [15, с. 112–122].

Методология исследования и описание процесса. Основываясь на вышеизложенных доводах, автор, на основе сравнительно-исторической методологии, анализирует волны эмиграции из России за столетие, особо обращая внимание на проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти и «утечки мозгов».

Итак, как представляется, мы можем говорить о шести волнах эмиграции из России за последние 100 лет. Более ранние периоды, включая дореволюционную политическую эмиграцию XIX – начала XX вв., либо историю с князем А. Курбским оставим для дальнейшего, расширенного исследования.

1-я волна – послереволюционная («белая») эмиграция (1917–1929 гг.)⁸. Уезжали жить в Европу, в Северную и Южную Америку, в Китай, в Австралию. Это была колоссальная потеря интеллектуального потенциала, куда вошли не толь-

⁸ Автор готов обосновать приведённые временные границы каждой из волн эмиграции. В рамках данной статьи эти обоснования не приводятся по причине ограничений журнального формата.

ко выдающиеся философы, литераторы, деятели культуры, но и авиаконструктор И. И. Сикорский, химик В. Н. Ипатьев (ставший одним из основателей нефтехимии в США, изобретатель каталитического крекинга и высокооктанового бензина), изобретатель телевидения В. К. Зворыкин, специалист в области гидро- и аэродинамики В. В. Зворыкин, создатель видеоманитофона и учредитель фирмы «Ампекс» А. М. Понятов, будущие лауреаты Нобелевской премии физикохимик И. Р. Пригожин и экономист В. В. Леонтьев.

2-я волна – послевоенная эмиграция (1945–1949 гг.). «Перемещённые лица», советские граждане, во время Великой Отечественной войны по разным причинам оказавшиеся на территории Германии и других стран Европы и не вернувшиеся в СССР по окончании войны. Впоследствии многие из них оказались за океаном – в США, Канаде, Южной Америке, Австралии. В творческом отношении особо ярких фигур не было, многие из эмигрантов «второй волны» посвятили себя литературной деятельности, но выдающихся фигур, особенно в науке и технике, среди них не нашлось.

3-я волна – эмиграция эпохи «холодной войны» и «разрядки» (1967–1985 гг.). Выезжали в США, Израиль, Канаду, ФРГ, Францию и другие страны западной Европы. В значительной степени отъезд учёных или деятелей культуры был связан с их оппозиционной, диссидентской позицией и, зачастую, мог быть инициирован самим государством (высылка из страны). Государство тут косвенно признавало ущерб от потенциальной утечки умов, создавая затруднения с массовым выездом на ПМЖ для квалифицированных специалистов (ситуация с «отказниками»).

4-я волна – перестроечная эмиграция (1988–1998 гг.). В этот период были отменены выездные визы. Как и на предыдущей волне (№ 3), большинство эмигрантов из России уехало в США, Израиль, ФРГ, а также в другие страны ЕС и Канаду. Значительная потеря интеллектуального потенциала в новейшей истории приходится именно на «четвертую волну». Россию в те годы покинуло значительное число учёных, включая специалистов мирового уровня: физики Р. З. Сагдеев, А. Д. Линде, А. К. Гейм и К. С. Новосёлов (двое последних стали лауреатами Нобелевской премии по физике), математик М. Л. Концевич, биолог Е. В. Кунин и др. По утверждению экс-президента РАН А. М. Сергеева, одних только профессоров в 1990-е уехало около 40 000⁹. По словам вышеупомянутого академика Р. З. Сагдеева, проживающего с начала 1990-х гг. в США, там сейчас работает 1,5 десятка российских академиков, на постоянной ставке несколько сотен наших крупных учёных¹⁰. При этом можно было наблюдать частичный возврат в новой политической ситуации эмигрантов «третьей волны», деятелей культуры, разочаровавшихся в Западе (А. А. Зиновьев, А. И. Солженицын, Э. В. Лимонов).

5-я волна – бизнес-эмигранты, дауншифтеры, «дистанционные» работники и т.п. (2001–2020 гг.). На этом этапе эмигранты не воспринимали свой отъезд как фатальный и окончательный разрыв с Родиной, и сам их отъезд российским обществом не воспринимался как утрата квалифицированных кадров. Ведь даже находясь за рубежом, специалисты ИТ могут работать в интересах своей страны или нескольких стран [12, с. 283]. Если на предыдущей эмиграционной

⁹ Глава РАН рассказал о снижении общенационального интеллекта в России // УФИЦ РАН. 06.09.2019. URL: <http://ufaras.ru/?p=3364> (дата обращения: 05.10.2024).

¹⁰ Лесков С. «Мне посоветовали отсидеться в Америке» // Русский мир. 01.04.2013. URL: <https://m.rusmir.media/2013/04/01/nauka> (дата обращения: 05.10.2024).

фазе (№ 4) граждане РФ эмигрировали в США, ЕС, Израиль, Канаду и т.п., то на этапе № 5 становятся привлекательными страны Азии и Восточной Европы [16, с. 13–19]. Причины кроются в низких налоговых ставках и выгодных условиях для иностранных инвесторов в этих странах [17, с. 97–104].

6-я волна – «релоканты» от СВО (2022–2024 гг.). Направились в Армению, Грузию, Казахстан, Киргизию, Монголию, Узбекистан, страны Прибалтики, Турцию, Израиль, ОАЭ, Кипр, Сербию, Черногорию, Польшу, Чехию, Словакию, ФРГ, Финляндию, Испанию. В одних случаях это было обусловлено наличием безвизового въезда, русскоязычной среды, приобретённой ранее недвижимости и др., реже в других – возможностями для получения вида на жительство (ВНЖ) или гражданства.

Итак, каждая из шести эмиграционных волн окрашена своими особенностями, мотивацией, социальными характеристиками, позволяющими различать их между собой не только по временным периодам. Так волны № 1, 2, 3, 6 имели политико-идеологическое обоснование, волны № 4, 5 – исключительно экономическое [18, с. 56–68]. Отток квалифицированных кадров был связан с волнами № 1, 3, 4, 6.

Важной моральной дилеммой для эмигрантов становится выбор в пользу «идеи общей судьбы» с Родиной как альтернатива ассимиляции в стране иммиграции, высказанная писателем И. А. Буниным [19, с. 216–230]. Возможны 3 варианта «общей судьбы»:

- Репатриация, быть «с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был» (А. А. Ахматова). Тут можно вспомнить «сменовеховцев» 1920-х гг., или «Союз русских патриотов/Союз советских граждан» 1940-х гг.
- Сохранение культурного очага, переживание, выработка новых идей. В таких условиях, в частности, в русском зарубежье возникла евразийская концепция.
- Политическая непримиримость, борьба за утверждение (реставрацию) «своей» власти. Исторически, на протяжении почти всего XX в. это был, в том или ином варианте, монархический, либо «февралистский» проект.

По-разному в разные годы воспринималась и возможность отъезда исходя из ценностей академического сообщества. Можно согласиться и с точкой зрения, что необходимо разделять выезд ИТ-специалистов за границу для работы и эмиграцию на постоянное место жительства, так как релоканты из сферы ИТ в большинстве случаев поехали из-за желания не потерять или продолжить текущую работу [12, с. 283]. По этому аргументу как раз была показательна предыдущая, «пятая волна» эмиграции! Если говорить про идеологическую составляющую, то надо чётко понимать её значение для специалиста ИТ, его ценностный мир и приоритеты в нем [12, с. 283].

Сравнительный анализ. Исходя из возникающих параллелей, можно провести сравнения между волнами № 6 и № 3, как ближайшей к нам по времени политически мотивированной эмиграции, затрагивающей квалифицированные кадры. Итак, сравним политику стран Запада, выступавших принимающей стороной для российской эмиграции на каждом из этапов (волн) в эпоху «холодной войны» и «разрядки» (волна эмиграции № 3) и в эпоху «гибридной войны» (волна эмиграции № 6) и увидим принципиально различающиеся подходы.

В духовной сфере: в эпоху «холодной войны» можно было наблюдать усиление экспансии массовой культуры Запада с целью увеличения мотивации потенциальных эмигрантов из СССР; на современном же этапе, напротив,

ограничения, а то и запреты на поставки масс-культурной продукции Голливуда в Россию.

По отношению к оппозиционным «лидерам общественного мнения»: на волне № 3 происходил мощный пиар диссидентов, создание им тепличных условий, предоставление льгот, премий, грантов, гражданства; на волне № 6 стало – «кто приехал, устраивайтесь сами как можете!».

Относительно массовой эмиграции: на волне №3 было принятие; провоцирование массового отъезда и «невозвращения»; предоставление ВНЖ, ускоренного гражданства; на волне № 6 наблюдаем искусственные затруднения по получению виз и ВНЖ для релокантов из России.

В отношении учёных и инженерно-технических работников (ИТР): на волне № 3 было активное переманивание, провоцирование невозвращения, создание благоприятных условий, предоставление работы по специальности; на волне № 6 – никакого стимулирования; интересуют только секретоносители, имеющие доступ к государственной тайне.

Исходя из вышеперечисленного, можно выдвинуть гипотетические версии отказа Запада от поддержки релокантов в условиях современной «гибридной войны»:

- Шпиономания, страх перед «русскими шпионами», «русскими хакерами».
- «Не надо вознаграждать тех, кто выбрал свободу, это моральный выбор!».
- «Кремниевая долина» Калифорнии и другие подобные центры и так переполнены элитой ИТ, новых мест нет, тем более для амбициозных релокантов из России. Учтём ещё демпинг: из Индии можно получить специалистов ИТ по более низким ценам.
- Запад стремится нанести стратегическое поражение России. При таком раскладе, Западу потребуются 30–40 млн. чел. на добычу и транспортировку полезных ископаемых на пространстве Северной Евразии, а остальное население воспринимается как излишний балласт, вне зависимости от этнического происхождения, политических взглядов, (не)приверженности демократическим ценностям и поддержки, либо оппозиционности по отношению к власти в РФ.

Заключение. Таким образом, большинство релокантов столкнулось за границей с проблемами утраты социального статуса и с материальными затруднениями, снижением качества жизни¹¹. Поэтому не удивительно, когда приходят сообщения, что около 40% релокантов, бежавших в 2022 г., вернулись в Россию¹². В абсолютных цифрах число вернувшихся может составлять до 330 тыс. чел. О том, что россияне стали возвращаться из-за рубежа, говорят и власти. По оценке помощника Президента РФ М. С. Орешкина, половина покинувших РФ осенью 2022 г. уже вернулась. В основном обратно едут из-за безденежья, материальных затруднений, дискриминации, ужесточения условий получения документов¹³.

¹¹ Новые российские эмигранты: сколько их и куда уехали? // Время. 14.06.2023. URL: <https://time.kz/articles/mir/2023/06/14/novye-rossijskie-emigranty-ckolko-ih-i-kuda-uehali> (дата обращения: 05.10.2024)..

¹² Строителева М. Домашняя работа: около 40% релокантов решили вернуться в Россию // Известия. 05.12.2023. URL: <https://iz.ru/1614085/mariia-stroiteleva/domashniaia-rabota-okolo-40-relokantov-reshili-vernutsia-v-rossiiu> (дата обращения: 05.10.2024).

¹³ Перекрест В. Безденежье и дискриминация: почему релоканты бегут обратно в Россию из Европы // Комсомольская правда. 25.12.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27573/4842340/> (дата обращения: 05.10.2024).

Что касается непосредственно «айтишников», то по утверждению некоторых экспертов, 85% уехавших специалистов ИТ уже вернулись в Россию. По их оценке, была «утечка тел, а не мозгов»: специалисты ИТ продолжали работать в отечественных компаниях из-за рубежа [12, с. 283].

Весьма показательное свидетельство немецкой оппозиционной газеты Junge Welt от 13.02.2024, которая утверждает, что сфера ИТ в России, как экономика в целом, не пострадала из-за санкций. Опустошение российского сектора ИТ, которое западные эксперты любят предрекать как результат санкций, поскольку российские специалисты ИТ мигрировали в Армению или Эстонию из-за страха быть мобилизованными, на сегодняшний день представляется маловероятным. И тот факт, что российские компании ИТ теперь вынуждены предлагать своим разработчикам более высокие зарплаты, не создал серьёзных проблем для отрасли. В целом, российский сектор ИТ позволяет обеспечить импортозамещение технологий. А регулярное обновление российских систем БПЛА на фронте говорит о том, что квалифицированные разработчики трудятся на благо оборонно-промышленного комплекса и вносят свой вклад в успехи российской армии¹⁴.

Релоканты осознают, что несмотря на санкции, экономической катастрофы в России не произошло, а в эмиграции они зачастую испытывают затруднения. Страна продолжает жить, работать и сражаться, обходясь без уехавших. И ко многим релокантам приходит понимание, что они в большей степени нуждаются в Родине, чем Родина в них. И те соотечественники, кто совершил ошибку, уехав за границу, но не совершил преступлений, всегда имеют возможность вернуться назад.

Библиографический список

1. *Королькова М. В.* Релокация или эмиграция: особенности процесса в 2022 г. // Актуальные научные исследования : сб. ст. XIII Международ. науч.-практич. конф. (Пенза, 25 июля 2023) : в 2 ч. Ч. 2. Пенза : Наука и Просвещение, 2023. С. 195–197. EDN [ESOCTG](#).
2. *Камалов Э., Сергеева И., Завадская М., Костенко Н.* Полгода в эмиграции: как изменилась жизнь новых российских эмигрантов // Outrush. URL: https://outrush.io/report_september_2022 (дата обращения: 05.10.2024).
3. *Селюгина К. В.* Особенности переживания горя у релокантов из России в Кыргызской Республике // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. Т. 10, № 3. С. 152–162. EDN [FMSIKE](#).
4. *Калганова С. О.* Медийный портрет одного релоканта // Образование в XXI веке: между рутинной и творчеством : Сб. матер. XXVI Международ. науч.-практич. конфер. (Екатеринбург, 11–12 апреля 2024). Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2024. С. 606–611. EDN [GUNIUJ](#).
5. *Хоперская Л. Л.* Релоканты из России – 2022: социальный, психологический и политический феномен // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 3(91). С. 973–987. DOI [10.35775/PSI.2023.91.3.009](https://doi.org/10.35775/PSI.2023.91.3.009). EDN [FBGPBL](#).
6. *Королькова М.* Рэмиграция в 2022 году // Социодиггер. 2023. Т. 4, № 3-4(25). С. 31–34. EDN [AQTWEF](#).
7. *Атанесян А. В.* «Русские релоканты» в восприятии молодёжи Армении // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 112–122. DOI [10.31857/S013216250026383-4](https://doi.org/10.31857/S013216250026383-4). EDN [BZDWLZ](#).
8. *Евстратов А. Г.* Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ на Украине // Архонт. 2022. № 3(30). С. 85–90. EDN [GOINJE](#).

¹⁴ Lauterbach R. Moskau bleibt sanktionsfest // Junge Welt. 13.02.2024. Цит. по переводу: Лаутербач Р. Москва стойко переносит санкции // ИноСМИ. 13.02.2024. URL: <https://inosmi.ru/20240213/sanktsii-267852393.html> (дата обращения: 05.10.2024).

9. *Пустарнакова А. А., Ситникова А. М., Трибунская Н. А.* Трансформация образа русского мигранта в грузинских СМИ под влиянием социально-политических условий // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 6. С. 32–36. EDN [HYMFPT](#).
10. *Ардальянова А. Ю.* Релоканты из России в Монголии: анализ российских и монгольских медиа // Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития : Сб. ст. по итогам международного научного семинара (Улан-Батор, 03–05 мая 2023). СПб : Астерион, 2023. С. 9–16. EDN [GYWNZW](#).
11. *Бредихин А. В.* Миграция россиян в Монголию: исторический и социологический аспект // Народонаселение. 2024. Т. 27, № 1. С. 153–165. DOI [10.24412/1561-7785-2024-1-153-165](#). EDN [GOLTOF](#).
12. *Лебедева О. Н.* ИТ-релоканты: социальный портрет и модели поведения // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы : Матер. XVII Ковалевских чтений (Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023). СПб : Сциентиа, 2023. С. 282–284. EDN [DUTRTK](#).
13. *Киреев С. Н.* Критический анализ феномена релокантов: «а вам не кажется, что Ваше местоazole...» // Инновационные исследования: проблемы внедрения результатов и тенденции развития : Сб. ст. Междунар. науч.-практич. конф. (Тюмень, 07 мая 2024). Уфа : Омега Сайнс, 2024. С. 129–134. EDN [HRYAET](#).
14. *Сенкевич А. В.* Релоканты: ценностный аспект // Человек. Наука. Социум. 2024. № 2(18). С. 124–134. EDN [UJLJYJ](#).
15. *Булгакова М. А.* Релоканты XX-XXI вв.: сквозь призму истории и экономики // Историко-экономические исследования. 2024. Т. 25, № 2. С. 289–312. DOI [10.17150/2308-2488.2024.25\(2\).289-312](#). EDN [KDMVFP](#).
16. *Аверин А. Н., Понеделков А. В., Карпова С. Г., Селезнев И. А.* Миграционная ситуация в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 10. С. 13–19. DOI [10.23672/SAE.2023.61.96.003](#). EDN [IFPMJX](#).
17. Россия: общество рисков? / С. П. Перегудов, В. В. Лапкин, Н. В. Загладин [и др.] // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 11. С. 97–104. EDN [OIUBVJH](#).
18. *Фомин М. В.* Россия. Матрица социальной (не)стабильности // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 8. С. 56–68. EDN [MTDCML](#).
19. *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции: в 2 т. Т. 1. Ставрополь : Кавказский край, 1992. 416 с. ISBN 5-86722-123-7.

Поступила: 05.10.2024. Принята: 08.11.2024.

Сведения об авторе:

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия. igdrake@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [74352](#); ORCID: [0000-0003-2862-9444](#)

I. A. Seleznev¹

¹ ISPR FCTAS RAS. Moscow, Russia

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE SIX WAVES OF RUSSIAN EMIGRATION AND THE CURRENT POLICY OF PREVENTING BRAIN DRAIN

Abstract. The article analyzes the consequences of emigration after the start of the special military operation for the scientific and engineering potential of the country. First of all, attention is paid to IT-specialists. Within the framework of the historical sociology approach, a model of 6 waves of emigration from Russia over 100 years has been proposed. The waves of Russian emigration are consistently considered with reference to the problems of the relationship between the intelligentsia and the government and the “brain drain”. The characteristic of each of the waves of emigration, features, motivations, social composition, orientation, allowing them to be distinguished from each other not only by time periods, is given. Thus, waves No. 1, 2, 3, 6 had a political and ideological justification, waves No. 4, 5 were exclusively economic, the outflow of qualified personnel was associated with waves No. 1, 3, 4, 6. The “idea of a common fate” with Russia was considered as an alternative to the assimilation of emigrants in the host country. A comparative analysis of the perception of Russian emigrants by the host country (the West) in the conditions of the Cold War and detente (the “third wave” of emigration) and in the conditions of hybrid war (the “sixth wave”) is carried out. Conclusions are drawn based on the indicated trends that, under the conditions of sanctions, there was no collapse of the Russian economy in general and the IT industry in particular, and there was no personnel disaster with the departure of qualified specialists.

Keywords: waves of emigration, relocants, brain drain, intelligentsia and government, IT-specialists, the idea of a common destiny, hybrid warfare, comparative historical method

For citation: Seleznev I. A. The historical experience of the six waves of Russian emigration and the current policy of preventing brain drain. *Science. Culture. Society.* 2024;30(4):68–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.5>

References

1. Korolkova M. V. Relocation or emigration: features of the process in 2022. In: Actual scientific research : materials of the XIII International scientific and practical conference (Penza, July 25, 2023). In 2 parts. Part 2. Penza: Nauka i Prosveshchenie; 2023. P. 195–197. (In Russ.).
2. Kamalov E., Sergeeva I., Zavadskaya M., Kostenko N. Six months in exile: A new life of Russian emigrants. *SocArXiv*. DOI [10.31235/osf.io/ejn2c](https://doi.org/10.31235/osf.io/ejn2c).
3. Selyugina K. V. Features of experiencing grief among relocators from Russia in the Kyrgyz republic. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology.* 2024;10(3):152–162. (In Russ.).
4. Kalganova S. O. A media portrait of one relocant. In: Education in the XXI century: between routine and creativity. Coll. of mat. of the XXVI International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg: Humanitarian University; 2024. P. 606–611. (In Russ.).
5. Khoperskaya L. L. Relocants from Russia – 2022: a social, psychological and political phenomenon. *Political Science Issues.* 2003;13(3):973–987. (In Russ.). DOI [10.35775/PSI.2023.91.3.009](https://doi.org/10.35775/PSI.2023.91.3.009).
6. Korolkova M. Re-emigration in 2022. *Sociodigger.* 2023;4(3-4):31–34. (In Russ.).
7. Atanesyan A. V. “Relocated Russians” in perceptions of Armenian youth. *Sociological Studies.* 2023;(6):112–122. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250026383-4](https://doi.org/10.31857/S013216250026383-4).
8. Evstratov A. G. Relocation of Russians to Armenia in the light of RF special operation in Ukraine. *Arhont.* 2022;(3):85–90. (In Russ.).
9. Pustarnakova A. A., Sitnikova A. M., Tribunskaya N. A. Transformation of the image of Russian migrants in Georgian media under the influence of socio-political conditions. *Social and humanitarian knowledge.* 2023;(6):32–36. (In Russ.).

10. Ardalyanova A. Yu. Relocants from Russia in Mongolia: an analysis of Russian and Mongolian media. In: Social processes in Northeast Asia: current state and development trends. Coll. of art. on the results of the international scientific seminar. St. Petersburg: Asterion; 2023. P. 9-16. (In Russ.).
11. Bredikhin A. V. Russian migrants in Mongolia: historical and sociological aspect. *Population*. 2024;27(1):153–165. (In Russ.). DOI [10.24412/1561-7785-2024-1-153-165](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-153-165).
12. Lebedeva O. N. IT-relocants: social portrait and behavioral models. In: Russian society today: values, institutions, processes. Mater. of XVII Kovalev Readings. St. Petersburg: Scientia; 2023. P. 282–284. (In Russ.).
13. Kipreev S. N. Critical analysis of the relocant phenomenon: “don’t you think that your place is near...”. In: Innovative research: problems of implementing results and development trends: coll. of art. of the International Scientific and Practical Conference. Ufa: Omega Science; 2024. P. 129–133. (In Russ.).
14. Senkevich A. V. Relocants: the value aspect. *Chelovek. Nauka. Sotsium*. 2024;(2):124–134. (In Russ.).
15. Bulgakova M. A. Relocants of the XX–XXI centuries: through the prism of history and economics. *Journal of Economic History & History of Economics*. 2024;25(2):289–312. (In Russ.). DOI [10.17150/2308-2488.2024.25\(2\).289-312](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2024.25(2).289-312).
16. Averin A. N., Ponedelkov A. V., Karepova S. G., Seleznev I. A. Migration situation in modern Russian society. *Humanities, social economic and social sciences*. 2023;(10):13–19. (In Russ.). DOI [10.23672/SAE.2023.61.96.003](https://doi.org/10.23672/SAE.2023.61.96.003).
17. Peregudov S. P., Lapkin V. V., Zagladin N. V. [et al.]. Russia: society of risks? *World Economy and International Relations*. 2011;(11):97–104. (In Russ.).
18. Fomin M. V. Russia. Matrix of social (in)stability. *World Economy and International Relations*. 2010;(8):56–68. (In Russ.).
19. Nazarov M. V. The mission of Russian emigration. In 2 Vol. Vol. 1. Stavropol: Kavkazskii kraj; 1992. (In Russ.). ISBN 5-86722-123-7.

Received: 05.10.2024. Accepted: 08.11.2024.

Information about the author:

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. igdrake@yandex.ru
ORCID: [0000-0003-2862-9444](https://orcid.org/0000-0003-2862-9444)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.6)
EDN [BBJHUT](https://edn.bvjnut.ru)
УДК 378:316.44

А. В. Дождиков¹

¹ ИСПИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О РАБОЧЕЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА ДОСТУПА К ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Аннотация. В исследовании сформулированы подходы к определению неравенства доступа к высшему образованию через регионально обусловленный выбор предметов и результаты ЕГЭ. Представлены зависимости выбора и показателей ЕГЭ от качества образования и инновационного развития регионов. Индикаторами неравенства выступают распределение обучающихся по «когортам успешности» при сдаче ЕГЭ и выбор обучающимися учебного предмета для сдачи, средний балл по региону. Представлены количественные характеристики выбора обучающимися в регионах базовой и профильной математики и других учебных предметов. При расчётах использовались данные всей совокупности абитуриентов в 2019 и 2020 годах, соответственно выводы по статье касаются периода до 2021 года. Проблема повышения эффективности ЕГЭ является объективной и назревшей до политических событий, связанных с отступлением от Болонской системы в 2022 году. Отмечается, что олимпиады и дополнительные внутренние вузовские испытания не являются альтернативой ЕГЭ. Исходя из целей нивелирования регионального неравенства, предложен вариант модели модернизации ЕГЭ объективной оценочной процедурой – дистанционным творческим экзаменом с использованием существующей инфраструктуры пунктов приёма экзамена и видеосвязи. За счёт случайного назначения заданий и оценивающих экспертов из разных регионов, вузов, организаций дистанционный творческий экзамен сохраняет преимущества ЕГЭ, достигается сопоставимость результатов, исключается коррупция и возможность «натаскивания» на определённые типы ответов. Результаты экзамена оценивает человек: преподаватель общеобразовательной организации или вуза, руководитель органа власти или предприятия. В экзаменационную модель включаются преимущества олимпиад и внутренних экзаменов вузов без их коррупциогенных составляющих. В статье отмечается, что любые инновации в сфере выпускных/вступительных экзаменов должны в обязательном порядке проходить через апробацию и эксперимент с постепенным нарастанием охвата и корректировкой применяемых методик и процедур по итогам профессиональной дискуссии.

Ключевые слова: образовательное неравенство, меритократия, доступ к высшему образованию, единый государственный экзамен, выбор экзамена, качество образования, дистанционный экзамен, социальная мобильность, образовательная миграция, социальный лифт

Для цитирования: Дождиков А. В. К вопросу о рабочей модели модернизации Единого государственного экзамена для преодоления неравенства доступа к высшему образованию // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 79–95. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.6). EDN [BBJHUT](https://edn.bvjnut.ru).

Введение. ЕГЭ-подобные тестовые системы используются во многих странах: Казахстан – Единое национальное тестирование, Китай – Всекитайские государственные вступительные экзамены в вузы (Гакао), США – стандартизованный тест для приёма в высшие учебные заведения (SAT) и стандартизованный тест для поступления в колледжи и университеты (AST), с определёнными допущениями – психометрический вступительный экзамен в Израиле.

В настоящее время в контексте отказа от Болонской системы и западных моделей образования ведётся активная дискуссия об отмене Единого государственного

экзамена и восстановлении системы отдельных итоговых и вступительных испытаний в вузы. Законопроект № 642303-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”»¹ предлагает отменить ЕГЭ.

Критики системы ЕГЭ отмечают несоответствие заданий образовательным стандартам (ФГОС), невозможность выявить способность работы со специальными текстами, серьёзный психологический стресс [1, с. 33], возможный рост числа невротических состояний [2], хотя существуют и исследования, свидетельствующие об адаптации и снижении уровня тревожности по сравнению с периодом онлайн-обучения [3], равно как выявлению причинно-следственной связи в ухудшении образовательных показателей [4].

Сторонники ЕГЭ, профильные органы исполнительной власти, отмечают возможный рост коррупции и отсутствие альтернатив². По словам руководителя Рособрнадзора России, ЕГЭ отменят, но если появится другая рабочая модель³. Дискуссия⁴ с участием представителей законодательной и исполнительной власти, а также сбор предложений по доработке ЕГЭ⁵ продолжаются. В существующей нормативной базе мало отражены интересы высшей школы, разработчиками основного документа являются Минпросвещения России и Рособрнадзор⁶, хотя новая рабочая модель должна учитывать интересы вузовского сообщества и Минобрнауки России (до разделения на два министерства эта проблема была не такой актуальной), активно вовлекать представителей вузов, работодателей в оценочные процедуры в качестве экспертов и разработчиков контрольно-диагностических материалов.

На «равенство возможностей на жизненном старте» оказывает влияние ряд факторов, включающий неравенство социально-экономических условий в регионах, прохождение экзамена по материалам, отличающимся от образовательной программы, использование репетиторов, «настраивающих» обучающихся на решение задач определённого типа.

Проведённое исследование связано с оценкой вклада региона в неравенство доступа абитуриентов к высшему образованию. Рамки исследования охватывали регионы Российской Федерации в 2019–2020 годах без детализации на муниципалитеты. Использованный период данных позволяет сделать выводы в отношении «образовательного неравенства» и ЕГЭ до принятия политического курса в 2022 году на сворачивание инициатив Болонской системы (вне политической повестки).

Цель исследования: выявить объективные недостатки ЕГЭ в плане продуцирования неравенства образовательных возможностей абитуриентов в разрезе

¹ Законопроект № 642303-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» (в части уточнения формы и особенностей проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам основного общего и среднего общего образования). Система обеспечения законодательной деятельности [официальный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/642303-8> (дата обращения: 14.07.2024).

² Глава Рособрнадзора: отмена ЕГЭ приведёт к росту коррупции // Интерфакс. 15.07.2024. URL: <https://www.interfax.ru/interview/970756> (дата обращения: 10.08.2024).

³ Агранович М. Что будет с Единым госэкзаменом в России? // Российская газета. 04.07.2024. URL: <https://rg.ru/2024/07/04/izmenit-otmenit.html> (дата обращения: 14.07.2024).

⁴ Отменить нельзя помиловать: куда ведёт реформа ЕГЭ. Прямой эфир ВКонтакте // Московский комсомолец. 10.07.2024. URL: <https://www.mk.ru/press-center/2024/07/04/otmenit-nelzya-pomilovat-kuda-vedyot-reforma-ege-primoy-efir-vkontakte.html> (дата обращения: 14.07.2024).

⁵ Подведены предварительные итоги экзаменационной кампании ЕГЭ 2024 года // Рособрнадзор. 8.07.2024. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/news/podvedeny-predvaritelnye-itogi-ekzamenacionnoj-kampanii-ege-2024-goda/> (дата обращения: 14.07.2024).

⁶ Приказ от 04.04.2023 № 233/552 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования» с изм. от 12.04.2014. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305160003> (дата обращения: 14.07.2024).

регионов и исчезновения меритократической функции поддержания единого образовательного пространства до появления новых геополитических обстоятельств в 2022 году, связанных с выходом из Болонского процесса.

Актуальность исследования связана с эволюцией системы итоговой аттестации и испытаний для приёма в вуз, с формированием контуров рабочей модели модернизации и трансформации ЕГЭ.

Неравенство доступа к высшему образованию является вариацией «образовательного неравенства». Российские и иностранные исследователи выделяют разные по масштабу и характеру влияния факторы неравенства: социально-экономическое неравенство и региональные различия [5], развитость систем репетиторства [6], особенности психологии преподавателя [7], мотивация преподавателя [8], психическое и физическое здоровье обучающихся [9], генетическая и гендерная обусловленность [10], школьная мобильность [11], образование родителей [12], тип родительского участия [13], неравенство в доступе к дополнительному образованию [14]. Изучается образовательное неравенство между поколениями [15], между языковым большинством и представителями «коренных» этносов [16], неравенство по месту рождения [17], ресурсное обеспечение школ [18]. Можно выделить отдельную категорию исследований, посвящённых неравенству, обусловленному социально-экономическим статусом, доступом к следующим уровням образования [19]. Отметим тот факт, что до 2022 года российские исследователи считали, что материалы иностранных исследований были применимы и к российским условиям [20] без адаптации.

Автор придерживается позиции, что неравенство в образовательной системе, как и в целом в мире, является механизмом воспроизводства социального неравенства. Основной акцент сделан на «образовательном неравенстве в школе» [21], в качестве существенного фактора влияния рассматривается «регион проживания» [22].

Методология исследования и источники данных. Неравенство в рамках статьи изучается с помощью математического моделирования [23; 24; 25]. Отдельно необходимо отметить результаты исследования неравенства образовательных достижений подростков [26], делающие акцент на выявлении корреляционных связей. Традиционно количественные исследования связаны с «долей учащихся, остающихся в старших классах, а также со средними в субъектах РФ результатами ЕГЭ по математике и русскому языку» [27, с. 60], в отношении которых выявляются взаимосвязи со степенью урбанизации, уровнем человеческого капитала, валовым региональным продуктом, доступом к образовательным ресурсам, долей учащихся в профильных образовательных школах (лицеях, гимназиях) и отсеиваемых после 9 класса. В качестве инструментов анализа исследователи используют методы кластеризации [28], выводят закономерности между средним баллом ЕГЭ в вузе и индивидуальными, семейными, школьными инвестициями в дополнительное образование [29].

В настоящем исследовании сделан акцент на выявлении корреляционных связей, а именно: индекс качества образования (ИКО)⁷ в регионах; индекс (рейтинг) инновационного развития региона (ИИРР)⁸; индекс социально-экономи-

⁷ Рассчитывается ФБГУ «Федеральный институт оценки качества образования» (ФИОКО). URL: <https://fioco.ru/ru/osoko> (дата обращения: 30.05.2024) Ресурс <https://maps-oko.fioco.ru/> не доступен с 2023 г.

⁸ Рассчитывается ФГАОУ ВО НИУ «Высшая школа экономики» (ВШЭ). URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir2021> (дата обращения: 30.05.2024).

ческого положения регионов (ИСЭПР)⁹; средний балл ЕГЭ по региону по учебному предмету; доля «высокобалльников» по учебному предмету по региону; доля «низкобалльников» (не сдавших) экзамен по учебному предмету по региону; доля выбравших предмет ЕГЭ для сдачи.

Основное предположение исследования – существует зависимость по выбору отдельных предметов для сдачи ЕГЭ, обусловленная спецификой региона. В исследовании также рассматриваются качество образования, уровень инновационного и социально-экономического развития региона, средний балл ЕГЭ по региону по учебному предмету, доля «высокобалльников» и доля «низкобалльников».

Индекс качества образования ФИОКО оценивается за два периода. Специфика источника¹⁰ заключается в обновлении информации и изменении методики составления общего рейтинга, что не позволяет говорить о полной преемственности. Если по данным первого периода использовался итоговый рейтинг качества образования, то в отношении данных второго может использоваться «условный индекс»: простая сумма всех баллов по каждой из составляющих или более сложная квадратичная зависимость от коэффициента корреляции в отношении каждой составляющей. Отметим, что соответствующий ресурс на момент подготовки публикации не активен и доступ к нему возможен только в архиве¹¹. Инновационное развитие регионов стабильно определяется по общей методике, в настоящем исследовании используются данные двух периодов [30; 31].

Эмпирическую базу исследования вместе с данным по инновационному развитию регионов и качеству образования составила обобщённая композиция данных¹² источников [32; 33]. В расчётах используется коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты исследования. Определение зависимости качества образования от уровня инновационного развития региона. Коэффициент корреляции равен 0,695, что позволяет выдвинуть предположение о существенном вкладе уровня инновационного развития региона в качество образования.

Поскольку число наблюдений по регионам у нас достаточно велико ($n = 85$), а значение коэффициента корреляции $r = 0,695$ не превышает 0,9, рассчитаем ошибку коэффициента корреляции σ_r

$$\sigma_r = \frac{1 - r^2}{\sqrt{n - 2}}$$

Так же можно рассчитать критерий достоверности (критерий Стьюдента) t для сравнения с табличным значением

$$t = \frac{|r|}{\sigma_r} = \left| r * \sqrt{\frac{n - 2}{1 - r^2}} \right| \approx 8,7$$

⁹ Рассчитывается РИА Рейтинг. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2020 г. // РИА Рейтинг. 31.05.2021. URL: <https://riarating.ru/regions/20210531/630201367.html> (дата обращения: 30.05.2024).

¹⁰ Рособrnadzor оценил качество образования в регионах России // Рособrnadzor. 11.04.2024. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/news/rosobrnadzor-oczenil-kachestvo-obrazovaniya-v-regionah-rossii/> (дата обращения: 30.05.2024).

¹¹ Internet Archive: Wayback Machine [архивный электронный ресурс]. Данные 11.03.2021 – 01.07.2023. URL: http://web.archive.org/web/*/maps-oko.fioco.ru (дата обращения: 30.05.2024).

¹² Обобщённая композиция данных доступна в репозитории. URL: https://github.com/AntonDozhdikov/AntonDozhdikov/blob/main/Agreg_data_1_2.xlsx (дата обращения: 31.07.2024).

Критерий t больше табличного значения для $(n - 2) = 1,99$ для уровня значимости 0,05 (95% доверительный интервал) и 2,63, для уровня значимости 0,01.

Дополнительно (для последующих исследований) можно выдвинуть предположение, что другая составляющая качества образования, будет связана с качеством управления образованием на региональном уровне.

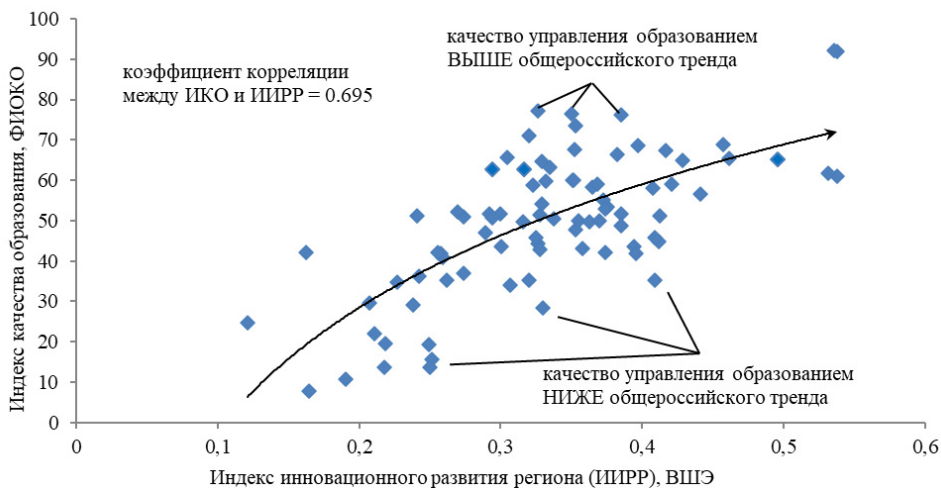

Рисунок 1. Зависимость индекса качества образования от инновационного развития регионов в разрезе регионов

Источник: составлено автором на основе композиции данных.

Проверим предположение на данных второго периода (см. рис 2).

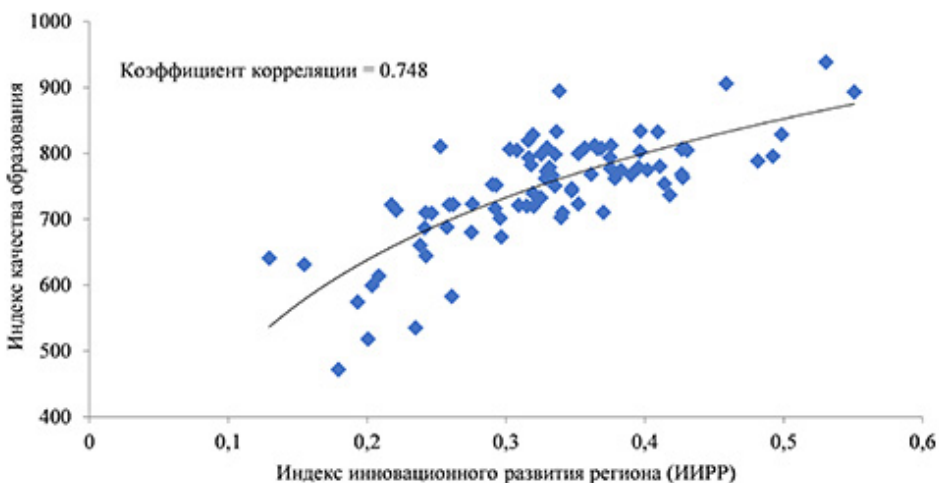

Рисунок 2. Зависимость индекса качества образования от инновационного развития в разрезе регионов

Источник: составлено автором на основании композиции данных.

В целом отметим, что зависимость отдельных составляющих качества образования от инновационного развития существенно различается. В некоторых случаях связь предполагается, в ряде случаев говорить о зависимости невозможно (см. табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции составляющих качества образования к инновационному развитию

Показатели оценки качества образования, ФИОКО	Инновационное развитие региона (первый период)	Инновационное развитие региона (второй период)
1.1. Достижение минимального уровня подготовки	0,4497	0,6020
1.2. Достижение высокого уровня подготовки	0,7040	0,6921
1.3. Образовательное равенство	0,2803	0,2025
1.4. Функциональная грамотность	0,4068	0,5392
2.1. Использование лабораторного оборудования	0,4828	н/д
2.2. Использование компьютеров	0,5291	0,5233
2.3. Поступление в образовательные организации СПО	0,5955	0,6078
2.4. Поступление в вузы своего региона	0,6756	0,7094
3.1. Объективность оценочных процедур	0,1130	0,2916
3.2. Эффективность механизмов управления качеством образования	0,5388	0,5239
3.3. Эффективность организационно-технологического обеспечения проведения ЕГЭ	0,0491	0,1434
3.4. Аналитика и интерпретация результатов ГИА	0,4655	0,4008
3.5. Участие в ВПР СПО	н/д	-0,2445
Индекс качества образования, ФИОКО, первый период	0,695	—
Индекс качества образования (простая сумма баллов), второй период	—	0,7482
Индекс качества образования (квадратичная зависимость), второй период	—	0,8538

Источник: составлено автором на основании композиции данных.

Определение зависимости качества образования от социально-экономического положения регионов: связь с индексом качества образования менее выраженная. Так для первого периода она составила 0,583, для второго всего 0,619 и 0,688.

Определение зависимости среднего балла ЕГЭ по региону от индекса качества образования: для анализа воспользуемся материалами баз данных [32] и [33], обобщив данные в рамках таблицы 2.

С учётом сокращения контингента сдающих в 2020 году (часть выпускников не поступала в вузы) и ряда факторов, обусловленных пандемией COVID-19, имеются отличия в данных 2020 года от 2019 года. Учебные предметы: профильная математика, физика, обществознание, история и русский язык во многом зависят от объективных условий региона и качества образования на уровне региона. В то время как биология и особенно химия такой зависимости не показывают.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции среднего балла ЕГЭ по региону от разных факторов

Предметы ЕГЭ	от социально-экономического развития	от инновационного развития	от качества образования	от качества образования (квадратичная зависимость)
Биология, 2020	0,27	0,41	0,46	0,39
Биология, 2019	0,39	0,50	0,61	
ИКТ, 2020	0,44	0,57	0,73	0,62
ИКТ, 2019	0,49	0,53	0,71	
История, 2020	0,37	0,52	0,63	0,52
История, 2019	0,44	0,57	0,73	
Математика профильная, 2020	0,42	0,57	0,61	0,56
Математика профильная, 2019	0,51	0,65	0,72	
Обществознание, 2020	0,30	0,45	0,54	0,50
Обществознание, 2019	0,41	0,51	0,69	
Русский язык, 2020	0,43	0,59	0,67	0,62
Русский язык, 2019	0,44	0,59	0,69	
Физика, 2020	0,50	0,62	0,71	0,62
Физика, 2019	0,52	0,60	0,75	
Химия, 2020	0,29	0,44	0,43	0,43
Химия, 2019	0,05	0,08	0,16	

Примечание: используются значения по предмету «профильная математика», выпускные испытания по базовой математике в 2020 году не проводились¹³.

Источник: составлено автором на основании композиции данных.

Определение зависимости доли «высокобалльников» по отдельным предметам. В отношении учебных предметов профильная математика, физика, ИКТ зависимость более выраженная, чем в отношении истории, обществознания и русского языка. В целом во всех предметах в 2020 «пандемийном» году коэффициент зависимости меньше.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции доли «высокобалльников» ЕГЭ по региону

Предметы ЕГЭ	от социально-экономического развития	от инновационного развития	от качества образования	от качества образования (квадратичная зависимость)
Биология, 2020	-0,06	0,04	0,04	0,04
Биология, 2019	0,31	0,36	0,28	
ИКТ, 2020	0,44	0,56	0,66	0,62
ИКТ, 2019	0,55	0,58	0,67	
История, 2020	0,29	0,41	0,45	0,37
История, 2019	0,37	0,52	0,65	
Математика профильная, 2020	0,41	0,52	0,43	0,47
Математика профильная, 2019	0,57	0,70	0,72	

¹³ Слабая готовность ряда регионов к обучению в условиях карантина [34] и предопределила особый вариант проведения ЕГЭ в 2020 году.

Окончание таблицы 3

Предметы ЕГЭ	от социально-экономического развития	от инновационного развития	от качества образования	от качества образования (квадратичная зависимость)
Обществознание, 2020	0,18	0,29	0,33	0,36
Обществознание, 2019	0,30	0,35	0,40	
Русский язык, 2020	0,36	0,51	0,51	0,55
Русский язык, 2019	0,38	0,53	0,56	
Физика, 2020	0,60	0,69	0,65	0,65
Физика, 2019	0,53	0,60	0,71	
Химия, 2020	-0,09	-0,06	-0,01	-0,04
Химия, 2019	-0,02	0,05	0,09	

Источник: составлено автором на основании композиции данных.

Определение зависимости доли «низкобалльников» по отдельным предметам. Доля «низкобалльников» находится в обратной зависимости от рассматриваемых величин (об этом свидетельствует отрицательное значение коэффициента). Однако именно здесь мы наблюдаем специфическую картину: если в случае с «высокобалльниками» максимальные значения показывали профильная математика, физика, ИКТ, то в данном случае преобладают показатели по обществознанию, русскому языку и истории. Отметим, что и здесь химия стоит особняком, и биология так же демонстрирует невысокие коэффициенты.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции доли «низкобалльников» по региону

Предметы ЕГЭ	от социально-экономического развития	от инновационного развития	от качества образования	от качества образования (квадратичная зависимость)
Биология, 2020	-0,32	-0,45	-0,56	-0,43
Биология, 2019	-0,36	-0,48	-0,63	
ИКТ, 2020	-0,40	-0,50	-0,68	-0,53
ИКТ, 2019	-0,46	-0,53	-0,71	
История, 2020	-0,38	-0,57	-0,69	-0,57
История, 2019	-0,41	-0,52	-0,68	
Математика профильная, 2020	-0,36	-0,50	-0,61	-0,51
Математика профильная, 2019	-0,42	-0,57	-0,62	
Обществознание, 2020	-0,35	-0,50	-0,60	-0,54
Обществознание, 2019	-0,40	-0,52	-0,74	
Русский язык, 2020	-0,41	-0,57	-0,76	-0,57
Русский язык, 2019	-0,38	-0,46	-0,64	
Физика, 2020	-0,37	-0,54	-0,71	-0,55
Физика, 2019	-0,44	-0,54	-0,70	
Химия, 2020	-0,15	-0,16	-0,11	-0,13
Химия, 2019	-0,08	-0,10	-0,18	

Источник: составлено автором на основании композиции данных.

Во всех случаях мы можем говорить о наличии взаимосвязи при значении коэффициента, превышающем 0,7 в абсолютном значении. При значении в районе от 0,3 до 0,7 можно делать вывод о наличии определённого влияния, но с возможным учётом воздействия других факторов. При значении 0,3 и ниже, скорее всего, не предполагается значимой связи¹⁴.

Определение зависимости по выбору отдельных предметов для сдачи ЕГЭ. Одним из направлений анализа является склонность выпускниками школ выбирать тот или иной предмет для сдачи ЕГЭ, например, «профильную» или «базовую» математику. Отметим, что данные приведены по состоянию на 2019 год, т.к. в 2020 году экзамен по базовой математике не проводился. Утверждение «чем выше уровень инновационного развития и качества образования в регионе, тем большее количество абитуриентов выбирает профильную математику, можно признать соответствующим действительности. Аналогичная зависимость распространяется на ряд иных предметов (см. табл. 5).

Таблица 5

Коэффициенты корреляции для выбора определённого предмета ЕГЭ для сдачи

Предмет ЕГЭ	от инновационного развития	от качества образования
Обществознание	-0,262	-0,373
Литература	0,268	0,474
Математика профильная	0,548	0,553
Математика базовая	-0,632	-0,604
Физика	0,351	0,354
Химия	-0,370	-0,524
Информатика и ИКТ	0,431	0,509
Биология	-0,403	-0,547
История	-0,505	-0,580
География	-0,137	-0,056
Английский язык	0,537	0,579

Источник: составлено автором на основании композиции данных.

Выявленные корреляционные связи предполагают наличие влияния объективных условий региона на качество образования, а также влияние региональных условий на неравенство доступа абитуриентов к высшему образованию.

Отметим факт необходимости исследования данных за 2022, 2023 и 2024 годы для уточнения влияния фактора пандемии на результаты ЕГЭ и уровень образовательного неравенства, хотя по отдельным работам, предположение о возросшем уровне неравенства не подтвердилось [35].

Выводы исследования в отношении модели ЕГЭ. Установлено, что качество образования связано с уровнем инновационного развития регионов (от 0,7 до 0,85), в меньшей мере – с уровнем социально-экономического развития. Средний

¹⁴ Более точный вывод о наличии или отсутствии зависимости (в т.ч. сложной, нелинейной) можно сделать при наличии доступа к массиву первичных данных по человеку-экзамену ЕГЭ и данным по поступлению, например, решая задачу классификации или регрессии на ансамблевой модели машинного обучения с подобранным гиперпараметрами с выделением весов модели (важности признаков) – feature importances.

балл ЕГЭ зависит от качества образования в регионе по предметам профильная математика, обществознание, история, русский язык, физика и ИКТ. В отношении предметов биология и химия зависимость не выражена. Доля «высокобалльников» зависит качества образования за исключением биологии и химии. Доля «низкобалльников» находится в обратной зависимости от качества образования, это справедливо для перечисленных предметов за исключением химии.

Существует зависимость по выбору отдельных предметов для сдачи ЕГЭ. Абитуриенты из регионов с высоким уровнем качества образования и инновационного развития предпочитают делать акцент на английском языке, профильной математике, информатике и в некоторой мере – литературе. Эти предметы необходимы для поступления на престижные направления подготовки. Базовая математика, химия, биология, история – удел регионов с невысокими показателями качества образования и инновационного развития.

Вслед за [36] можно сделать вывод, что отношения выбора экзаменов для ЕГЭ, а следовательно, и направлений подготовки в вузе в отношении абитуриентов действуют преимущественно социально-экономические и пространственные факторы, обусловленные неравенством и диспропорциями в региональном развитии. В этой связи напрашивается вывод: для равенства шансов и возможностей оценивать абитуриентов должны эксперты из разных регионов страны. Практика «дополнительного вступительного испытания» в вузе [37] бесспорно является «шагом назад» с позиции обеспечения равенства возможностей абитуриентов, но вполне возможна в формате «межвузовского дополнительного экзамена», когда в творческом испытании принимают участие преподаватели разных вузов с некоторой долей отраслевых специалистов-практиков.

При сохранении модели «ЕГЭ + олимпиады» воздействие «социально-экономической композиции школы» [38] на образовательные результаты в целом будет возрастать и в то же время будет усиливаться за счёт пространственного фактора. Будет расти дифференциация между школами разных регионов как по результатам обучающихся, так и по компетенциям учителей. Отчасти на экзамене нивелировать данный фактор можно за счёт рандомизации в назначении заданий и оценивающих экспертов.

Одно из перспективных направлений исследования – это изучение миграции высокобалльников и других категорий абитуриентов, выявление центров притяжения и образовательных планов семей абитуриентов [39] с простой логикой: центры притяжения, особенно за пределами центральных регионов, должны получать сопоставимо большие контрольные цифры приёма.

Цифровизация образования существенно увеличивает фактор социального и культурного капитала семьи [40]. Акцент на «ресурсоёмкую» цифровизацию образования и рост требований к качеству каналов связи приведёт к тому, что данный процесс упрётся в естественные границы кабельного интернета [41]. Вместе с тем уже сложилась определённая единообразная инфраструктура пунктов приёма экзаменов (ППЭ), которая может гарантировать «равные условия на экзамене» в плане интернет-канала и подключения. Появилась возможность подключения к экзамену оценивающего из других регионов страны: дистанционно обычный экзамен могут принять как сотрудник общеобразовательной организации, организации высшего образования, органа управления образованием, вплоть до депутата, сенатора, министра, Председателя Правительства и Президента Российской Федерации. Некоторые исследователи [42] считают, что онлайн-технологии приведут к росту образовательной неуспешности, снизится

уровень базовых знаний и умений, пропадёт мотивация к обучению. Однако онлайн-экзамен наоборот может вернуть человека в оценку абитуриента хотя бы и дистанционно.

В случае сохранения существующей модели «ЕГЭ + олимпиады» или переноса отборочных процедур в вузы неравенство доступа к образованию в разрезе регионов России будет возрастать пропорционально «расслоению» регионов. Внутри самих регионов будут оформляться факторы, закрепляющие неравенство территорий [43]. Часть пространств будет превращаться в «образовательную пустыню» [44]. Лучший доступ к образовательным ресурсам в регионах с лучшими показателями социально-экономического и инновационного развития создаёт «ситуацию двойного выигрыша или проигрыша» и укладывается в «теорию эффективно поддерживаемого неравенства» [27].

В исследовании показано, что уже в условиях 2019–2020 гг. задолго до политического решения о выходе из Болонской системы, ЕГЭ перестал уравнивать шансы абитуриентов на поступление в престижные вузы. Более того, сейчас часть меритократической функции ЕГЭ нивелирована системой олимпиад: на отдельные направления подготовки даже «стобалльники» вынуждены уступать победителям олимпиад. Сам выбор экзамена и его результаты сильно зависят от региона проживания абитуриента. В регионах с высоким экономическим потенциалом и доходами семьи большее количество родителей могут позволить себе дополнительное количество часов обучения/натаскивания у репетиторов и тратить время как на подготовку ребёнка к ЕГЭ, так и на альтернативный путь к поступлению – олимпиады. Затраты на подготовку, поездки и само участие так же способствуют созданию «ножниц возможностей».

Решить последнюю проблему можно используя современные технологии и имеющуюся инфраструктуру, в частности, пункты приёма ЕГЭ за счёт внедрения процедуры рандомизированного назначения экзаменационных билетов и такой же системы случайного отбора оценивающих экспертов из преподавателей и сотрудников разных вузов (во избежание конфликта интересов практики дополнительных испытаний в рамках одного вуза все же необходимо исключать), внешних экспертов, представителей педагогического сообщества и работодателей, соединяющихся с абитуриентом в ППЭ по видеосвязи из разных мест.

Абитуриент получает билет по выбранному предмету, время на подготовку и решение, затем представляет результат заседающей дистанционно экспертной комиссии. Таким образом сохраняются преимущества традиционного экзамена: оценка человека человеком, творческое выступление, оценка личности и компетенций человека, проявленных при решении учебных задач. Выступающий имеет право на ошибку, и оно будет учтено при проверке его записей и общей логики решения. Последнее в разы снизит уровень стресса как у подростков, так и у членов их семей, уменьшит тревожность, депрессию.

В то же время исключается любая возможность коррупции и сговора: участники экзамена заранее не знают какой билет кто получит, кто будет оценивать результаты, из какого он региона, вуза. Творческий компонент оценки дистанционного творческого экзамена (ДТЭ) связан с возможностью реализации части «олимпиадного» функционала, когда испытуемый может дополнительно попробовать решить задание (или взять дополнительный пункт «со звёздочкой») именно олимпиадного уровня с таким же механизмом оценки, исключая сговор и субъективный мотив оценивающего эксперта.

Уменьшение затрат времени, усилий и финансов со стороны семей на «гонку» за результатами ЕГЭ и олимпиад способствует гармонизации семейных отношений и созданию условий для улучшения демографии.

Механизм ДТЭ может быть распространён на следующие уровни обучения, защиту выпускных квалификационных работ и связан с системой переподготовки и повышения квалификации кадров, подбора соискателей на рабочие места, став одним из инструментов вертикальной социальной мобильности и молодёжного социального карьерного лифта.

Необходимо отметить инфраструктурные риски ДТЭ и возможных экзаменов-аналогов, связанные со стабильностью канала связи между ППЭ, риски атак на инфраструктуру, данные и программное обеспечение: от блокировки сигнала до подмены данных «дипфейками» абитуриентов/экзаменаторов, риски утечки данных, связанные с несовершенством защиты информации, получаемой из биометрических данных (видео, фото, голос). Отдельным технологическим вызовом в перспективе может быть использование носимых устройств, биосовместимых кибернетических имплантов¹⁵, в том числе с использованием ИИ, нейросетей и языковых моделей¹⁶, расширяющих когнитивные возможности и аналитические способности абитуриента, багаж его знаний. Впрочем последний фактор несёт риски и угрозы любой существующей экзаменационной системе, подобный «апгрейд» части участников любого из существующих экзаменов означает неравенство возможностей, сопоставимое по уровню с феодальным или замкнутым кастовым обществом.

По аналогии с внедрением механизма ЕГЭ в прошлом любые реформы сферы государственной итоговой аттестации и поступления в вуз должны опираться на проведение экспериментов и исследований, обсуждение результатов и дискуссии в профессиональном сообществе с постепенным расширением вовлекаемой аудитории участников. В качестве эксперимента возможно, например, введение модели ДТЭ для консорциума творческих [45] или лингвистических вузов (с обязательной практикой именно межвузовской экспертной оценки) с параллельным сохранением основного функционала и процедур ЕГЭ для остальных организаций с последующим расширением охвата учебных предметов и направлений подготовки. Итоговый результат, доработанная модель экзамена должны ориентироваться на «реализацию потенциала каждого человека, развитие его талантов», «технологическое лидерство» и «цифровую трансформацию управления» системы образования.

Библиографический список / References

1. Кудряшова Т. Г., Шуруп А. С. О модернизации системы итоговой аттестации выпускников школ // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2023. Т. 21, № 1. С. 18–39. DOI 10.51314/2073-2635-2023-21-1-18-39. EDN NRKHSP. Kudryashova T. G., Shurup A. S. On the modernization of final certification system for school graduates. *Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2023;21(1):18–39. (In Russ.). DOI 10.51314/2073-2635-2023-21-1-18-39.

¹⁵ Dube M. This Neuralink-rival has integrated ChatGPT into its brain implant // NewsBytes. 29.07.2024. URL: <https://www.newsbytesapp.com/news/science/neuralink-rival-synchron-integrates-openai-s-chatgpt-into-brain-computer-interface/story> (accessed: 30.07.2024).

¹⁶ Капранов О., Агранович М. Нейросеть Яндекса смогла сдать ЕГЭ для поступления в ВУЗ // Российская газета. 12.10.2023. URL: <https://rg.ru/2023/10/12/nejroset-iandeksa-smogla-sdat-ege-dlia-postupleniia-v-vuz.html> (дата обращения: 14.07.2024).

2. Коньжева Ю. Г., Губарева Л. И., Бутова О. А. Нейропсихологические предикторы невротических состояний у учащихся 17 лет в период подготовки к ЕГЭ // Вестник психофизиологии. 2023. № 4. С. 53–59. DOI [10.34985/o6932-4697-5068-d](https://doi.org/10.34985/o6932-4697-5068-d). EDN [DVPNTE](#).
Konygeva Yu. G., Gubareva L. I., Butova O. A. Neuropsychological predictors of neurotic conditions in students aged 17 years old during preparation unified state exam. *Psychophysiology news*. 2023;(4):53–59. (In Russ.). DOI [10.34985/o6932-4697-5068-d](https://doi.org/10.34985/o6932-4697-5068-d).
3. Губарева Л. И., Коньжева Ю. Г., Водолажская М. Г. Динамика психофизиологических показателей у учащихся 11-х классов, сдающих Единый государственный экзамен // Психология. Психофизиология. 2024. Т. 17, № 1. С. 91–102. DOI [10.14529/jpps240109](https://doi.org/10.14529/jpps240109). EDN [KMNUMO](#).
Gubareva L. I., Konygeva Y. G., Vodolazhskaya M. G. Psychophysiological indicators in 11th grade students during the unified state exam. *Psychology. Psychophysiology*. 2024;17(1):91–102. (In Russ.). DOI [10.14529/jpps240109](https://doi.org/10.14529/jpps240109).
4. Каплун А. В., Зникина Л. С., Дягилева А. В., Пылов П. А. Корреляционный анализ результатов перехода к дистанционному формату обучения (соотношение показателей ЕГЭ и первой промежуточной аттестации студентов вуза) // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2023. № 1(49). С. 23–28. DOI [10.54509/22203036_2023_1_23](https://doi.org/10.54509/22203036_2023_1_23). EDN [AXPKBN](#).
Kaplun A. V., Znikina L. S., Dyagileva A. V., Pylov P. A. Correlation analysis of the results of the transition to the distance learning format (the ratio of unified state exam indicators and the first term testing of students). *Professional Education in Russia and Abroad*. 2023;(1):23–28. (In Russ.). DOI [10.54509/22203036_2023_1_23](https://doi.org/10.54509/22203036_2023_1_23).
5. Gil-Hernández C. J. The (unequal) interplay between cognitive and noncognitive skills in early educational attainment. *American Behavioral Scientist*. 2021;65(11): 1577-1598. DOI [10.1177/0002764221996764](https://doi.org/10.1177/0002764221996764). EDN [IDHYDD](#).
6. Kang C. Private tutoring and distribution of student academic outcomes: An implication of the presence of private tutoring for educational inequality. *Korean Economic Review*. 2021;37(2):287–326. DOI [10.22841/kerdoi.2021.37.2.004](https://doi.org/10.22841/kerdoi.2021.37.2.004). EDN [FFRORO](#).
7. Turetsky K. M., Sinclair S., Starck J. G., Shelton J. N. Beyond students: how teacher psychology shapes educational inequality. *Trends in Cognitive Sciences*. 2021;25(8):697–709. DOI [10.1016/j.tics.2021.04.006](https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.04.006). EDN [MLSNWB](#).
8. Nazarov M. S., Martynenko O. O., Alekseev S. A., Soboleva E. V. Educational inequality and professional motivation of a future teacher. *Journal of Higher Education Theory and Practice*. 2021;21(9):107–112. DOI [10.33423/jhetp.v21i9.4594](https://doi.org/10.33423/jhetp.v21i9.4594). EDN [SFUEGJ](#).
9. Jones D. P., Wootton R. E., Gill D. [et al.] Mental health as a mediator of the association between educational inequality and cardiovascular disease: A mendelian randomization study. *Journal of the American Heart Association*. 2021;10(17):e019340. DOI [10.1161/JAHA.120.019340](https://doi.org/10.1161/JAHA.120.019340). EDN [XKADNB](#).
10. Herd P., Freese J., Domingue B. W. [et al.] Genes, Gender Inequality, and Educational Attainment. *American Sociological Review*. 2019;84(6):1069–1098. DOI [10.1177/0003122419886550](https://doi.org/10.1177/0003122419886550). EDN [BEUOTC](#).
11. Ivaniushina V., Williams E. Tracking, school mobility, and educational inequality. *Educational Studies. Moscow*. 2019;(4):47–70. DOI [10.17323/1814-9545-2019-4-47-70](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-4-47-70). EDN [MNCHFM](#).
12. Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей в образовании в советский и постсоветский периоды: эмпирический анализ // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 43–62. DOI [10.17323/1814-9545-2021-2-43-62](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-43-62). EDN [WHGBBU](#).
Ibragimova Z., Frants M. V. Inequality of educational opportunity in soviet and post-soviet Russia: an empirical analysis. *Educational Studies (Moscow)*. 2021;(2):43–62. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2021-2-43-62](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-43-62).
13. Гошин М. Е., Мерцалова Т. А. Типы родительского участия в образовании, социально-экономический статус семьи и результаты обучения // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 68–90. DOI [10.17323/1814-9545-2018-3-68-90](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-68-90). EDN [UZPRBU](#).
Goshin M., Mertsalova T. Types of parental involvement in education, socio-economic status of the family and students' academic results. *Educational Studies (Moscow)*. 2018;(3):68–90. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2018-3-68-90](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-68-90).
14. Косарецкий С. Г., Куртиянов Б. В., Филиппова Д. С. Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семей и месте проживания // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 168–190. DOI [10.17323/1814-9545-2016-1-168-190](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-168-190). EDN [VSARUX](#).

- Kosaretsky S., Kupriyanov B., Filippova D. Specific features of children involvement in supplementary education depending on cultural, educational and financial status of families and place of living. *Educational Studies (Moscow)*. 2016;(1):168–190. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2016-1-168-190](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-168-190).
15. Hancock K. J., Mitrou F., Zubrick S. R. [et al.]. Educational inequality across three generations in Australia. *Australian Journal of Social Issues*. 2018;53(1):34–55. DOI [10.1002/ajs4.33](https://doi.org/10.1002/ajs4.33). EDN [NPBQWI](#).
 16. Milne E. Educational issues and inequalities: Experiences of indigenous Canadian students. *Sociological Studies of Children and Youth*. 2016;20:65–89. DOI [10.1108/S1537-466120160000020003](https://doi.org/10.1108/S1537-466120160000020003). EDN [VPBACI](#).
 17. Auger N., Roncarolo F., Harper S. Increasing educational inequality in preterm birth in Québec, Canada, 1981–2006. *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2011;65(12):1091–1096. DOI [10.1136/jech.2009.102350](https://doi.org/10.1136/jech.2009.102350). EDN [PKVTHR](#).
 18. *Косарецкий С. Г., Груничева И. Г., Гошин М. Е.* Образовательная политика России конца 1980-х – начала 2000-х годов: декларации и практическое влияние на неравенство в общем образовании // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25, № 4. С. 115–135. EDN [WTIEYH](#).
Kosaretsky S., Grunicheva I., Goshin M. Russian educational policy of the late 1980s – early 2000s: declarations and the actual impact on inequality in general education. *Universe of Russia*. 2016;25(4):115–135. (In Russ.).
 19. Broer M., Bai Y., Fonseca F. A review of the literature on socioeconomic status and educational achievement. *IEA Research for Education*. 2019;5:7–17. DOI [10.1007/978-3-030-11991-1_2](https://doi.org/10.1007/978-3-030-11991-1_2). EDN [BNELYD](#).
 20. *Тропникова В. В.* Система образования и социальное неравенство: анализ зарубежных подходов к исследованию проблемы // Наука Красноярья. 2019. Т. 8, № 1. С. 25–40. DOI [10.12731/2070-7568-2019-1-25-40](https://doi.org/10.12731/2070-7568-2019-1-25-40). EDN [LLZBNV](#).
Tropnikova V. V. Education system and social inequality: an analysis of foreign approaches to research problem. *Krasnoyarsk Science*. 2019;8(1):25–40. (In Russ.). DOI [10.12731/2070-7568-2019-1-25-40](https://doi.org/10.12731/2070-7568-2019-1-25-40).
 21. *Филипова А. Г., Высоцкая А. В.* Образовательное неравенство в школе: от интерпретации понятия к детерминирующим факторам // Социальные исследования. 2018. № 2. С. 1–17. EDN [YZSATB](#).
Filipova A. G., Vysotskaya A. V. Educational inequality in school: from the interpretation of the concept to determinative factors. *Journal of Social Research*. 2018;(2):1–17. (In Russ.).
 22. *Филипова А. Г., Высоцкая А. В.* Образовательное неравенство в российских школах: влияние территориального фактора // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 4. С. 150–163. DOI [10.19181/vis.2019.31.4.610](https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.610). EDN [VFEAWA](#).
Filipova A. G., Visotskaya A. V. Educational inequality in Russian schools: the influence of territorial factor. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019;10(4):150–163. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2019.31.4.610](https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.610).
 23. Firsova A., Chelnokova O., Vavilina A. The methods of research of educational inequality dynamics. *Technology, Engineering, Management, Entrepreneurship, Learning – International Journal*. 2019;3(1):11–17. EDN [ESJLHV](#).
 24. Filipova A. G., Inzartsev A. V., Vysockaya A. V. Educational inequality in Russian regions: Mathematical modeling. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021;200:948–958. DOI [10.1007/978-3-030-69421-0_105](https://doi.org/10.1007/978-3-030-69421-0_105). EDN [XGIBWK](#).
 25. Valdés M. T. Main methodological procedures for the analysis of the composition of educational inequality. *Empiria*. 2020;(48):115–145. DOI [10.5944/empiria.48.2020.28073](https://doi.org/10.5944/empiria.48.2020.28073). EDN [QCJZQV](#).
 26. Rees G., Gromada A., Chzhen Ye. More equal and less equal at the same time? Measuring inequality in educational achievement of 15-year-olds in 37 countries. In: Culture and education: social transformations and multicultural communication: Proceedings of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA). Moscow: RUDN; 2019. P. 666–673. DOI [10.22363/09669-2019-666-673](https://doi.org/10.22363/09669-2019-666-673). EDN [VNFGEY](#).
 27. *Захаров А. Б., Адамович К. А.* Региональные различия в доступе к образовательным ресурсам, в академических результатах и в траекториях российских учащихся // Экономическая социология. 2020. Т. 20, № 1. С. 60–80. DOI [10.17323/1726-3247-2020-1-60-80](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-1-60-80). EDN [KTKAEL](#).

- Zakharov A. B., Adamovich K. A. Regional differences in access to educational resources, academic results and students' trajectories in Russia. *Journal of Economic Sociology*. 2020;20(1):60–80. (In Russ.). DOI [10.17323/1726-3247-2020-1-60-80](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-1-60-80).
28. *Липай Т. П.* О проявлении стигматизации в процессе образования // Социологические исследования. 2004. № 10(246). С. 140–141. EDN [OWMZPB](https://elibrary.ru/OWMZPB).
Lipai T. P. On the manifestation of stigmatisation in education. *Sociological Studies*. 2004;(10):140–141. (In Russ.).
 29. *Прахов И. А.* Барьеры доступа к качественному высшему образованию в условиях ЕГЭ: семья и школа как сдерживающие факторы // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 88–117. DOI [10.17323/1814-9545-2015-1-88-117](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-88-117). EDN [TOEWHD](https://elibrary.ru/TOEWHD).
Prakhov I. A. Barriers limiting access to quality higher education in the context of the use: family and school as constraining factors. *Educational Studies (Moscow)*. 2015;(1):88–117. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2015-1-88-117](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2015-1-88-117).
 30. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин [и др.]. Выпуск 6. М. : НИУ ВШЭ, 2020. 264 с. DOI [10.17323/978-5-7598-1987-5](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1987-5). EDN [CVTKTT](https://elibrary.ru/CVTKTT).
Abdrakhmanova G. I., Artemov S. V., Bakhtin P. D. [et al.]. Russian regional innovation scoreboard. Issue 6. Moscow: HSE; 2020. (In Russ.). DOI [10.17323/978-5-7598-1987-5](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1987-5).
 31. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин [и др.]. Выпуск 7. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 274 с. DOI [10.17323/978-5-7598-2390-2](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2390-2). EDN [PPLHHM](https://elibrary.ru/PPLHHM).
Abdrakhmanova G. I., Artemov S. V., Bakhtin P. D. [et al.]. Russian regional innovation scoreboard. Issue 7. Moscow: HSE; 2021. (In Russ.). DOI [10.17323/978-5-7598-2390-2](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2390-2).
 32. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021620955 РФ. Выбор выпускников 2019 и 2020 годов учебных предметов для сдачи на ЕГЭ в тендерном разрезе в зависимости от субъекта РФ: № 2021620834: заявл. 28.04.2021: опубл. 13.05.2021 / Е. Ю. Малеванов, А. В. Дождиков, Е. В. Корнилова, А. Д. Иванов ; РАНХиГС. EDN [KPCFDX](https://elibrary.ru/KPCFDX).
Certificate of state registration of the database No. 2021620955 RF. Choice of 2019 and 2020 graduates of academic subjects for the USE in the tender section depending on the constituent entity of the Russian Federation: No. 2021620834: applied. 28.04.2021: publ. 13.05.2021 / E. Yu. Malevanov, A. V. Dozhdikov, E. V. Kornilova, A. D. Ivanov; RANEPА. (In Russ.).
 33. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622990 РФ. Предпочтения выпускников школ 2020 года в выборе вузов для получения высшего образования в региональном разрезе: № 2022622992: заявл. 16.11.2022: опубл. 21.11.2022 / А. В. Дождиков, Е. В. Корнилова ; РАНХиГС. EDN [DCASGG](https://elibrary.ru/DCASGG).
Certificate of state registration of the database No. 2022622990 RF. Preferences of 2020 school leavers in choosing universities for higher education in the regional context: No. 2022622992: applied. 16.11.2022: publ. 21.11.2022 / A. V. Dozhdikov, E. V. Kornilova; RANEPА. (In Russ.).
 34. *Зайр-Бек С. И., Мерцалова Т. А., Анчиков К. М.* Готовность российских школ и семей к обучению в условиях карантина: оценка базовых показателей // Факты образования. 2020. № 2(27). 32 с.
Zair-Bek S. I., Mertsalova T. A., Anchikov K. M. Readiness of Russian schools and families to study under quarantine: assessment of basic indicators. *Facts of Education*. 2020;(2). (In Russ.).
 35. *Дмитриев П. А., Финогорова А. С.* Оценка последствий пандемии на дифференциацию возможностей реализации потенциала цифрового развития молодежи в России // Финансовые рынки и банки. 2023. № 1. С. 94–99. EDN [SAHBCQ](https://elibrary.ru/SAHBCQ).
Dmitriev P. A., Finogenova A. S. Assessing the impact of the pandemic on the inequality of opportunities to realize the potential of digital youth development in Russia. *Finansovyye rynki i banki*. 2023;(1):94–99. (In Russ.).
 36. *Ибрагимова З. Ф., Франц М. В.* Динамический анализ неравенства достижений и возможностей в российском школьном образовании // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 54–63. DOI [10.31857/S013216250013781-2](https://doi.org/10.31857/S013216250013781-2). EDN [CPKQWK](https://elibrary.ru/CPKQWK).
Ibragimova Z., Frants M. Dynamic Analysis of Achievement and Opportunity Inequality in Russian School Education. *Sociological Studies*. 2021;(9):54–63. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250013781-2](https://doi.org/10.31857/S013216250013781-2).
 37. Нужны ли дополнительные испытания для абитуриентов вузов? // Ректор ВУЗа. 2023. № 5. С. 8–9. EDN [HHMYBJ](https://elibrary.ru/HHMYBJ).

- Do university applicants need additional tests? *Rektor VUZa*. 2023;(5):8–9. (In Russ.).
38. Керша Ю. Д. Социально-экономическая композиция школы как фактор воспроизводства неравенства в образовании // Вопросы образования. 2020. № 4. С. 85–112. DOI [10.17323/1814-9545-2020-4-85-112](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-4-85-112). EDN YSAERX.
Kersha Yu. School socioeconomic composition as a factor of educational inequality reproduction. *Educational Studies (Moscow)*. 2020;(4):85–112. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2020-4-85-112](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-4-85-112).
39. Аверьянов А. О., Питухина М. А., Симакова А. В. Миграционный отток выпускников региональных школ // Непрерывное образование: XXI век. 2021. № 3(35). С. 112–131. DOI [10.15393/j5.art.2021.7052](https://doi.org/10.15393/j5.art.2021.7052). EDN AZVBBL.
Averyanov A. O., Pitukhina M. A., Simakova A. V. Migration outflow of regional school graduates. *Lifelong education: the 21st century*. 2021;(3):112–131. (In Russ.). DOI [10.15393/j5.art.2021.7052](https://doi.org/10.15393/j5.art.2021.7052).
40. Попова Е. С. Неравенство образовательных шансов в цифровом измерении // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 1(48). С. 55–67. DOI [10.52944/PORT.2022.48.1.004](https://doi.org/10.52944/PORT.2022.48.1.004). EDN NHJPNZ.
Popova E. S. Inequality in educational opportunities in the digital dimension. *Vocational Education and Labour Market*. 2022;(1):55–67. (In Russ.). DOI [10.52944/PORT.2022.48.1.004](https://doi.org/10.52944/PORT.2022.48.1.004).
41. Грошев И. В., Краснослободцев А. А. Цифровизация и креативность российских регионов // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 66–78. DOI [10.31857/S013216250009390-2](https://doi.org/10.31857/S013216250009390-2). EDN PLVOPV.
Groshev I. V., Krasnoslobodtsev A. A. Digitalization and creativity of Russian regions. *Sociological Studies*. 2020;(5):66–78. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250009390-2](https://doi.org/10.31857/S013216250009390-2).
42. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социальный контекст образовательной неуспешности учащейся молодёжи // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 2. С. 114–139. DOI [10.17853/1994-5639-2021-2-114-139](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-2-114-139). EDN CVRGXD.
Zborovskiy G. E., Ambarova P. A. Social context of educational failure of students. *The Education and science journal*. 2021;23(2):114–139. (In Russ.). DOI [10.17853/1994-5639-2021-2-114-139](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-2-114-139).
43. Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3(31). С. 125–133. DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7491](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7491). EDN FGRZUS.
Konstantinovskiy D. L. Overcoming barriers in education: research and social practice. 2020;8(3):125–133. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7491](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7491).
44. Богданов М. Б., Малик В. М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодёжи России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 392–421. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1603](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603). EDN NBXFVU.
Bogdanov M. B., Malik V. M. Social, territorial and gender inequalities in educational trajectories of the Russian youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):392–421. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1603](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603).
45. Дождиков А. В. Дистанционный творческий экзамен для поступающих в вузы // Высшее образование в России. 2017. № 3. С. 86–92. EDN YHQCBT.
Dozhdikov A. V. The distant creative examination for university entrants. *Higher Education in Russia*. 2017;(3):86–92. (In Russ.).

Поступила: 09.06.2024. Доработана: 12.08.2024. Принята: 30.08.2024.

Сведения об авторе:

Дождиков Антон Валентинович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры ЮНЕСКО, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. antondnn@yandex.ru
Author ID РИНЦ: 492688; ORCID: 0000-0002-1069-1648

A. V. Dozhdikov¹

¹ ISPR FCTAS RAS. Moscow, Russia

ON THE ISSUE OF A WORKING MODEL FOR MODERNIZING THE UNIFIED STATE EXAM TO OVERCOME INEQUALITY OF ACCESS TO HIGHER EDUCATION

Abstract. The study formulates approaches to determining inequality of access to higher education through regionally determined choice of subjects and Unified State Exam results. The dependence of the choice and results of the Unified State Exam on the quality of education and innovative development of regions is presented. Indicators of inequality are the distribution of students according to “success cohorts” when passing the Unified State Exam and the choice of subject by students to take, and the average score in the region. Quantitative characteristics of the choice of basic and specialized mathematics and other academic subjects by students in the regions are presented. The calculations used data from the entire population of applicants in 2019 and 2020; accordingly, the conclusions of the article relate to the period until 2021. The problem of increasing the efficiency of the Unified State Examination is objective and has matured before the political events associated with the departure from the Bologna system in 2022. It is noted that Olympiads and additional internal university tests are not an alternative to the Unified State Exam. Based on the goals of leveling regional inequality, a variant of the model for modernizing the Unified State Examination with an objective assessment procedure is proposed – a remote creative exam using the existing infrastructure of examination points and video communication. Due to the random assignment of tasks and assessing experts from different regions, universities, organizations, remote creative exam retains the advantages of the Unified State Exam, comparability of results is achieved, corruption and the possibility of “training” for certain types of answers are eliminated. A person assesses the exam results: a teacher at a general education organization or university, the head of a government agency or enterprise. The examination model includes the advantages of Olympiads and internal university examinations without their corruption-prone components. The article notes that any innovation in the field of final/entrance examinations must necessarily go through testing and experimentation with a gradual increase in coverage and adjustment of the applied methods and procedures based on the results of professional discussion.

Keywords: educational inequality, meritocracy, access to higher education, unified state exam, choice of exam, quality of education, distance exam, social mobility, educational migration, social elevator

For citation: Dozhdikov A. V. On the issue of a working model for modernizing the Unified State Exam to overcome inequality of access to higher education. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):79–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.6>

Received: 09.06.2024. Corrected: 12.08.2024. Accepted: 30.08.2024.

Information about the author:

Anton V. Dozhdikov, Candidate of Political Science, Senior researcher, UNESCO Department, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

antondnn@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-1069-1648](https://orcid.org/0000-0002-1069-1648)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.7](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.7)
EDN [BDTIKU](https://edn.bdtiku.ru)
УДК 316.334.3

Е. А. Кублицкая¹

¹ ИДИ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЕАЭС В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Аннотация. В работе рассмотрены состояние и динамика представлений российских граждан о деятельности Евразийского Экономического Союза. На основе системы показателей и эмпирических индикаторов проведён анализ отношения к составляющим и результатам интеграционных процессов; изучена связь оценок деятельности ЕАЭС с представлениями об актуальных социальных процессах в стране. Основой проекта являются сравнительные репрезентативные исследования, осуществлённые по единой методике в Москве и Белгороде в последнее десятилетие. Было зафиксировано, что в исследуемых регионах уровень одобрения деятельности ЕАЭС продолжает оставаться достаточно высоким (40% в Москве и 41% в Белгороде). Вместе с тем, полученные данные отражают факт заметного падения уровня одобрения респондентами деятельности экономического союза за последнее десятилетие. Результаты исследования позволяют также говорить о наличии лагун в информировании граждан о сути интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Согласно результатам, респонденты выделяют несколько ключевых причин, препятствующих интенсификации интеграционных процессов: национальные элиты, преследующие свои интересы (37% и 30% в Москве и Белгороде соответственно); отсутствие единства целей интеграции в государствах ЕАЭС (36% в Москве, 26% в Белгороде); политическая, культурная, экономическая разобщённость стран-участниц ЕАЭС (четверть опрошенных в исследуемых регионах РФ). Выявлено, что отдельные социальные процессы в стране негативно связаны с уровнем одобрения деятельности ЕАЭС. Так, зафиксированы статистически значимые эмпирические зависимости, когда трактовка респондентами межнациональных отношений в регионе как напряжённых, негативная оценка эффективности миграционной политики властей предполагают меньший уровень одобрения ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский Экономический Союз, ЕАЭС, интеграционные процессы, межнациональная напряжённость, миграция, граждане ЕАЭС, ценности интеграции, массовое сознание

Для цитирования: Кублицкая Е. А. Интеграционные процессы ЕАЭС в оценках российских граждан // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 96–111. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.7](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.7). EDN [BDTIKU](https://edn.bdtiku.ru).

Введение. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является одной из многих межгосударственных организаций, которая наряду с другими (ШОС, БРИКС, АТЭС и др.) переориентирует политику государств с одного-единственного полюса последних десятилетий на несколько других, равных ему по влиянию. Благодаря этому геополитический ландшафт становится более многообразным, полицентрическим, но и более непредсказуемым. От того, насколько эффективно, слаженно и взаимовыгодно смогут наладить свою работу эти организации, зависит во многом, удастся ли человечеству перейти от однополярного к многополярному миру в надежде, что несколько центров смогут обеспечить ему более благополучное и стабильное существование, чем один.

© Кублицкая Е. А., 2024

ЕАЭС объединяет пять стран бывшего СССР – Россию, Казахстан, Белоруссию, Армению и Киргизию. В существенной мере союз помогает увеличить товарооборот между этими странами, наладить сотрудничество в медицине, образовании и других областях. Одной из главных сфер действия союза является регулирование и упрощение движения миграционных потоков между странами-участницами. Предметом нашего исследования является изучение отношения населения российских регионов к деятельности ЕАЭС. Здесь мы исходим из представления о том, что важным фактором межгосударственной интеграции являются социальные представления граждан, их ориентация на укрепление и консолидацию экономического союза.

Остановимся далее на ряде научно-прикладных исследований, составляющих научный контекст работы. Важным является введение в научный оборот понятия социальной базы интеграции как показателя степени солидарности, меры сплочённости населения стран-членов вокруг идеи союза [1]. При этом показано, что ресурсом консолидированности союза наряду с его экономической эффективностью является ценностно-символическое пространство, которое находит своё проявление, среди прочего, в настроениях людей. Таким образом, стратегия построения интеграционного объединения должна предполагать создание не только единого экономического, но и общего социально-гуманитарного пространства [2]. Продуктивной, на наш взгляд, является подход к решению задач евразийской экономической интеграции на основе социального проектирования. Последнее выступает в качестве основы методологии исследования и технологии достижения целей модернизации, конкурентоспособности и устойчивого развития стран-участниц ЕАЭС. Причём, по мнению авторов, социо-культурное измерение является здесь одним из определяющих [3].

В течение второго десятилетия нынешнего века проведён ряд эмпирических исследований в данной предметной области. В этой связи следует выделить 6 волн исследований общественного мнения среди населения государств-членов ЕАЭС, проведённых с 2011 г. Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития. Согласно исследованию, в целом настрой по отношению к интеграции в течение всех замеров является позитивным. Вместе с тем с 2015 г. уровень положительных ориентаций начинает ослабевать [4]. Также были проведены исследования в отдельных странах-участницах ЕАЭС. В частности, обратим внимание на исследование, посвящённое оценке представлений белорусского населения о влиянии интеграционных процессов Беларуси и России на социально-экономическую ситуацию в стране, высоком уровне поддержки вхождения Республики Беларусь в Таможенный союз, Единое экономическое пространство и ЕАЭС [5; 6]. В середине прошлого десятилетия было опубликовано исследование об интеграционных настроениях в Казахстане. Был отмечен высокий уровень информированности населения и поддержка участия страны в Таможенном союзе, ЕАЭС и других интеграционных объединениях [7].

Значительное внимание исследователей уделено вопросам трудовой миграции в ЕАЭС, которая является весомым экономическим фактором, заметно влияющим на социальные, демографические, культурные аспекты жизни населения. Фокус анализа был сосредоточен на изучении механизмов регулирования миграционных потоков, которые нуждаются в постоянном усовершенствовании, поскольку затрагивают большое количество институтов, социаль-

ных групп, политических интересов, что делает их изменчивыми и трудно поддающимися контролю [8; 9]. Недостаточная законодательная и практическая проработка этих потоков порождает законные опасения ряда учёных о демографической, экономической, продовольственной и даже государственной безопасности стран-участниц, особенно тех, на которые приходится основная доля трудовой миграции, ассимиляция которой имеет свои особенности и трудности [10; 11]. Масштабность, многоаспектность, постоянная изменчивость миграционных потоков в странах ЕАЭС порождает закономерный вопрос ряда исследователей, является ли трудовая миграция фактором развития для принимающей страны или фактором риска и приводит к ухудшению условий рынка труда и демографического развития для её собственных граждан [12]. Разобраны в научных исследованиях и прочие возникающие в ходе интеграционных процессов риски [13].

Исследовательские вопросы, методика, эмпирическая база исследования. Цель исследования состояла в изучении отношения российского населения к современному состоянию и перспективам развития интеграционных процессов между странами-участниками Евразийского Экономического Союза. Это предполагает поиск ответов на следующие исследовательские вопросы. В какой мере участники исследования информированы о существовании ЕАЭС? Каким является общий уровень одобрения деятельности ЕАЭС в целом среди респондентов и в отдельных социально-демографических группах? Какое выражение в массовом сознании находят ключевые ценности, которые лежат в основе объединения стран-участниц ЕАЭС? Каковы в представлениях людей актуальные проблемы, которые могут влиять на перспективы интеграционных процессов?

Инструментарий анализа состоял из двух групп показателей и индикаторов, характеризующих различные стороны отношения к деятельности ЕАЭС. В первую группу входили индикаторы, фиксирующие непосредственные характеристики отношения к деятельности союза: информированность, уровень одобрения, степень непосредственного влияния на жизнь респондента, ценностные основания объединения в экономический союз, возможные препятствия на пути развития интеграционных процессов. Вторую группу составляли эмпирические индикаторы, отражающие различные стороны политико-экономической и социально-культурной жизнедеятельности людей, которые так или иначе могут соотноситься с интеграционными ориентациями. К ним относятся: перечень актуальных социальных проблем, которые беспокоят людей в наибольшей степени; оценка респондентами состояния межнациональной напряжённости в регионе их проживания и в России в целом; отношение респондентов к эффективности миграционной политики в стране; представления о роли страны в контексте интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В методике также использовался социально-демографический блок, характеризующий объективные и субъективные параметры жизни респондентов.

Эмпирическая база исследования имеет две составляющие. Во-первых, это результаты исследований, проведённых в 2024 году Отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН в двух регионах РФ: Москве и Белгороде. Отбор респондентов проведён по репрезентативной квотной выборке со связанными территориальными и половозрастными параметрами. Объем выборки в сто-

личном мегаполисе: N = 500 ед.; в Белгороде – N = 501 ед. Метод сбора первичной эмпирической информации – онлайн-опрос. Во-вторых, это результаты исследования, проведённого в 2014 году Центром социологии религии и социокультурных процессов Института социально-политических исследований РАН в Москве [14]. Объем выборки составил N = 747 ед. Отбор респондентов среди населения мегаполиса проводился путём квотной выборки со связанными параметрами: пол, возраст, округа. Метод сбора первичной эмпирической информации – анонимно самозаполняемый опросник. Оба исследования проведены под руководством автора.

Выбор населения Москвы в качестве эмпирического объекта исследования обусловлен следующим обстоятельством. Столица страны зачастую является эпицентром возникновения активности и трансформации социальных процессов в различных сферах: экономических, миграционных, политических, этноконфессиональных и пр. Развитая инфраструктура московского региона и его возможности привлекает население как из регионов РФ, стран СНГ, так и население стран-участниц ЕАЭС, которые имеют значительно больше перспектив развития в мегаполисе. Другим эмпирическим объектом является население Белгорода. Этот регион тяготеет к моноэтничности и моноконфессиональности, «Белгородчина» – традиционно русский регион Российской Федерации. Актуальность данного субъекта РФ для изучения поставленных задач определяется в настоящее время географическим положением территории, имеющей с Украиной границы с юга и запада, что способствует более активным интегративным (миграционно-эмиграционным) процессам в условиях современной политической ситуации.

Общее отношение населения к ЕАЭС. Результаты исследования показали, что в 2024 году большая часть респондентов так или иначе знают о существовании интеграционного союза. Так, большая часть опрошенных информированы о том, что Россия входит в состав Евразийского Экономического Союза. Указали на то, что они «знают» или «что-то слышали об этом» 88% опрошенных в Москве и 76% в Белгороде. Вместе с тем в вопросе об обеспечении информированности о деятельности ЕАЭС существует потенциал. Об этом, в частности, свидетельствует следующее обстоятельство. Среди ведущих причин того, что мешает развитию ЕАЭС, опрошенные выделяли «низкую информированность граждан о деятельности союза» со стороны средств массовой информации. Такую точку зрения разделяли 28% респондентов в Москве и 23% респондентов в Белгороде.

Один из центральных вопросов исследования состоял в определении того, как население оценивает деятельность ЕАЭС (см. табл. 1). В этой связи обратим внимание на несколько моментов. Во-первых, наиболее распространённым отношением к ЕАЭС было «одобрение» или «скорее одобрение» деятельности этого союза. Об этом сообщили около 40% респондентов как Москве, так и в Белгороде. Во-вторых, значительная часть опрошенных затруднились высказать своё отношение к деятельности ЕАЭС (52% в Москве и 47% в Белгороде). По всей видимости, в этом находит своё проявление вопрос о недостаточно полной информированности населения о деятельности ЕАЭС. В-третьих, основываясь на данных о динамике оценок деятельности ЕАЭС за последние десять лет в Москве, правомерно говорить об уменьшении уровня одобрения деятельности этой организации.

Таблица 1

«Одобрите ли Вы деятельность Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС)?»,
% от числа опрошенных

Оценки:	Москва		Белгород
	2014	2024	2024
Да, одобряю	37	11	16
Скорее одобряю	35	29	25
Скорее не одобряю	6	5	8
Нет, не одобряю	4	2	4
Затрудняюсь ответить	18	52	47

Источник: Составлено на основе исследований ИСПИ РАН (2014 г.) и ИДИ ФНИСЦ РАН (2024 г.), проведённых под руководством автора.

Каким является уровень одобрения деятельности ЕАЭС в различных социально-демографических группах опрошенных? Заметим, что здесь речь идёт о тех, кто «одобряет» или «скорее одобряет» деятельность экономического союза. Данные об этом приведены в следующей таблице (см. табл. 2).

Таблица 2

Доли одобряющих деятельность ЕАЭС в социально-демографических группах,
% от числа опрошенных в группе

Социально-демографические группы:		Одобрят деятельность ЕАЭС			
		Москва		Белгород	
		% в группе	Индекс**	% в группе	Индекс
Пол	Мужской	49	123	46	112
	Женский	33	83	37	90
Возраст	18–29 лет	28	70	37	90
	30–49 лет	40	100	45	110
	50 и старше	46	115	37	90
Доход*	1	38	95	32	78
	2	45	113	47	115
	3	38	95	38	93
	Затр. ответить	–	–	37	90

*Группы дохода: 1 – денег достаточно, чтобы ни в чём себе не отказывать; 2 – доступно большинство товаров длительного пользования, кроме автомашины; 3 – денег хватает только на оплату жилья, продукты и одежду или менее этого.

**Индекс фиксирует отношение % одобрения деятельности ЕАЭС в группе к % одобрения деятельности ЕАЭС в массиве в целом, умноженное на 100. Если индекс больше 100, то относительная доля одобрения в группе больше, чем доля одобрения в массиве в целом; если индекс меньше 100, то справедливо обратное.

Источник: Рассчитано автором на основе исследований 2024 г.

Согласно приведённым данным, как в Москве, так и в Белгороде наблюдается несколько больший уровень одобрения ЕАЭС среди мужчин по сравнению с женщинами; больший уровень одобрения ЕАЭС среди лиц со средними доходами. Меньший уровень одобрения деятельности экономического союза наблюдается в возрастной группе «18–29 лет» среди опрошенных в Москве. За-

метим, что статистический анализ данных не показал наличие значимых различий между индикаторами социально-демографического блока и индикатором одобрения ЕАЭС.

Оценки деятельности ЕАЭС и актуальные социальные проблемы. Результаты исследования показывают, что отношение к деятельности ЕАЭС оказывается опосредованным рядом актуальных социальных процессов. Особенно ярко это наблюдается в столичном мегаполисе. В ходе исследования респондентам было предложено ответить на вопрос о том, какие проблемы беспокоят их больше всего в настоящее время. Остановимся на первых десяти позициях в ранжированном ряду ответов москвичей: дороговизна жизни – 57%; СВО – 54%; международная напряжённость – 50%; повышение тарифов на услуги ЖКХ – 40%; неконтролируемый поток мигрантов – 38%; расслоение общества на богатых и бедных – 37%; низкий уровень культуры населения – 37%; ухудшение отношений между людьми разных национальностей – 36%; произвол и бюрократизм чиновников – 35%; дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание – 33%. По нашему мнению, две из них – неконтролируемый поток мигрантов и ухудшение отношений между людьми разных национальностей – могут быть связаны, наряду с некоторыми другими из приведённого ряда вопросов, с проблематикой интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

Существует ли зависимость между уровнем одобрения деятельности ЕАЭС и оценками москвичами эффективности проводимой в городе миграционной политики; оценками состояния межнациональной напряжённости в столичном мегаполисе? Будем учитывать, что здесь фиксация различий в значениях переменных осуществлялась с помощью порядковых шкал. В этой ситуации адекватным способом ответа на поставленный вопрос является однофакторный дисперсионный анализ Краскела-Уоллиса. Была проведена проверка модели влияния двух группирующих переменных: оценки эффективности миграционной политики и оценки состояния межнациональной напряжённости в городе на зависимую переменную – уровень одобрения деятельности ЕАЭС. В таблицах приведены данные о количестве респондентов, принадлежащих каждой из градаций группирующей переменной, и средний ранг анализируемой переменной в каждой из групп. Также в этих таблицах показаны результаты проверки статистической гипотезы о том, что средние ранги в каждой из сравниваемой групп равны между собой. Фактически эта гипотеза эквивалентна предположению об отсутствии влияния группирующей переменной на анализируемую переменную.

В содержательном плане мы видим, что как в первом, так и во втором случаях группирующие переменные обладают уровнем значимости (0,000) применительно к оценкам деятельности ЕАЭС (см. табл. 3, 4). Это даёт основания отвергнуть исходную гипотезу об отсутствии влияния группирующих переменных на зависимую переменную. Данные таблиц позволяют проследить характер этой зависимости. Напомним, что изучаемые переменные имеют определённый порядок. Соответственно, средний ранг одобрения деятельности ЕАЭС оказался низким в группах с негативными оценками эффективности текущей миграционной политики; а также среди тех, кто негативно оценивал состояние межнациональных отношений в Москве. Обратной ситуация оказывается в группах тех, кто положительно оценивает текущую миграционную политику и положительно оценивает состояние межнациональных отношений. Здесь уровень одобрения деятельности ЕАЭС является более высоким (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

Проверка модели связи оценки эффективности проводимой миграционной политики с одобрением деятельности ЕАЭС

Группирующая переменная – оценка эффективности миграционной политики		N	Средний ранг	Статистики теста	
Одобрение деятельности ЕАЭС	Отрицательная	324	249	Хи-квадрат	22,506
	Нейтральная	98	209	Значимость	,000
	Положительная	76	302		

Источник: Рассчитано автором на основе исследований 2024 г.

Таблица 4

Проверка модели связи оценки состояния межнациональных отношений в городе с одобрением деятельности ЕАЭС

Группирующая переменная – оценка межнациональной напряжённости в Москве		N	Средний ранг	Статистики теста	
Одобрение деятельности ЕАЭС	Межнациональные отношения стабильны (без напряжённости)	71	260	Хи-квадрат	18,147
	Имеется межнациональная напряжённость	213	195	Значимость	,000
	Налицо сильная межнациональная напряжённость, возможны конфликты	141	216		

Источник: Рассчитано автором на основе исследований 2024 г.

В связи с приведёнными данными будем иметь в виду достаточно высокий уровень межнациональной напряжённости мегаполиса. Во многом это связано с разнообразным миграционным фоном, который интенсивно развивается в противоположных направлениях: миграция/возвратная миграция/эмиграция. Идёт интенсификация притока переселенцев и одновременное сокращение численности коренного населения. Изменение национального состава за счёт не столько легальных, сколько по большей части нелегальных мигрантов неизбежно привело к утрате интернациональных и толерантных отношений со стороны коренных жителей мегаполиса. Экспертные оценки миграционного фона указывают, что более половины всех иммигрантов приходится на Центральный федеральный округ (68%) [15, с. 212]. Причём демографическая проблема с увеличением удельного веса нерусского населения в московском регионе выходит в разряд наиболее актуальных.

Согласно исследованию 2024 г., для москвичей характерным является высокий уровень негативных оценок притока мигрантов в мегаполис. Представления в этой области обусловлены тем, что вследствие увеличения интенсивности неуправляемых миграционных потоков ухудшается весь спектр жизнедеятельности населения. Приведём далее цифры согласия респондентов (полного и частичного) со следующими оценками социальных следствий притока мигрантов:

- меняют демографическую структуру столицы (91%);
- увеличивают нагрузку на медицинские, образовательные, социальные, культурные учреждения (80%);
- ухудшают криминальную ситуацию в Москве (81%);

- создают конкуренцию на рынке труда, вытесняют коренных жителей с рабочих мест, снижают уровень зарплат и пр. (68%);
- увеличивают поток людей на транспорте (80%);
- вносят напряжённость в межнациональные отношения (неуважительное отношение мигрантов к нормам, традициям российской культуры (74%).

В таких условиях столица продолжает оставаться одним из «лидеров» межнациональной напряжённости в сравнении с другими субъектами РФ. Общий уровень межнациональной напряжённости складывается из двух индикаторов: «имеется определённая межнациональная напряжённость» и «налицо межнациональная напряжённость, возможны конфликты». К 2024 году величина показателя составила 74% (см. табл. 5). В этой связи обратим внимание, что социолог-демограф Г. И. Осадчая ещё в 2017 году писала: «Именно в этом контексте необходимо рассматривать некоторые индикаторы и показатели социологического опроса, накладывающие «отпечаток» на оценку коренными национальностями или трудовым «резервом» Москвы некоторых характеристик интеграции, связанных с миграционными процессами [16].

Таблица 5

Динамика уровня межнациональной напряжённости в Москве в оценках населения (2014–2024 гг.), % от числа опрошенных

Уровень межнациональной напряжённости:	2014	2015	2016	2017	2018	2021	2024
Межнациональные отношения стабильны	15	10	18	18	16	18	15
Имеется определённая межнациональная напряжённость	44	53	49	50	59	56	44
Налицо межнациональная напряжённость, возможны конфликты	36	34	30	28	19	19	30
Затруднились ответить	6	3	4	5	7	7	11

Источник: Составлено на основе исследований ИСПИ РАН (с 2019 года – ИСПИ ФНИСЦ РАН) (2014–2021 гг.) и ИДИ ФНИСЦ РАН (2024 г.).

Ценностные основания интеграции, препятствия для развития экономического союза. В ходе исследования 2024 г. было проанализировано отношение граждан к различным факторам, направленным на интеграцию в Евразийский Экономический Союз. Один из показателей отражал составляющую ценностного каркаса, лежащего в основании интеграционных процессов (см. табл. 6).

Показательно, что рейтинг ценностных установок населения столицы полностью совпадает с первой по шестую позиции населения в белгородском регионе¹: 1 место – «Повышение благосостояние населения каждой из стран-членов ЕАЭС»; 2 место – «Обеспечение коллективной безопасности ЕАЭС»; 3 место – «Обеспечение прав человека в ЕАЭС»; 4 место – «Поддержание благоприятной среды межнационального взаимодействия стран-членов ЕАЭС»; 5 место – «Достижение продуктивной занятости, свободное перемещение граждан и функционирование общего рынка труда ЕАЭС»; 6 место – «Формирование общего образовательного и культурного пространства ЕАЭС». Значимым моментом является и то, что треть респондентов Москвы также отметили тезис: «Социальная справедливость для граждан стран-членов ЕАЭС».

¹ Отметим, что удельный вес отметивших данные позиции в мегаполисе несколько выше, чем в белгородской области, но по рейтингу факторов совпадают.

Таблица 6

«Какие ценностные установки лежат в основе интеграции в ЕАЭС в первую очередь?», % от числа опрошенных

Ценностные установки:	Москва 2024	Белгород 2024
Повышение благосостояние населения каждой из стран-членов ЕАЭС	63	45
Обеспечение прав человека в ЕАЭС	36	26
Обеспечение коллективной безопасности ЕАЭС	49	36
Достижение продуктивной занятости, свободное перемещение граждан и функционирование общего рынка труда ЕАЭС	25	21
Прозрачные отношения собственности для граждан стран-членов ЕАЭС	23	14
Формирование общего образовательного и культурного пространства ЕАЭС	23	17
Поддержание благоприятной среды межнационального взаимодействия стран-членов ЕАЭС	35	23
Поддержание благоприятной среды межконфессионального взаимодействия стран-членов ЕАЭС	21	12
Создание единого миграционного пространства	12	6
Обеспечение благоприятной экологической среды в странах ЕАЭС	22	13
Социальная справедливость для граждан стран-членов ЕАЭС	31	14
Приоритет общественных интересов над личными интересами	13	6
Затрудняюсь ответить	24	22

Источник: Рассчитано автором на основе исследований 2024 г.

Будем также учитывать, что наряду с упомянутыми выше прикладными факторами политико-экономического и социального характера, важными с точки зрения укрепления процессов интеграции являются ценностные измерения более общего плана. Данные об этом показаны в таблице 7.

Таблица 7

«Какие, по Вашему мнению, факторы могут поспособствовать успешному объединению стран в Евразийский Экономический Союз?», % от числа опрошенных

Факторы:	Москва		Белгородская область
	2014	2024	2024
Общая историческая судьба	42	28	29
Единые ценности и моральные нормы	37	11	26
Экономическая взаимосвязанность регионов и стран	53	53	53
Единое географическое пространство	38	27	31
Желание быть конкурентоспособным на мировой арене	37	31	27

Источник: Составлено на основе исследований ИСПИ РАН (2014 г.) и ИДИ ФНИСЦ РАН (2024 г.).

Приведённые данные говорят о том, что респонденты рассматривают интеграцию как комплексный феномен, приоритеты которого определяются одновременно значимостью экономических взаимосвязей, общей истории и моральных норм, единства географического расположения стран, общим стремлением к конкурентоспособности.

Оценивая поддержку российским населением идеи интеграции стран в Евразийский Экономический Союз, следует учитывать исторический факт разъединения СССР на несколько независимых друг от друга стран. Референдум, проведённый среди населения Советского Союза, показал, что общественное мнение не поддержало распад государства. Для большинства народов России – это одно из самых трагических событий в истории государственной системы. Понимание необходимости создания системы социально-экономических связей между разъединёнными республиками СССР привело к образованию Союза Независимых Государств (СНГ), а затем к Таможенному Союзу и, в итоге, к созданию ЕАЭС. Поэтому в 2014 году на вопрос: «Поддерживаете ли Вы идею создания на постсоветском пространстве Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС)?», большинство респондентов – 88% – ответило положительно (46% «да, одобряю» + 42% «скорее одобряю»).

10 лет – довольно большой отрезок времени, который, по всей видимости, изменил отношение граждан к созданию и развитию ЕАЭС. Показательным является факт изменения отношения населения к факторам, способствующим успешному объединению стран в Евразийский Экономический Союз: «общая историческая судьба» и «единые ценности и моральные нормы». В общественном мнении рейтинг этих духовно-нравственных ценностей как факторов объединения сейчас оказывается значительно ниже по сравнению с началом объединения стран-членов экономического союза.

Приведённые выше данные и расчёты позволяют утверждать, что это может быть связано с повышением уровня межнациональной напряжённости из-за неблагоприятной миграционной обстановки. В большей степени это относится к московскому региону. В Белгороде уровень межнациональной напряжённости на 25 процентных пунктов ниже столичного мегаполиса (55%). Тем не менее из респондентов, ответивших на вопрос: «Есть ли национальности, к которым Вы испытываете неприязнь? Если «да», то к каким именно?», практически половина и в Белгородчине, и в Москве отметили национальности Среднеазиатского региона (51% и 48% соответственно), многие из которых являются гражданами государств-членов ЕАЭС. По всей видимости, это может определять низкую оценку российским населением возможности интеграции в ЕАЭС на основе единого миграционного пространства.

Важным моментом в оценках интеграционных процессов является то, в какой мере их результаты люди ощущают непосредственно в ходе своей жизнедеятельности. Для определения этого респонденты оценили изменения в собственной жизни в связи с появлением ЕАЭС. Данные об этом приведены в таблице (см. табл. 8).

На период 2014 г. – в начале создания экономического союза – москвичи в своём большинстве (57%) ожидали, что деятельность ЕАЭС приведёт к положительным изменениям в их жизни. К 2024 году положительные ожидания жителей столицы существенно уменьшились, только 19% опрошенных в этом регионе заявили о положительных изменениях в их жизни в результате интеграции. Среди респондентов на Белгородчине 34% указали, что в их жизни произошли позитивные перемены из-за вхождения государства в ЕАЭС.

Таблица 8

«Как Вы считаете, приведёт ли (привело ли) создание Евразийского Экономического Союза к позитивным изменениям в Вашей жизни?», % от числа опрошенных

Оценки:	Москва		Белгородская область
	2014	2024	2024
Да	15	1	8
Скорее да, чем нет	42	19	26
Скорее нет, чем да	15	10	25
Нет	10	14	13
Затрудняюсь ответить	18	55	31

Источник: Составлено на основе исследований ИСПИ РАН (2014 г.) и ИДИ ФНИСЦ РАН (2024 г.).

Исследование 2024 года выявило основные препятствия развитию интеграционных процессов в Евразийском Экономическом Союзе с точки зрения населения. Респонденты в первую очередь указали на национальные элиты, преследующие свои интересы (37% в Москве и 30% в Белгородской области). Стоит задуматься при анализе проблем интеграции и о том, что значительное число опрошенных в регионах РФ считают, что отсутствует единство целей интеграции в государствах ЕАЭС (36% в Москве и 26% респондентов в Белгородской области). Около четверти опрошенных в регионах вообще считают, что существует политическая, культурная, экономическая разобщённость стран-участниц ЕАЭС. Подобные позиции населения формируются через целую систему факторов: массовую неуправляемую миграцию, социокультурные противоречия, этноконфессиональное взаимодействие, иногда приводящее к развитию конфликтов на почве национальной исключительности и т.п. И, конечно, нельзя забывать воздействие средств массовой информации. Так называемая «четвертая власть» несёт значительную нагрузку в формировании мировоззренческих представлений, взглядов и позиций в вопросах интеграции государств в ЕАЭС. На вопрос «Считаете ли Вы, что события и процессы, происходящие в государствах-участниках евразийской интеграции, освещаются российскими СМИ объективно и в полном объёме?» ответили утвердительно только 13% в 2014 году и 8% москвичей в 2024 году. Всего до 35% респондентов в мегаполисе получают информацию о развитии ЕАЭС в той или иной степени. Треть москвичей и 35% белгородцев отметили низкую информированность о деятельности ЕАЭС.

Заключение. Анализ проблем и перспектив интеграционных процессов десятилетнего существования ЕАЭС методами социологических исследований показал, что граждане стран Евразийского Экономического Союза недостаточно информированы о деятельности и реализации идеи реинтеграции постсоветского пространства. Практика показала, что ЕАЭС обладает гораздо большим интеграционным потенциалом, чем все созданные до него союзы и организации (СНГ, ЕЭП, ЕвразЭС, Таможенный союз). Евразийский Экономический Союз приложил значительные усилия для:

- стабильного развития национальных экономик стран-участниц объединения;
- создания единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов;
- содействию всесторонней модернизации;
- повышения конкурентоспособности национальных экономик.

Главная цель ЕАЭС – повышение жизненного уровня населения через дальнейшее развитие экономик государств-участников интеграции. Тем не менее существуют проблемы в реализации эффективности интеграционного взаимодействия и целей устойчивого развития, в работе «Трудности экономической интеграции государств-членов ЕАЭС и возможности их преодоления» подробно анализируются интеграционные проблемы союза [16].

Задачи нашего социологического поиска предполагали выявить причины роста пессимистических оценок перспектив интеграции ЕАЭС гражданами стран, входящих в это объединение. Предложенная система показателей оценки населением эффективности миграционно-интеграционных процессов стран ЕАЭС показала:

- отсутствие снижения высокого уровня межнациональной напряжённости мегаполиса (74%), что во многом это связано с миграционным фоном, который интенсивно развивается в противоположных направлениях: миграция/возвратная миграция/эмиграция. Изменение национального состава за счёт по большей части нелегальных мигрантов привело к утрате интернациональных и толерантных отношений со стороны коренных жителей мегаполиса. Показатель высшей степени межнациональной напряжённости вырос на 10% за последние три года, 30% респондентов предполагают возможность близких конфликтов. Вполне закономерно на этом фоне падение рейтинга факторов, способствующих успешному объединению стран в ЕАЭС: «общая историческая судьба» и «единые ценности и моральные нормы». Несмотря на то, что уровень межнациональной напряжённости в Белгородской области на 25 п.п. ниже показателя столичного мегаполиса (55%), на вопрос о наличии национальностей, к которым респондент испытывает неприязнь, половина ответивших и в Белгородчине, и в Москве отметили национальности Среднеазиатского региона (51% и 48% соответственно), многие из которых являются гражданами государств-членов ЕАЭС. Также эмпирические данные фиксируют низкую оценку населением России возможности интеграции в ЕАЭС на основе единого миграционного пространства (не более 6–11% в изучаемых субъектах РФ).
- решение экономических проблем общества и государства – первый в рейтинге факторов, которые необходимы для успешного объединения. Фактор интеграции «экономическая взаимосвязанность регионов и стран» не изменился за 10 лет (53% всех опрошенных и в Москве (2014 г., 2024 г.), и в Белгородской области;
- второе и третье место в факторном анализе объединения поделили позиции «единое географическое пространство» и «желание быть конкурентоспособным на мировой арене» (27%–31%);
- рейтинг ценностных установок граждан, направленных на интеграцию, полностью совпадает с первой по шестую позиции в регионах РФ: «повышение благосостояние населения каждой из стран-членов ЕАЭС», «обеспечение коллективной безопасности ЕАЭС», «обеспечение прав человека в ЕАЭС»; «поддержание благоприятной среды межнационального взаимодействия стран-членов ЕАЭС», «достижение продуктивной занятости, свободное перемещение граждан и функционирование общего рынка труда ЕАЭС», «формирование общего образовательного и культурного пространства ЕАЭС».

По результатам опроса можно выделить основные препятствия интеграционного процесса: национальные элиты, преследующие свои интересы (37% в Москве и 30% опрошенных в Белгородской области); отсутствие единства целей интеграции в государствах ЕАЭС (36% в Москве и 26% в Белгородской области); политическая, культурная, экономическая разобщённость стран-участниц ЕАЭС (четверть опрошенных в регионах РФ).

В своём большинстве (69%) в начале создания ЕАЭС москвичи ожидали, что в их жизни произойдут положительные сдвиги, 18% из них в этом не сомневались. К 2024 году положительные ожидания граждан от интеграции свелись к минимуму. Так, только 1% в Москве и 8% опрошенных в Белгородчине ответили, что в их жизни произошли позитивные перемены из-за вхождения государства в ЕАЭС. В общем зачёте в 2024 году в столице 20% респондентов и 33% в Белгородской области ответили, что, возможно, произошли позитивные изменения в их жизни.

Не удивляет, что полная поддержка москвичами идеи создания ЕАЭС с 2014 года снизилась в четыре раза к 2024 году: с 46% до 11%. В Белгородчине полное одобрение идеи создания Евразийского экономического Союза составило 16%. В разной степени поддержали создание ЕАЭС в 2024 году 40% москвичей и 41% белгородцев.

Таким образом, во-первых, недостаточная информированность населения развитием ЕАЭС приводит к несовпадению их позиции и оценок с реальным развитием процесса интеграции Евразийского Экономического Союза. Во-вторых, значительное снижение ожиданий населения от эффективности вхождения России в ЕАЭС зависит и от роста межнациональной напряжённости между представителями стран, входящих в это объединение, в условиях непродуманной миграционной политики.

Следовательно, можно говорить о провальной миграционной и информационной политике в деятельности Евразийского Экономического Союза. Попытки исправить положение со стороны государственных деятелей и научного сообщества предпринимаются, в частности интересные предложения опубликованы в материале «Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные аспекты». В работе проведён анализ моделей интеграции мигрантов в рамках государственной миграционной политики; определены организационные мероприятия для органов государственной власти и местного самоуправления (МСУ) по формированию адекватной модели интеграции мигрантов [17]. В Государственную думу РФ внесён пакет из пяти законопроектов, которые предлагают изменения в миграционной сфере – от ужесточения наказания за организацию незаконной миграции, подделку документов, фиктивную регистрацию до запрета посредникам участвовать в приёме экзаменов на знание русского языка. Авторами выступили более 350 депутатов².

Социологический поиск доказывает, что анализ оценок населением интеграционных процессов в рамках ЕАЭС может способствовать в какой-то степени реализации целей устойчивого развития (например, более эффективного функционировании услуг и рабочих ресурсов).

² Лисицына М. В Думу внесли пять законопроектов о миграции. Планируется повысить штраф за фиктивную регистрацию до Р60 млн, а также ужесточить приём экзаменов // РБК. 02.10.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/10/2024/66fbc0c29a79475eb6ca2935> (дата обращения: 30.10.2024).

Библиографический список

1. *Осадчая Г. И.* Социальная база интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 4. С. 639–650. DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-4-639-650](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-639-650). EDN [VFPAJK](https://www.edn.ru/EDN_VFPAJK).
2. *Осадчая Г. И.* Евразийская интеграция: принципы, идеология, практика // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 1. С. 31–43. EDN [ITUGXO](https://www.edn.ru/EDN_ITUGXO).
3. *Андреев Э. М.* Социальное проектирование – как основа методологии исследования и технологии реализации процессов евразийской интеграции // Проект «Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции». Вып. 4. М.: Экон-Информ, 2019. С. 61–64. EDN [SXYLLE](https://www.edn.ru/EDN_SXYLLE).
4. *Вартанова М. Л.* Мониторинг экономических показателей интеграционных процессов стран Евразийского экономического союза // Экономические отношения. 2019. Т. 9, № 2. С. 759–770. DOI [10.18334/eo.9.2.40727](https://doi.org/10.18334/eo.9.2.40727). EDN [XCIWLB](https://www.edn.ru/EDN_XCIWLB).
5. *Сечко Н. Н.* Интеграционные процессы Беларуси и России: общественное мнение // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 82–89. EDN [YMAFCL](https://www.edn.ru/EDN_YMAFCL).
6. *Коршунов Г. П.* Участие Республики Беларусь в интеграционных процессах: перспективы и установки общественного мнения (по данным мониторинга Института социологии НАН Беларуси) // Наука. Культура. Общество. 2019. № 2. С. 5–8. EDN [TUWCJX](https://www.edn.ru/EDN_TUWCJX).
7. *Садвокасова А. К.* Отношение населения Казахстана к интеграционным проектам // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 3(28). С. 5–12. EDN [UHLLBT](https://www.edn.ru/EDN_UHLLBT).
8. *Полунина А. В.* Государственные органы государств-членов ЕАЭС в сфере миграции: понятие и основные направления деятельности // Социология и право. 2020. № 4(50). С. 107–112. DOI [10.35854/2219-6242-2020-4-107-112](https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-4-107-112). EDN [TPBBRW](https://www.edn.ru/EDN_TPBBRW).
9. *Леденева В. Ю.* Управление миграционными процессами в странах Евразийского экономического союза: сравнительный анализ // Демис. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 154–166. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.10). EDN [ULAOFW](https://www.edn.ru/EDN_ULAOFW).
10. *Зенкина Е. В., Сопилко Н. Ю., Чавыкина М. А.* Безопасность интеграционного объединения: роль человеческих ресурсов ЕАЭС // Международный научный журнал. 2023. № 2(89). С. 33–47. DOI [10.34286/1995-4638-2023-89-2-33-47](https://doi.org/10.34286/1995-4638-2023-89-2-33-47). EDN [IYTSNV](https://www.edn.ru/EDN_IYTSNV).
11. *Волкова О. А.* Потенциал общественных организаций стран ЕАЭС как субъектов обеспечения демографической безопасности (на примере миграции) // Труд и социальные отношения. 2024. Т. 35, № 3. С. 142–151. DOI [10.20410/2073-7815-2024-35-3-142-151](https://doi.org/10.20410/2073-7815-2024-35-3-142-151). EDN [ACIRET](https://www.edn.ru/EDN_ACIRET).
12. *Золотарева О. А.* Миграция в ЕАЭС: фактор социально-экономического развития или угроза национальной безопасности России? // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник. Материалы XIX Национальной научн. конф. (Москва, 18–19 декабря 2019). Вып. 15. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 611–616. EDN [XSSLOF](https://www.edn.ru/EDN_XSSLOF).
13. *Селезнев И. А.* О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 164–176. DOI [10.34823/SGZ.2020.5.51488](https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.5.51488). EDN [MQMARG](https://www.edn.ru/EDN_MQMARG).
14. *Кублицкая Е. А.* Москвичи о перспективах евразийской интеграции (по результатам социологического исследования) // Проект «Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции». Вып. 4. М.: Экон-Информ, 2019. С. 126–131. EDN [BDSLUF](https://www.edn.ru/EDN_BDSLUF).
15. *Осадчая Г. И.* Формирование единого рынка труда евразийского экономического союза как условие успешности интеграционных процессов в ЕАЭС // Архонт. 2017. № 1(4). С. 27–31. EDN [ZXOFYD](https://www.edn.ru/EDN_ZXOFYD).
16. *Осадчая Г. И., Вартанова М. Л.* Трудности экономической интеграции государств-членов ЕАЭС и возможности их преодоления // Экономические отношения. 2018. Т. 8, № 4. С. 617–628. DOI [10.18334/eo.8.4.39323](https://doi.org/10.18334/eo.8.4.39323). EDN [YOUWLZ](https://www.edn.ru/EDN_YOUWLZ).
17. *Осадчая Г. И., Леденева В. Ю., Юдина Т. Н.* Политика интеграции в отношении зарубежных мигрантов: институциональные аспекты // Вопросы управления. 2024. № 3(88). С. 69–80. DOI [10.22394/2304-3369-2024-3-69-80](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-69-80). EDN [TJVNRM](https://www.edn.ru/EDN_TJVNRM).

Поступила: 11.10.2024. Доработана: 06.11.2024. Принята: 27.11.2024.

Сведения об авторе:

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

eakubl@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 73707; ORCID: 0000-0001-9685-2213

E. A. Kublitskaya¹

¹ IDR FCTAS RAS. Moscow, Russia

THE INTEGRATION PROCESSES OF THE EAEU IN THE ASSESSMENTS OF RUSSIAN CITIZENS

Abstract. The paper examined the state and dynamics of the ideas of Russian citizens about the activities of the Eurasian Economic Union. Based on the system of indicators and empirical indicators, an analysis of the attitude to the components and results of integration processes was carried out; the relationship of assessments of the EAEU activities with ideas about current social processes in the country was studied. The project is based on comparative representative studies carried out using a single methodology in Moscow and Belgorod over the past decade. It was recorded that in the studied regions the level of approval of the EAEU continues to be quite high (40% in Moscow and 41% in Belgorod). At the same time, the data obtained reflect the fact of a noticeable drop in the level of approval by respondents of the activities of the economic union over the past decade. The results of the study also allow us to talk about the presence of gaps in informing citizens about the essence of integration processes within the EAEU. According to the results, respondents identify several key reasons that impede the intensification of integration processes: national elites pursuing their interests (37% and 30% in Moscow and Belgorod, respectively); lack of unity of integration goals in the EAEU states (36% in Moscow, 26% in Belgorod); political, cultural, economic disunity of the EAEU member states (a quarter of those surveyed in the studied regions of the Russian Federation). It was revealed that certain social processes in the country are negatively related to the level of approval of the EAEU activities. Thus, statistically significant empirical relationships were recorded when respondents interpreted interethnic relations in the region as tense; a negative assessment of the effectiveness of the migration policy of the authorities suggests a lower level of approval of the EAEU.

Keywords: Eurasian Economic Union, EAEU, integration processes, interethnic tensions, migration, EAEU citizens, values of integration, mass consciousness

For citation: Kublitskaya E. A. The integration processes of the EAEU in the assessments of Russian citizens. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):96–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.7>

References

1. Osadchaya G. I The support base of integration processes in the Eurasian Economic Union. *RUDN Journal of Sociology*. 2019;19(4):639–650. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-4-639-650](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-639-650).
2. Osadchaya G. I. Eurasian integration: principles, ideology, practice. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;(1):31–43. (In Russ.).
3. Andreev E. M. Social design as the basis of research methodology and technology for the implementation of the processes of Eurasian integration. In: Project “Socio-political dimension of the implementation of the processes of Eurasian integration”. Issue 4. Moscow: Econ-Inform; 2019. P. 61–64. (In Russ.).
4. Vartanova M. L. Monitoring of economic indicators of integration processes of the countries of the Eurasian Economic Union. *Journal of International Economic Affairs*. 2019;9(2):759–770. (In Russ.). DOI [10.18334/eo.9.2.40727](https://doi.org/10.18334/eo.9.2.40727).
5. Sechko N. N. Integration processes in Belarus and Russia: public opinion. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2017;(8):82–89. (In Russ.).

6. Korshunov G. P. Participation of the republic of Belarus in integration processes: perspectives and attitudes of public opinion (according to monitoring of Institute of Sociology of NAS of Belarus). *Science. Culture. Society*. 2019;25(2):5–8. (In Russ.).
7. Sadvokasova A. K. Popular perception of integration projects in Kazakhstan. *Journal of Eurasian Economic Integration*. 2015;(3):5–12. (In Russ.).
8. Polunina A. V. State bodies of the EAEU member states in the field of migration: concept and main directions of activity. *Sociology and Law*. 2020;(4):107–112. (In Russ.). DOI [10.35854/2219-6242-2020-4-107-112](https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-4-107-112).
9. Ledeneva V. Y. Migration management in the countries of the Eurasian Economic Union: a comparative analysis. *Demis. Demographic Research*. 2024;4(3):154–166. (In Russ.). DOI [10.19181/demis.2024.4.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.10).
10. Zenkina E. V., Sopilko N. Yu., Chavykina M. A. Security of the integration association: the role of the EAEU human resources. *International Scientific Journal*. 2023;(2):33–47. (In Russ.). DOI [10.34286/1995-4638-2023-89-2-33-47](https://doi.org/10.34286/1995-4638-2023-89-2-33-47).
11. Volkova O. A. The potential of public organizations of the EAEU countries as subjects of ensuring demographic security (by way of example of migration). *Labour and Social Relations Journal*. 2024;35(3):142–151. (In Russ.). DOI [10.20410/2073-7815-2024-35-3-142-151](https://doi.org/10.20410/2073-7815-2024-35-3-142-151).
12. Zolotareva O. A. Migration in the EAEU: a factor of socio-economic development or a threat to national security of Russia? In: Russia: tendencies and perspectives of development. Yearbook. Proceed. of the XIX National Scientific Conference. Moscow: INION RAN; 2020. P. 611–616. (In Russ.).
13. Seleznev I. A. On the first results of the Eurasian integration, achievements and risks of the Eurasian Economic Union. *Social and humanitarian knowledge*. 2020;(6):164–176. (In Russ.).
14. Kublitskaya E. A. Muscovites about the prospects of Eurasian integration (based on the results of sociological research). In: Project “Socio-political dimension of the implementation of the processes of Eurasian integration”. Issue 4. Moscow: Econ-Inform; 2019. P. 126–131. (In Russ.).
15. Osadchaya G. I. The formation of a common labor market of the Eurasian Economic Union as a condition for the success of integration processes within the EAEU. *Arhont* 2017;(1):27–31. (In Russ.).
16. Osadchaya G. I., Vartanova M. L. Difficulties of economic integration of the member states of the EAEU and the ways to overcome them. *Journal of International Economic Affairs*. 2018;8(4):617–628. (In Russ.). DOI [10.18334/eo.8.4.39323](https://doi.org/10.18334/eo.8.4.39323).
17. Osadchaya G. I., Ledeneva V. Y., Yudina T. N. Integration policy regarding foreign migrants: institutional aspects. *Management Issues*. 2024;(3):69–80. (In Russ.). DOI [10.22394/2304-3369-2024-3-69-80](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-69-80).

Received: 11.10.2024. Corrected: 06.11.2024. Accepted: 27.11.2024.

Information about the author:

Elena A. Kublitskaya, PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia. ekubl@yandex.ru
ORCID: [0000-0001-9685-2213](https://orcid.org/0000-0001-9685-2213)

ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.8)
EDN EIFNDP
УДК 316.7+316.61

Ю. А. Зубок¹, Н. А. Селиверстова¹
¹ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УСТАНОВКИ В САМОРЕГУЛЯЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЁЖИ О БУДУЩЕМ

Аннотация. Статья содержит результаты третьего этапа исследования, раскрывающего устойчивость и дифференцирующее действие габитусов (ментальных и современных черт национального характера, жизненных позиций) и миграционных установок в определении молодёжью целей, значимых для будущего страны. На основе сравнительного анализа двумерных распределений с применением статистики χ^2 выявлено, что устойчивость проявили как габитусы, восходящие к ментальным чертам (любовь к отечеству, милосердие и сострадание, любовь к ближнему), традиционные жизненные позиции (коллективизм и бескорыстие), так и габитусы, генетически связанные с современными чертами национального характера (стремление отстаивать права человека, открытость ко всему иностранному) и активная жизненная позиция. Габитусы с традиционным ценностным основанием резко разделяют выраженных носителей установки и отрицающих её наличие в их выборе целей. Традиционные установки, чаще чем современные, становятся основой конструирования более определённой субъективной реальности будущего. Наиболее явно дифференцирующее действие зафиксировано в связях установки на любовь к отечеству и общественной значимости крепкой семьи для будущего страны; любви к ближнему, милосердия и сострадания, чести, достоинства, бескорыстия и доступного квалифицированного здравоохранения. Смысловое наполнение этих установок конвертируется в заботу о ближних и сопереживание дальним, преимущественно касается удовлетворения витальных потребностей здоровья и жизни. К ним примыкает и современная установка на отстаивание прав человека в отношении комфортного жизненного пространства как параметра образа будущего. Наименьшую устойчивость в регулировании представлений о целях будущего страны проявили традиционная установка на подозрительность к иностранцам и современные установки на отношение к стране как к месту проживания, демонстративную жалостливость, рациональное, прагматичное отношение к окружающим и индивидуализм. В этом случае регулирующим действием обладают несформированные установки, что и объясняет их неустойчивость. Для установок молодёжи на эмиграцию по сравнению с установками на осёдлость и внутреннюю миграцию, характерна девальвация ключевых общественно значимых целей-ценностей (крепкой семьи, труда, образования), но большая поддержка активного гражданского общества как наиболее полного выражения агентности, возможности реального влияния на политический процесс и принятие управленческих решений.

Ключевые слова: молодёжь, социокультурные установки, габитусы, представления о будущем

Для цитирования: Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Социокультурные установки в саморегуляции представлений молодёжи о будущем // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 112–133. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.8). EDN EIFNDP.

Мы продолжаем исследовать представления молодёжи о будущем и их связь с более широкими пластами социальной реальности и социокультурной саморегуляцией жизнедеятельности. В первых двух статьях, опубликованных на страницах этого журнала, показана связь представлений молодёжи о будущем страны с социально-демографическими характеристиками, субъективной оценкой жиз-

ни и эмоциональным состоянием молодых людей [1], с типами базовой культуры и субкультуры, наполняющими культурное пространство молодёжи, и наиболее точно передающими её поколенческие особенности [2]. Цель этой статьи – выявление устойчивости и дифференцирующего действия социокультурных установок в оценке молодёжью важности целей, значимых для будущего страны.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологическим основанием анализа социокультурных установок как регуляторов оценки важности целей для будущего страны выступает концепция саморегуляции жизнедеятельности молодёжи, разрабатываемая в Центре социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН [3; 4; 5]. Положение о социокультурном механизме саморегуляции как связи элементов бессознательного (архетипов, ментальных и современных черт национального характера, стереотипов, габитусов) и осознанного (потребностей, мотивов, смыслов), уточним тезисом о том, что социокультурные установки представляют собой группу компонентов, включающую как осознанные готовности к действию, так и «опривыченные», неосознанные, но с потенциалом осознания для субъекта. Теоретическое обоснование исследования аттитюдов как осознанных элементов, связанных с ценностями, представлено У. Томасом и Ф. Знанецким в методологическом введении к первому тому их произведения «Польский крестьянин в Европе и Америке» [6]. В тексте зафиксировано несколько трактовок понятия «аттитюд», характеризующихся недостаточной определённой: «<...> процесс индивидуального сознания, определяющий реальную или возможную активность индивида в социальном мире», «<...> установка – это индивидуальный аналог социальной ценности, деятельность, в какой бы форме она ни проявлялась, является связующим звеном между ними. Своей обращённостью к деятельности и тем самым к индивидуальному сознанию ценность отличается от естественной вещи. Своей отнесенностью к деятельности и тем самым к социальному миру установка отличается от психического состояния», [6, р. 21–23]. Критический дискурс в отношении пары «ценность – установка», введённой У. Томасом и Ф. Знанецким, обширен. Ограничимся теоретическими аспектами, важными для предпринятого анализа. Действительно, в некоторых случаях предрасположенность к действию подменяется потребностью [7]. В то время как потребность является пусковым механизмом для формирования установки, что подчёркивал Д. Узнадзе, для которого было важно взаимодействие потребности индивида и социокультурной среды, воздействующей на него [8]. Согласимся с Е. Рождественской и В. Семеновой в том, что «В современных терминах Томас и Знанецкий объясняли связь между структурой и агентностью, которая тесно связана с проблемой микро-макро. Установка увязана с агентностью, а ценность ассоциирована со структурой» [9, с. 277]. Ценность как структурный элемент наполняет смыслом жизнедеятельность индивида, группы. Установка же связана с интересом как способом проявления потребностей, их реализации. Считается, что У. Томас и Ф. Знанецкий не описали механизм формирования установки [7]. По нашему мнению, классики представили механизм в описании связей между установками и ценностями как многомерных. В их теории установка имеет множественные ценностные основания, то есть различные конфигурации ценностей, в свою очередь, отдельная ценность является частью основания конкретных установок в разных сферах жизнедеятельности. Этот вывод подтверждается следующим

фрагментом текста: «Каждому attitude соответствует множество ценностей и множество установок, соответствующих каждой ценности; если мы сравним различные действия с точки зрения проявляющихся в них установок и сформируем, например, общее понятие, общую концепцию установки на солидарность, это означает, что мы пренебрегаем всем многообразием ценностей, которые порождаются этими действиями и которые могут быть политическими или экономическими, религиозными или научными и т.д. Если же, напротив, мы сравниваем ценности, порождаемые различными действиями, и сформируем, например, общие понятия экономических или религиозных ценностей, то это означает, что мы пренебрегаем всем разнообразием установок, которые проявляются в этих действиях» [6, р. 24]. В. А. Ядов, опираясь на диспозиционную концепцию саморегуляции социального поведения личности и анализ эмпирических данных, обосновал механизм иерархичной системы диспозиций: «верхний, максимально обобщённый уровень ценностных ориентаций выполняет функцию управления или координации в отношении нижележащего уровня обобщённых социальных установок, а последние играют ту же роль в отношении ситуативных социальных установок, но не наоборот» [10, с. 88].

Рассмотрим основные свойства социокультурных установок. Это относительность, устойчивость и изменчивость. Относительность не нуждается в дополнительной аргументации, учитывая генезис установки. По Г. Келмэну, устойчивость обусловлена процессами подчинения, идентификации и интернализации. П. Шихирев в связи с этим пояснил: «В первом случае имеется в виду сохранение установки под влиянием внешнего контроля, во втором – для поддержания социальных связей, в третьем – устойчивость установки объясняется тем, что сам объект установки имеет для индивида личное значение, независимо от внешнего контроля или одобрения со стороны общества» [11, с. 107]. Устойчивость по законам диалектики не существует без изменчивости: «<...> для установки как динамического состояния нормальной является, напротив, постоянная тенденция к выходу из равновесия, о чем свидетельствуют и конкретные исследования» [11, с. 113].

В переходе от теоретизирования к эмпирическому исследованию ключевым этапом является операционализация основных понятий, поэтому структура понятия «установка» крайне важна. Опираясь на определения понятия «установка» в справочной социологической литературе выделим следующие компоненты: идеи и убеждения в отношении социального объекта (когнитивный уровень), его оценка (эмоциональный уровень), готовность действовать (конативный уровень) [12; 13].

Другая группа социальных установок – габитусы в концепции саморегуляции жизнедеятельности молодёжи рассматриваются как звено между отношением к социальному объекту, сформировавшимся в архетипических и ментальных структурах, и социальными практиками [14]. Сходная исследовательская позиция реализована в исследовании социокультурных установок в сфере экономики [15]. Генезис габитусов обеспечивает их устойчивость, но в его структуре наряду с механизмом преемственности заложена способность к изменениям [16]. Именно эти его свойства наиболее важны для анализа саморегуляции представлений молодёжи о будущем страны. На эмпирическом уровне устойчивость габитуса мы понимаем как его способность сохранять связь с социальным объектом и её интенциональность.

Эмпирическая основа исследования. Эмпирическую базу составили данные всероссийского социологического исследования российской молодёжи, проведённого Центром социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН в ноябре – декабре 2021 г. методом стандартизированного онлайн-интервью по репрезентативной для населения России выборке в 133 населённых пунктах 11 субъектов Российской Федерации¹. Тип выборки – квотная, репрезентация обеспечена по полу, возрасту и типу поселения. Регионы исследования: Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область, Курская область, Волгоградская область, Вологодская область, Республика Крым. Общий объем выборки – 1640 человек. Ошибка выборки – 4,5%.

Как осознанные социокультурные установки, прошедшие своего рода верификацию жизненными смыслами и ценностями, в анализе определены установки на миграцию. Они выявлялись на основании вопроса о готовности уехать из места постоянного проживания и измерялись номинальной шкалой: «останетесь там, где живете», «уедете в более крупный город в своём регионе», «переедете в другой регион страны», «уедете из страны», «затрудняюсь ответить»². Габитусы выделялись как компоненты отношения из ментальных черт («любовь к своему отечеству», «милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим», «честь, достоинство», «любовь к ближнему», «подозрительность в отношении к иностранцам») и противопоставленных им современных черт национального характера россиян («отношение к стране просто как к месту проживания», «жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать своё сочувствие», «стремление отстаивать права человека», «рационализм», «открытость ко всему иностранному»). Такого рода установки выявлялись на основании ответов респондентов на вопрос о присущих их поколению чертах, одна часть из которых отражала традиционные, другая – современные черты³. Индикаторы – «полностью разделяю», «частично разделяю», «не разделяю». Другая содержательная группа габитусов анализировалась на основе самооценок активной жизненной позиции, пассивной жизненной позиции, коллективизма, индивидуализма, чувственности, расчётливости, участия в жизни общества, отстранённости и безразличия по отношению к общественной жизни. Индикаторы – «присущ/-а в большой степени», «присущ/-а в малой степени», «не присущ/-а».

Представления о будущем измерялись вопросом «Насколько, по-вашему, важна для будущего страны реализация следующих целей?». Полные формулировки целей по сферам, как они были даны в инструментарии, представлены в таблицах, а в тексте для простоты используем их сокращённое наименование: «Доступное квалифицированное здравоохранение», «Жизненное пространство», «Власть», «Труд», «Образование», «Семья», «Активное гражданское общество».

¹ Исследование проведено под руководством и по методике д. соц. н., проф. Ю. А. Зубок и д. соц. н., проф., засл. деятеля науки РФ В. И. Чупрова в сотрудничестве с ИОМ «Квалитас» и его генеральным директором – д. соц. н., проф. Н. А. Романович.

² Вопрос задавался в варианте: «Если вам представится возможность уехать из мест проживания, то что вы предпочтёте?».

³ Подробное обоснование смыслового содержания этих показателей содержится в наших предыдущих публикациях, посвящённых социокультурному механизму саморегуляции жизнедеятельности молодёжи и формированию отношения к социальной реальности. Здесь мы применяем их без дополнительного разъяснения.

Индикаторы: «очень важно», «важно», «не важно», «совсем не важно». Аналогично предыдущим этапам в анализе выделялись выраженные носители габитусов, кто «полностью разделяет» отношение к социальному объекту или кому жизненная позиция присуща «в полной мере» в связи с максимальной поддержкой целей будущего («очень важно», «важно»).

В статье представлены результаты двухмерного (с использованием статистики χ^2) анализа данных по исходным шкалам (3-х членным и 4-х членным), которые сравниваются с результатами двухмерного (с использованием статистики χ^2) анализа данных по преобразованным переменным (наличие и отсутствие конкретной установки), на основании которых мы определяем устойчивость габитусов.

Габитусы – черты национального характера в саморегуляции целей, значимых для будущего страны. Рассмотрим связи габитусов отношения к социальным объектам, выделенным из ментальных и современных черт, с представлениями молодёжи о будущем (табл. 1). По сумме оценок «очень важно» и «важно» доли носителей установок «любовь к отечеству» и «отношение к стране» совпадают либо практически совпадают («Доступное квалифицированное здравоохранение» – по 96%; «Жизненное пространство» – 98 и 97%; «Власть» – 97 и 96%; «Труд» – 97 и 95%; «Образование» – 91 и 89%), или незначительно дифференцируются («Семья» – 95 и 91%; «Активное гражданское общество» – 92 и 89%).

Детализация анализа показала, что габитус, вытекающий из ментальной черты «любовь к своему отечеству», обеспечивает более высокий уровень поддержки целей, значимых для будущего страны по индикатору «очень важно», а его отрицание ведёт к снижению уровня поддержки. Этот габитус определяет преимущественно резкие границы в определении целей будущего страны, как «очень важных» между «полностью разделяющими» и «не разделяющими» его: от 6% в отношении цели «Активное гражданское общество», 10% – «Доступное квалифицированное здравоохранение», до 22% в отношении цели «Труд» и 30% по «Семья». Противоположный габитус, связанный с отношением к стране как месту проживания, значительно отличается в образовании связей с представлениями о будущем. Наивысшие оценки «полностью» разделяющих и не разделяющих эту предрасположенность по таким целям как «Жизненное пространство», «Власть», «Баланс прав и обязанностей», «Образование» практически не различаются: соответственно 63 и 62%, 58 и 56%, 56 и 57%, 54 и 53%. Только в случае целей «Активное гражданское общество» и «Труд» наивысшие оценки «полностью» разделяющих и не разделяющих отношение к стране всего лишь как к месту проживания различаются соответственно на 8 и 12%. Среди первых уровень поддержки выше, чем среди вторых. А вот в отношении цели, получившей самую большую поддержку молодёжи «Доступное квалифицированное здравоохранение», наоборот, среди не разделяющих названный габитус, доля оценивших эту цель как «очень важную» составила 79%, а среди разделяющих – 71%. Отношение к стране просто как к месту проживания не дифференцирует опрошенных по цели «Семья».

Устойчивый характер регулирования габитусом «любовь к отечеству» и признаки лабильного регулирования габитусом «отношение к стране просто как к месту проживания» значимых целей будущего поставили дополнительную исследовательскую задачу понимания этих регуляторов. По результатам дополни-

тельного двухмерного анализа со статистикой χ^2 по преобразованным переменным (были объединены позиции «полностью разделяю» и «частично разделяю») «любовь к отечеству» сохранила свои регулирующие свойства в отношении всех целей будущего за исключением «Доступное квалифицированное здравоохранение». В свою очередь, «отношение к стране как к месту проживания», напротив, осталось регулятором названной цели, но утратило связи со всеми остальными целями будущего. Дополнительный анализ позволяет заключить, что «отношение к стране как к месту проживания» обладает не только слабыми регулируемыми свойствами в определении целей будущего, но и то, что в основном анализе дифференциация обеспечивалась несформированной установкой («частично» разделяющими).

Габитус милосердия образует связи на статистически значимом уровне со всеми целями будущего, резко дифференцируя «полностью» его разделяющих и не разделяющих в оценке «очень важно»: от 12% в отношении «Труда» до 30% – «Доступного квалифицированного здравоохранения». Противоположный ему габитус жалостливости регулирует оценку всех целей, кроме «Доступного квалифицированного здравоохранения». По сумме оценок «очень важно» и «важно» разделяющие противоположные габитусы либо не отличаются (например, по целям «Жизненное пространство» и «Власть», соответственно по 98 и 97%), либо различия колеблются от 1 до 3%. Но предрасположенность к проявлению жалости устанавливает значительные границы между «полностью» разделяющими и не разделяющими её в наивысшей оценке целей будущего, однако всё же менее резкие по сравнению с габитусом милосердия: от 9% в отношении «Власти» до 17% – «Активного гражданского общества». Дополнительный двухмерный анализ со статистикой χ^2 по преобразованным переменным показал, что ассоциированный с ментальными чертами габитус милосердия удержал позиции сильного регулятора в отношении всех измеренных целей будущего, а габитус жалостливости как его современная версия сохранил регулирующие свойства только в отношении целей «Семья», «Власть» и «Активное гражданское общество».

Следующая пара противоположных габитусов: «честь, достоинство» и «стремление отстаивать права человека» образуют связи со всеми анализируемыми целями будущего. По сумме оценок «очень важно» и «важно» доли носителей габитусов совпадают («Доступное квалифицированное здравоохранение» – по 97%; «Власть» – по 97%, «Баланс прав и обязанностей» – по 96%; «Активное гражданское общество» – по 92%), либо практически совпадают («Семья» – 95 и 97%; «Жизненное пространство» – 97 и 98%; «Труд» – 94 и 95%; «Образование» 91 и 90%). Что касается различий наивысшей оценки между «полностью» разделяющими и не разделяющими, то оба габитуса устанавливают между ними резкие границы. Так, «честь, достоинство» дифференцирует выраженных носителей от отрицающих габитус на 4% по цели «Труд», 15% – по цели «Активное гражданское общество», до 31% – по цели «Доступное квалифицированное здравоохранение». А «стремление отстаивать права человека» дифференцирует названные группы, начиная с 15% по значимости цели «Образование» до 30% – «Жизненное пространство». Устойчивый характер регулирования целей будущего обоими габитусами подтверждается и дополнительным анализом по преобразованным переменным с небольшим исключением: «честь, достоинство» утрачивает связь на статистически значимом уровне с целью «Труд».

Таблица 1

Связь между габитусами и представлениями о целях, значимых для будущего страны⁴, в %

Содержание габитуса / Мера самоидентификации		Цели / Степень важности															
		Доступное качество жизни – залог высокого уровня качества жизни	Очень важная семья – основа уверенности и безопасности «крепкий тыл»	Жизненное пространство – среда для комфортной жизни	Власть, способная обеспечить достижение преременных целей – залог устойчивого развития страны	Очень важный труд – источник материального благополучия, кто хорошо живет	Очень важный баланс прав граждан – фактор консолидации общества	Очень важное образование – условия социального «социальный лифт»	Очень важное активное гражданское общество – условия демократизации в стране								
Любовь к своему отечеству	полностью разделяют	74	22	68	27	35	59	38	56	38	55	39	54	37	45	47	
	не разделяют	64	28	38	32	35	46	38	34	43	41	46	42	22	39	34	
χ^2 , p		,012		,000		,000		,000		,000		,000		,000		,000	
Отношение к стране как месту проживания	полностью разделяют	71	25	63	29	63	58	38	61	34	56	34	54	35	48	41	
	не разделяют	79	17	66	27	62	56	39	49	45	57	41	53	35	40	49	
χ^2 , p		,004		,060		,007 ⁵		,002 ⁶		,000		,000 ⁷		,000 ⁸		,000	

4 Фоном в Таблице 1 выделены ячейки, между переменными которых статистически значимые взаимосвязи не обнаружены.
 5 По индикатору «частично разделяют», соответственно 54 и 43%.
 6 По индикатору «частично разделяют», соответственно 48 и 48%.
 7 По индикатору «частично разделяют», соответственно 43 и 49%.
 8 По индикатору «частично разделяют», соответственно 45 и 40%.

Продолжение таблицы 1

Содержание габитуса / Мера самоидентификации	Цели / Степень важности																
	Доступное кавалифицированное защитное – защитное	Важно	Очень важно	Семья – основа уверенности и безопасности «крепкий тыл»	Очень важно	Жизненное пространство – среда для комфортной жизни	Очень важно	Власть, особая обеспечить достижение перечисленных целей – залог устойчивого развития страны	Очень важно	Труд – источник материального благополучия, тот кто хорошо работает, тот хорошо живет	Очень важно	Баланс прав граждан – фактор консолидации общества	Очень важно	Образование – залог социального подвижения, «социальный лифт»	Очень важно	Активное гражданское общество – условия демократии в стране	
Милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим	полностью разделяют	77	20	67	28	67	31	60	37	56	39	58	38	55	35	47	46
	совсем не разделяют	47	32	44	31	44	42	36	46	44	33	31	47	33	43	29	40
χ^2 , р		,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000
	полностью разделяют	73	23	64	30	67	31	60	37	58	36	60	35	56	33	48	45
Жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать свое сочувствие	полностью разделяют	71	23	55	28	55	38	51	40	48	42	46	45	43	39	31	46
	совсем не разделяют																
χ^2 , р		,532	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000
Честь, достоинство	полностью разделяют	77	20	65	30	63	34	58	39	54	40	56	40	53	38	45	47
	совсем не разделяют	46	34	39	34	43	37	34	41	50	36	37	45	34	30	30	46
χ^2 , р		,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000 ⁹	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000

⁹ По индикатору «частично разделяют» соответственно 40 и 50%.

Продолжение таблицы 1

Содержание габитуса / Мера самоидентификации	Цели / Степень важности															
	Доступное Очень важно	важно Очень важно	важно Очень важно	важно Очень важно	важно Очень важно	важно Очень важно	важно Очень важно	важно Очень важно	важно Очень важно	важно Очень важно	важно Очень важно	важно Очень важно				
Стремление отстаивать права человека	полностью разделяют	77	20	65	28	32	59	38	54	41	57	39	53	37	47	45
	совсем не разделяют	50	37	43	36	44	36	50	43	39	32	49	38	32	19	48
χ^2 , р		,000		,000		,000		,000		,000		,000		,000		,000
Любовь к ближнему	полностью разделяют	76	22	67	28	33	57	40	52	43	54	41	52	37	43	49
	совсем не разделяют	43	40	34	28	57	27	55	40	36	43	47	28	49	21	39
χ^2 , р		,000		,000		,000		,000		,000		,000		,000		,000
Рационализм, прагматичность	полностью разделяют	78	19	63	30	30	63	33	57	38	60	35	56	34	50	42
	совсем не разделяют	67	22	65	22	37	46	45	57	28	42	43	50	31	35	45
χ^2 , р		,000		,008 ¹⁰		,000		,000		,000 ¹¹		,000		,000 ¹²		,000

¹⁰ По индикатору «частично разделяют» соответственно 57 и 34%.

¹¹ По индикатору «частично разделяют» соответственно 42 и 50%.

¹² По индикатору «частично разделяют» соответственно 38 и 47%.

Окончание таблицы 1

Содержание габитуса / Мера самоидентификации	Цели / Степень важности		Цели / Степень важности												
			Доступное качество жизни	Семья – основа уверенности, «крепкий тыл»	Жизненное пространство – среда для комфортной жизни	Власть, особая обеспечить достижение перечисленных целей – заботу устойчивого развития страны	Очень важно Труд – источник материального хорошо работает, тот кто хорошо живет	Очень важно Баланс прав и обязанностей граждан – фактор консолидации общества	Очень важно Образование – условие социального продвижения, «социальный лифт»	Очень важно Активное гражданское общество – условие демократии в стране					
Подозрительность в отношении к иностранцам	Очень важно	67	29	63	31	64	32	58	37	61	33	56	33	49	44
	Важно	25	58	33	67	31	63	33	56	39	55	39	53	33	50
Открытость ко всему иностранному	Очень важно	76	20	59	31	62	34	57	39	45	48	47	39	41	48
	Важно	25	68	23	55	37	49	42	50	38	49	43	51	35	47
В целом по массиву	χ^2 , р	,072	,302	,003 ¹³	,012 ¹⁴	,000	,001	,012	,000	,001 ¹⁶	,000	,001	,023	,001 ¹⁶	,000
	χ^2 , р	,016	,125 ¹⁵	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000
		71	25	60	31	59	38	53	43	50	43	48	39	39	50

¹³ По индикатору «частично разделяют» соответственно 53 и 43%.¹⁴ По индикатору «частично разделяют» соответственно 48 и 48%.¹⁵ По индикатору «частично разделяют» соответственно 60 и 32%.¹⁶ По индикатору «частично разделяют» соответственно 43 и 45%.

По габитусам «любовь к ближнему» и «рационализм», как и по ранее рассмотренным предрасположенностям к действиям, фиксируется совпадение или незначительные различия (1-2%) суммарных оценок целей будущего. Оба габитуса выступают регуляторами целей, значимых для будущего страны. «Любовь к ближнему» однозначно ведёт к резким границам в определении целей будущего страны как «очень важных» между «полностью разделяющими» и «не разделяющими» её: от 11% по цели «Баланс прав и обязанностей», 12% по цели «Труд» до 31% по «Семье», 33% «Доступному квалифицированному здравоохранению» и 38% по цели «Жизненное пространство». Заметим, что столь высокая поддержка цели «Доступное квалифицированное здравоохранение» и другими габитусами традиционной культуры сосуществует с девальвацией системы государственного здравоохранения в молодёжной среде [17].

Габитус рационализма обнаруживает не столь линейные взаимосвязи с наивысшей поддержкой целей будущего. «Полностью» разделяющие не отличаются от не разделяющих его в наивысшей оценке важности труда, практически не различаются (на 2%) в оценке общей значимости цели семьи как тыла. По остальным целям дифференциация зафиксирована от 6% по показателю значимости цели «Образование» до 18% – «Баланс прав и обязанностей». Дополнительный анализ по преобразованным переменным подтвердил устойчивость габитуса «любовь к ближнему» и относительную устойчивость рационализма по отношению к измеренным целям будущего страны. Последний в этом анализе утратил связь с целью «Образование».

Габитусы «подозрительность в отношении к иностранцам» и «открытость ко всему иностранному» совпадают в том, что оба не дифференцируют молодёжь по цели «Семья», а предрасположенность к «подозрительности...» не различает респондентов и по цели «Доступное квалифицированное здравоохранение». Доли носителей этих габитусов в суммарных оценках значимости остальных целей будущего страны практически не различаются (от 1 до 3%). «Подозрительность в отношении к иностранцам» устанавливает значимые границы между «полностью» разделяющими и не разделяющими в наивысшей оценке следующих целей: «Активное гражданское общество» (8%), «Образование» (9%), «Труд» (16%). По остальным регулируемым целям – различия в пределах погрешности (от 1 до 3%).

Антипод подозрительности «Открытость ко всему иностранному» определяет границы в наивысшей оценке между названными группами по большому перечню целей: от 6% («Труд», «Баланс прав и обязанностей») до 12–16% («Жизненное пространство», «Власть», «Активное гражданское общество»). В этой паре как более сильный регулятор проявился габитус современной культуры открытости ко всему иностранному. Дополнительный анализ по преобразованным переменным внёс следующие коррективы. «Подозрительность в отношении к иностранцам» сохранила связи лишь с целями «Труд» и «Баланс прав и обязанностей», и в этом варианте появилась связь с целью «Доступное квалифицированное здравоохранение». «Открытость ко всему иностранному» утратила связи с целями «Баланс прав и обязанностей», «Образование», но обнаружила связь с целью «Семья». Габитус «открытости» всё-таки обладает большим регулятивным потенциалом в сравнении с габитусом «подозрительности...».

Перейдём к рассмотрению габитусов – жизненных позиций.

Габитусы – жизненные позиции в саморегуляции целей, значимых для будущего страны. Габитус активной жизненной позиции дифференцирует молодёжь по отношению ко всем измеренным целям, габитус пассивной жизненной позиции – по всем кроме цели «Власть» (табл. 2). По сумме оценок «очень важно» и «важно» доли выраженных носителей габитусов практически совпадают по целям «Семья» и «Баланс прав и обязанностей» (соответственно 90 и 91%, 94 и 93%), по остальным целям различия составили 2–3%.

Более чёткие границы между выраженными носителями габитусов по наивысшей оценке в этой оппозиции устанавливает элемент современной культуры – активная жизненная позиция. Она различает респондентов от 7% по «Жизненному пространству» до 16% по «Труду». Пассивная жизненная позиция, напротив, по «Труду» практически не дифференцирует (1%), по другим целям, с которыми есть связь, различия от 4% («Баланс прав и обязанностей») до 11% («Доступное квалифицированное здравоохранение» и «Семья»). Доли поддерживающих цели будущего в наивысшей оценке больше среди отрицающих этот габитус, чем среди выраженных носителей, то есть содержание с логикой регулирования вполне соотносятся. Дополнительный анализ по преобразованным переменным подтвердил все связи обоих габитусов, и даже восстановил связь пассивной жизненной позиции с «Властью».

Габитус коллективизма дифференцирует молодёжь по всем целям будущего кроме «Доступное квалифицированное здравоохранение», индивидуализм различает по всем целям. Различия в поддержке выраженными носителями габитусов целей будущего в суммарных оценках на 3% зафиксировано только по цели «Семья» (среди коллективистов – 94%, среди индивидуалистов – 91%). По остальным целям различий практически нет (1–2%). В определении целей будущего страны, как «очень важных», между «полностью разделяющими» и «не разделяющими» коллективизм границы довольно чёткие, хотя и начинаются с 3% по цели «Труд» и 4% по цели «Баланс прав и обязанностей», 5% по цели «Баланс прав и обязанностей» до 9% по цели «Активное гражданское общество», 11% по цели «Образование», 12% по «Семье» и «Власти». Индивидуализм по этим показателям даёт довольно смазанную картину: от 1–2% по целям «Жизненное пространство», «Баланс прав и обязанностей», «Активное гражданское общество», «Власть» до 5% по цели «Доступное квалифицированное здравоохранение», «Семья» получила поддержку в наивысшем значении, на 6% больше среди респондентов, отрицающих индивидуализм, «Труд» – на 5%, «Образование» – на 3%. В дополнительном анализе коллективизм подтвердил все связи по цели «Доступное квалифицированное здравоохранение», индивидуализм, напротив, утратил связи с целями «Семья» и «Образование».

В паре бескорыстие – расчётливость первый габитус выступил регулятором всех целей, второй проявил связь с большинством целей будущего, исключение составили «Доступное квалифицированное здравоохранение» и «Семья». По сумме оценок «очень важно» и «важно» доли выраженных носителей габитусов различаются лишь на 3–4% (по целям «Баланс прав и обязанностей», «Образование», «Активное гражданское общество»), по остальным сопоставимым целям различий практически нет (1–2%). Более резкие границы между «полностью» разделяющими и не разделяющими определяет бескорыстие: с незначительных 4% («Труд») до 9% («Власть»), 12–13% («Образование», «Семья», «Жизненное пространство», «Баланс прав и обязанностей»), 16% («Активное гражданское общество») и 22% («Доступное квалифицированное здравоохранение»).

Таблица 2
Связь между габитусами – жизненными позициями и представлениями о целях, значимых для будущего страны¹⁷, в %

		Цели / Степень важности															
		Доступное квалификационное здравоохранение – залог высокого качества жизни	Очень важно	Семья – основа уверенности и безопасности, «крепкий тыл»	Очень важно	Жизненное пространство – среда для комфортной жизни	Очень важно	Власть, особая обеспечить достижение перечисленных целей – залог устойчивого развития страны	Очень важно	Труд – источник материального благополучия, тот хорошо работает, тот хорошо живет	Очень важно	Баланс прав и обязанностей граждан – фактор консолидации общества	Очень важно	Образование – условие социального продвиже- ния, «социальный лифт»	Очень важно	Активное гражданское общество – условие демократизации в стране	
Активная жизненная позиция	Присуща в большой степени	75	21	62	28	63	34	58	38	55	39	55	39	53	36	45	46
	Не присуща	61	30	53	29	56	32	47	36	39	40	43	42	31	35	31	44
	χ^2 , р	,001		,000		,000		,000		,000		,000		,000		,000	
Пассивная жиз- ненная позиция	Присуща в большой степени	67	31	56	34	57	39	54	42	53	39	51	42	46	40	42	46
	Не присуща	78	17	67	25	63	33	57	38	54	38	55	38	52	35	47	42
	χ^2 , р	,000		,005		,004		,095		,000 ¹⁸		,009		,025		,000	
Коллективизм	Присущ в большой степени	73	24	66	28	63	35	57	40	53	41	53	42	53	36	44	48
	Не присущ	68	24	54	28	51	36	52	36	50	36	49	34	42	35	35	36
	χ^2 , р	,103		,000		,000		,000		,004		,000		,000		,000	

¹⁷ Фоном в Таблице 2 выделены ячейки, между переменными которых статистически значимые взаимосвязи не обнаружены.

¹⁸ По индикатору «присуща в малой степени» соответственно 46 и 48%

Продолжение таблицы 2

		Цели / Степень важности															
		Доступное квалификационное задание – высокое качества жизни		Семья – основа уверенности и безопасности «крепкий тыл»		Жизненное пространство – среда для комфортной жизни		Власть, способная обеспечить достижение различных целей – залог устойчивого развития страны		Труд – источник материального благополучия, кто хорошо работает, тот хорошо живет		Власть прав и обязанностей граждан – фактор консолидации общества		Образование – условие социального продви- жения, «социальный лифт»		Активное гражданское общество – условие демократизации в стра- не	
Индивидуализм	Присут в большой степени	76	21	62	29	63	34	59	37	54	41	56	38	51	36	44	47
	Не присутствует	71	20	68	22	62	32	57	33	59	29	57	34	54	34	42	40
	χ^2, p		,000		,017		,000 ¹⁹		,000 ²⁰		,000		,000 ²¹		,001		,000 ²²
Бескорыстие	Присут в большой степени	77	21	67	29	64	34	59	39	54	41	56	40	54	37	47	46
	Не присутствует	65	25	54	27	51	37	50	38	50	33	43	42	42	39	31	44
	χ^2, p		,000		,000		,000		,000		,000		,000		,000		,000
Расчётливость	Присут в большой степени	73	23	62	30	63	34	61	36	55	40	56	37	50	37	44	46
	Не присутствует	72	21	65	25	60	35	54	40	53	36	50	41	48	33	42	43
	χ^2, p		,158		,261		,026		,000		,000		,002		,014		,001

¹⁹ По индикатору «присут в малой степени» соответственно 33 и 55%.
²⁰ По индикатору «присут в малой степени» соответственно 45 и 51%.
²¹ По индикатору «присут в малой степени» соответственно 41 и 51%.
²² По индикатору «присут в малой степени» соответственно 41 и 51%.

Окончание таблицы 2

		Цели / Степень важности														
		Доступное квалифицированное защитное – залог высокого качества жизни	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно			
Содержание габитуса / Мера самоидентификации	Присущие в большой степени	73	65	27	66	31	58	38	58	37	55	39	56	33	50	43
	Не присущие	67	51	35	51	38	50	39	42	39	43	42	38	37	26	44
		χ^2, p	,000													
Отстранён- ность и без- различие по отношению к общественной жизни	Присущи в полной мере	65	59	32	60	33	54	39	60	32	54	35	46	39	44	42
	Не присущи	80	69	24	65	32	63	34	55	39	58	37	55	33	46	44
		χ^2, p	,000													
В целом по массиву		71	60	31	59	38	53	43	50	43	50	43	48	39	39	50

²³ По индикатору «присуща в малой степени» соответственно 43 и 51%.

Расчётливость сколь-нибудь значимо устанавливает границы между выраженными носителями и отрицающими её наличие только по «Власти» (7%) и «Балансу прав и обязанностей» (6%). По остальным целям, с которыми есть связь, разница – в пределах 2–3%. Дополнительный анализ по преобразованным переменным для габитуса бескорыстия показал сохранение связей со всеми целями будущего, кроме «Образование», а вот предрасположенность к расчётливости подтвердила отсутствие связи с целями «Доступное квалифицированное здравоохранение» и «Семья» и утратила её с тремя другими целями «Власть», «Жизненное пространство» и «Баланс прав и обязанностей».

Противоположные габитусы «участие в жизни общества» и «отстранённость и безразличие по отношению к общественной жизни» имеют связи со всеми измеренными целями будущего страны. В суммарных оценках поддержки целей значимая разница между выраженными носителями этих габитусов обнаружена по «Активному гражданскому обществу» (соответственно 93 и 86%), «Балансу прав и обязанностей» (94 и 89%); незначительные различия в пределах 3–4% по «Образованию», «Труду», «Власти».

Более резкие границы между «полностью» разделяющими и не разделяющими в наивысшей оценке устанавливает габитус участия: с 6 и 8% соответственно для «Доступного квалифицированного здравоохранения» и «Власти» до 18 и 24% для «Образования» и «Активного гражданского общества». По остальным целям различия колеблются от 12 до 16%. Габитус отстранённости от общественной жизни дифференцирует опрошенных менее чётко: наиболее значимые различия (до 15%) видны только по «Доступному квалифицированному здравоохранению». По большинству целей дифференциация между выраженными носителями и отрицающими габитус измеряется 5–10%. Уровень поддержки целей будущего выше среди отрицающих наличие этого габитуса, чем среди его выраженных носителей. Дополнительный анализ по преобразованным переменным для обоих габитусов выявил сохранение связей со всеми целями будущего, подтвердив их значимость как регуляторов отношения молодёжи к этим целям.

Миграционные установки как регуляторы представлений о будущем. Выбор миграционных установок молодёжи как регуляторов представлений о целях, значимых для будущего страны, объясняется тем, что явления внутренней миграции и эмиграции весьма распространены среди российской молодёжи, содержательно связаны с конструированием жизненных стратегий и, наконец, именно они в социологии стали эмпирическим обоснованием феномена социокультурной установки. Шкала измерения не позволяет выяснить устойчивость самих миграционных установок, но даёт понимание о предпочтении целей будущего их носителями в сравнении с теми, у кого они отсутствуют (табл. 3).

По данным исследования, почти треть молодёжи (30%) продемонстрировала установку на осёдлость, четверть (24%) респондентов при наличии возможности эмигрирует, 17% переместится в другой регион, в более крупный город в своём регионе переедет 12% опрошенных, 17% затруднились ответить. Двухмерный анализ данных со статистикой χ^2 показал, что эти установки дифференцируют половину представлений о будущем страны, косвенным образом выделяя факторы готовности либо остаться в месте проживания, либо уехать из него. Итак, цель «Семья» очень важна для опрошенной молодёжи, ориентированной на осёдлость и переезд в крупный город своего региона, соответственно 67 и 65%, менее важна

Таблица 3

Связь между установками на оседлость/миграцию и представлениями о целях, значимых для будущего страны²⁴, в %

	Цели / Степень важности															
	Доступное квалифицированное здоровохранение – залог высокого качества жизни	Семья – основа уверенности и безопасности, «крепкий тыл»	Жизненное пространство – среда для комфортной жизни	Власть, способность обеспечить достижение перечисленных целей – залог устойчивого развития страны	Очень важно	Труд – источник материального благополучия, кто хорошо работает, тот хорошо живет	Очень важно	Баланс прав и обязанностей граждан – фактор консолидации общества	Очень важно	Образование – условие социального продвижения, «социальный лифт»	Очень важно	Активное гражданское обще- ство – условие демократиза- ции в стране				
Останутся там, где живут	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно	Очень важно				
Уедут в более крупный город в своём ре- гионе	71	26	67	27	56	40	54	43	43	55	40	51	44	49	38	49
Переедут в другой регион страны	66	27	65	29	59	37	50	47	47	56	37	46	46	49	43	49
Уедут из страны	74	22	59	33	61	36	57	38	38	55	38	51	43	52	35	54
Затруднились ответить	72	25	53	35	64	33	56	41	41	47	45	54	40	46	47	42
χ^2 , р	69	25	58	32	53	43	47	47	47	36	52	44	46	39	31	58
В целом по массиву	,226	,008	,449	,418	,000	,197	,002	,003								
	71	25	60	31	59	38	53	43	43	50	43	50	43	48	39	50

²⁴ Фоном в Таблице 3 выделены ячейки, между переменными которых статистически значимые взаимосвязи не обнаружены.

она для респондентов с установкой на переезд в другой регион (59%), и ещё менее – с предрасположенностью к эмиграции (53%). Среди «остающихся» в стране, если выделять позицию «очень важно», зафиксирована солидарность в определении «Труда» (55–56%) и «Образования» (49–52%) как целей, значимых для будущего страны; среди респондентов, ориентированных на эмиграцию, доли поддерживающих эти цели меньше (47 и 46%). Готовность к отъезду из страны несколько снижает ценность труда и образования в представлениях о будущем. Возможно, эту часть молодёжи привлекает за рубежом именно работа и образование как инструменты и/или сферы самореализации. Именно образовательная и трудовая миграции наиболее свойственны молодёжи. Эту группу отличает выраженное стремление к самореализации (53% «характеризует в полной мере»), по данному показателю к ней близка и молодёжь с установкой на переезд в другой регион (51%). В некоторой оппозиции к ним по выраженному стремлению к самореализации находится молодёжь, остающаяся в регионе: ориентированная на осёдлость (44%) и переезд в крупный город своего региона (46%). А вот цель «Активное гражданское общество» наиболее значимую выраженную поддержку получила у молодёжи с установками на эмиграцию (47%). Незначительно от них отличаются ориентированные на переезд в более крупный город в своём регионе (44%). Среди респондентов с установкой на осёдлость и переезд в другой регион страны эта цель получила меньшую поддержку, хотя и довольно значительную, соответственно 38 и 35%.

Миграционные установки не различают опрошенную молодёжь в оценке целей «Доступное квалифицированное здравоохранение», «Жизненное пространство», «Власть», «Баланс прав и обязанностей» как значимых для будущего России. Эти универсальные цели-ценности являются базовой частью социальных ожиданий молодого поколения российских граждан, где бы они ни намеревались проживать.

Заключение. Сравнительный анализ двухмерных распределений данных позволяет заключить следующее. Габитусы, в основании которых традиционные ценности, чаще выступают значимыми и устойчивыми регуляторами представлений молодёжи о будущем страны. Среди них, во-первых, те, что восходят к ментальным чертам любви к отечеству, милосердию и состраданию, любви к ближнему; во-вторых, жизненные позиции коллективизма и бескорыстия. Среди габитусов, в основании которых современные ценности, ставшие неотъемлемыми чертами национального характера, такими регуляторами выступили стремление отстаивать права человека, открытость ко всему иностранному, а также активная жизненная позиция. Это означает, что озабоченность будущим страны и его ценностным наполнением присуща носителям как традиционных, так и современных установок в среде молодёжи. Разница лишь в смысловой ориентации разных групп.

Габитусы с противоположными ценностными основаниями социального участия и неучастия в равной степени проявили устойчивость в саморегуляции представлений молодёжи о целях, значимых для будущего страны. Габитусы с традиционным ценностным основанием резко разделяют выраженных носителей установки и отрицающих её наличие в их выборе целей. Традиционные установки лежат в основе конструирования более определённой субъективной реальности будущего, чем современные. Традиционные, в целом, способствуют более чёткой кристаллизации целей-ценностей в образе будущего страны, чем

современные. В соответствии с ними выстраиваются и ожидания. Причём нереализованность ожиданий у носителей более чёткой ценностно-целевой структуры способна приводить к более высокому напряжению в их среде, чем среди носителей слабо выраженной системы целей-ценностей. Последняя менее напряжена в силу вариативности, а её носители более адаптивны к обстоятельствам.

Регулятивная сила установки проявляется отчётливо, но неодинаково по отношению к конкретным целям. Наиболее ярким выглядит дифференцирующее действие нескольких традиционных установок и одной современной. Во-первых, установки на любовь к отечеству в отношении к общественной значимости крепкой семьи для будущего страны. Связь отечества и семьи – проекция укоренённого социокультурного образа, в котором проявляется аллегория идеала, где отечество предстаёт в образе отца или матери-Родины. На эмоциональном уровне ассоциируется и сопереживается скорее с родительской семьёй, чем с собственной.

Во-вторых, традиционной установки на проявление любви к ближнему, милосердие и сострадание, честь, достоинство и бескорыстие в отношении значимости доступного квалифицированного здравоохранения. Смысловое наполнение этих установок конвертируется в заботу о ближних и сопереживание дальним и, прежде всего, касается удовлетворения витальных потребностей здоровья и жизни.

В-третьих, современной установки на отстаивание прав человека в отношении комфортного жизненного пространства как главного параметра образа будущего. Рефлексия в отношении среды обитания воплощается в широком спектре ожиданий и переживаний от развитой инфраструктуры до экологии.

Наименьшую устойчивость в регулировании представлений о целях в образе будущего страны проявили одна традиционная ментальная установка и четыре современных. Во-первых, традиционная установка на недоверие и подозрительность к иностранцам; во-вторых, современные установки на формальное отношение к стране как к месту проживания, демонстративную жалостливость, рациональное и прагматичное отношение к окружающим и индивидуализм. В этом случае регулирующим потенциалом обладают несформированные установки, что и объясняет их неустойчивость.

Установки молодёжи на эмиграцию по сравнению с установками на осёдлость и внутреннюю миграцию сопровождаются девальвацией ключевых общественно значимых целей-ценностей: крепкой семьи, труда, образования, но большей поддержкой активного гражданского общества как наиболее полного выражения агентности, возможности реального влияния на политический процесс и принятие управленческих решений.

Библиографический список

1. *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 56–74. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5). EDN [QATYVUU](https://www.edn.ru/entry/qatyvuu).
2. *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Представления молодёжи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1). EDN [HMLFLO](https://www.edn.ru/entry/hmlflo).
3. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социальная регуляция в условиях неопределённости. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодёжи. М. : Academia, 2008. 272 с. ISBN 978-5-87444-300-9. EDN [XSNCSZ](https://www.edn.ru/entry/xsnscsz).
4. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Молодёжь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М. : Норма, 2020. 304 с. ISBN 978-5-00156-082-1. EDN [WLJWBA](https://www.edn.ru/entry/wljwba).

5. *Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А.* Религиозная самоидентификация молодёжи в воспроизводстве социокультурного механизма саморегуляции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 2. С. 135–174. DOI [10.31119/jssa.2023.26.2.7](https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.7). EDN [XKXRCF](https://www.edn.ru/edn/10.31119/jssa.2023.26.2.7).
6. *Thomas W. I., Znaniecki F.* The polish peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group. Vol. 1. Boston : The Gorham Press, 1918. 526 p.
7. *Гордеева С. С.* Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 3(27). С. 135–140. DOI [10.17072/2078-7898/2016-3-135-140](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140). EDN [USAVMK](https://www.edn.ru/edn/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140).
8. *Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси : Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. 210 с.
9. *Рождественская Е., Семенова В.* «Польский крестьянин в Европе и Америке»: социально-политические, биографические и научные контексты // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22, № 2. С. 261–284. DOI [10.17323/1728-192x-2023-2-261-284](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-2-261-284). EDN [AEWRUA](https://www.edn.ru/edn/10.17323/1728-192x-2023-2-261-284).
10. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / В. А. Ядов, А. А. Семенов, В. В. Водзинская [и др.]. 2-е изд. М. : ЦСПиМ, 2013. 376 с. ISBN 978-5-906001-04-7. EDN [SWYNQU](https://www.edn.ru/edn/978-5-906001-04-7).
11. *Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М. : ИП РАН, 2000. 447 с. ISBN 5-88687-085-7.
12. Установка // Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер ; пер. с англ. под ред. С. А. Ерофеева. Казань : Изд-во Казанского университета, 1997. С. 338–339.
13. *Цапко М. С.* Установка социальная // Социологическая энциклопедия: в 2-х томах. Т. 2. М. : Мысль, 2003. С. 688–689. EDN [RLGFZZ](https://www.edn.ru/edn/10.17323/1728-192x-2023-2-261-284).
14. *Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Ю. А.* Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма, 2014. 352 с. ISBN 978-5-91768-444-4. EDN [XRYSUR](https://www.edn.ru/edn/978-5-91768-444-4).
15. *Верников А. В., Курьшева А. А.* Русская традиционная экономическая культура с точки зрения концепции Веблена о поведенческих установках // Мир России. 2024. Т. 33, № 4. С. 110–135. DOI [10.17323/1811-038X-2024-33-4-110-135](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-4-110-135).
16. *Бурдьё П.* Структуры. Habitus. Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 16–31.
17. *Александрова О. А.* Ценность или бремя: как доверие молодёжи институтам социального государства влияет на их будущее? // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 109–119. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.6). EDN [WWXBLD](https://www.edn.ru/edn/10.19181/nko.2023.29.3.6).

Поступила: 17.10.2024. Доработана: 20.11.2024. Принята: 29.11.2024.

Сведения об авторах:

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия. uzubok@mail.ru
Author ID РИНЦ: [74721](https://elibrary.ru/author_profile.aspx?id=74721); ORCID: [0000-0002-3108-2614](https://orcid.org/0000-0002-3108-2614)

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия. nas0311@ya.ru
Author ID РИНЦ: [432257](https://elibrary.ru/author_profile.aspx?id=432257); ORCID: [0000-0001-9691-3020](https://orcid.org/0000-0001-9691-3020)

Yu. A. Zubok¹, N. A. Seliverstova¹¹ FCTAS RAS. Moscow, Russia

SOCIOCULTURAL ATTITUDES IN THE SELF-REGULATION OF YOUTH'S IDEAS ABOUT THE FUTURE

Abstract. The article contains the results of the third stage of the study, revealing the stability and differentiating effect of habitus (mental and modern features of national character, life positions) and migration attitudes on defining the goals that are significant for the future of the country. Based on the comparative analysis of two-dimensional distributions using the χ^2 statistics, it was revealed that both habitus, ascending to mental traits (love of the fatherland, mercy and compassion, love of neighbor), traditional life positions (collectivism and selflessness), and habitus, genetically associated with modern traits of national character (the desire to defend human rights, openness to everything foreign), and an active life position are stable. Habitus with a traditional value basis sharply divides the expressed carriers of the attitude and those who deny its presence in their choice of goals. Traditional attitudes underlie the construction of a more definite subjective reality of the future than modern ones. The most obvious differentiating effect is recorded in the links between the attitude of love for the fatherland and the social significance of a strong family for the future of the country; love for one's neighbor, mercy and compassion, honor, dignity, selflessness and accessible qualified health care. The semantic content of these attitudes is converted into care for neighbors and empathy for those far away, mainly concerns the satisfaction of the vital needs of health and life. They are also joined by the modern attitude of defending human rights in relation to a comfortable living space as a parameter of the image of the future. The least stable in regulating ideas about the goals of the country's future were shown by the traditional attitude of suspicion towards foreigners and modern attitudes towards the country as a place of residence, demonstrative compassion, rational and pragmatic attitude towards others and individualism. In this case, unformed attitudes have a regulating effect, which explains their instability. The attitudes of young people towards emigration, compared to attitudes towards sedentarization and internal migration, are characterized by a devaluation of key socially significant goals and values (strong family, work, education), but greater support for an active civil society as the most complete expression of agency, the possibility of real influence on the political process and making political decisions.

Keywords: youth, sociocultural attitudes, habitus, ideas about the future

For citation: Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Sociocultural attitudes in the self-regulation of youth's ideas about the future. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):112–133. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.8>

References

1. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Science. Culture. Society*. 2022;28(4):56–74. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5).
2. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Youth views about the future of the country in the projection of culture. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):39–52. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1).
3. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in youth research. Moscow: Akademia; 2008. (In Russ.). ISBN 978-5-87444-300-9.
4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth in the cultural space: self-regulation of vital activity. Moscow: Norma; 2020. (In Russ.). ISBN 978-5-00156-082-1.
5. Seliverstova N. A., Zubok Yu. A. Religious self-identification of youth: a socio-cultural mechanism of reproduction. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023;26(2):135–174. (In Russ.). DOI [10.31119/jssa.2023.26.2.7](https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.7).
6. Thomas W. I., Znaniecki F. The polish peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group. Vol. 1. Boston: The Gorham Press; 1918.

7. Gordeeva S. S. Essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology. *Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. 2016;(3):135–140. (In Russ.). DOI [10.17072/2078-7898/2016-3-135-140](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-135-140).
8. Uznadze D. N. Experimental bases of the psychology of attitude. Tbilisi: Izd-vo Akad. nauk Gruz. SSR; 1961. (In Russ.).
9. Rozhdestvenskaya E., Semenova V. "The Polish Peasant in Europe and America": socio-political, biographical and scientific contexts. *The Russian Sociological Review*. 2023;22(2):261–284. (In Russ.). DOI [10.17323/1728-192x-2023-2-261-284](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-2-261-284).
10. Shikhirev P. N. Modern social psychology. Moscow: IP RAS; 2000. (In Russ.). ISBN 5-88687-085-7.
11. Yadov V. A., Semyonov A. A., Vodzinskaya V. V. [et al.]. Self-regulation and prediction of social behaviour of personality: Dispositional concept. 2nd ed. Moscow: TsSPiM; 2013. (In Russ.). ISBN 978-5-906001-04-7.
12. Attitude. In: Abercrombie N., Hill S., Turner B. S. Dictionary of sociology. Kazan: Kazan University Press; 1997. P. 338–339. (In Russ.).
13. Tsapko M. C. Attitude social. In: Sociological Encyclopedia: in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 2003. P. 688–689. (In Russ.).
14. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction. Moscow: Norma; 2014. (In Russ.). ISBN 978-5-91768-444-4.
15. Vernikov A. V., Kuryшева A. A. The traditional economic culture of Russians through the lens of Thorstein Veblen's evolutionary theory. *Universe of Russia*. 2024;33(4):110–135. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2024-33-4-110-135](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-4-110-135).
16. Bourdieu P. Structures, Habitus and Practices. In: Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta; 1995. P. 16–31. (In Russ.).
17. Aleksandrova O. A. Value or burden: how do youth trust in the institutions of the welfare state affect their future? *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):109–119. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.3.6](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.6).

Received: 17.10.2024. Corrected: 20.11.2024. Accepted: 29.11.2024.

Information about the authors:

Yulia A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director of Science and Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS. Moscow, Russia.

uzubok@mail.ru

ORCID: [0000-0002-3108-2614](https://orcid.org/0000-0002-3108-2614)

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS. Moscow, Russia. nas0311@ya.ru

ORCID: [0000-0001-9691-3020](https://orcid.org/0000-0001-9691-3020)

Scientific article
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.9](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.9)
EDN [BQMFZX](#)
УДК 316.7:316.4

D. A. Velez¹, L. C. Saldua¹, A. C. Moreno¹, E. E. Santander¹, V. A. Gamos¹
¹ Xavier University – Ateneo de Cagayan. Cagayan de Oro City, Philippines

COMEDIC STYLES IN MEDIA FORMATS ACROSS GENERATIONS: A CASE STUDY OF THE PHILIPPINES

Abstract. The article examines the methods and techniques used by Filipino media of different generations to achieve a comic effect. The authors rely on the fact that humor inherent in each culture is based on the collective experience lived through by the representatives belonging to this culture; the influence of different events (political upheavals, social changes, technological transformations) is so great that the difference in the presentation and understanding of humorous content can be significant even between successive generations. As part of the study, the authors analyze the transformation of media formats that occurred with the widespread use of the Internet. The study is based on a comparison of several visual humorous media forms of two generations of Filipinos (comics, advertising, movie posters). In the classification adopted by the authors, one of these generations (born 1946–1964) is defined as “political”; the second (born 1965–1980) – as technological/digital. During the study researchers purposefully selected materials related to media forms of different generations, and applied content analysis of changes in the humor of generations. Three pieces of each media form were selected based on the following criteria: they were produced/directed by a Filipino during the generational period in question. The thematic content of the pieces was not limited to politics or popular culture. The selected pieces were compared with their counterparts from other countries to help confirm generational changes in humor in a global context. Understanding the relationship between media formats and ideology is critical to understanding how media shape our social and political landscape. By understanding the dynamic nature of media formats and their ideological content, we can get a clearer picture and better understanding of the role of media in the formation of our social and political reality.

Keywords: media forms, comedy, comedic styles, political humor, comic effect

For citation: Velez D. A., Saldua L. C., Moreno A. C., Santander E. E., Gamos V. A. Comedic styles in media formats across generations: a case study of the Philippines. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):134–149. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.9>

Introduction. Traditionally, there are five well-known classifications of generations which include the following: Traditional Generation, Baby Boomers, Gen X, Gen Y, and Gen Z. Generations were named after significant events or developments that happened during the given period. This involves several factors namely, a generation’s life cycle, age, cohort, and the events they have experienced [1; 2]. These five mentioned generations have their own ‘model of a generation,’ depending on the country [3]. Each generation’s collective experience takes up the characteristics of the previous generation while attempting to shatter conventional wisdom as it forges a new route ahead for the next generation [4]. Through generational analysis, it is noted that individuals from all eras rest with the goal of improving the next generation whilst leaving a legacy.

The 2021 study by H. Salvosa and M. R. Hechanova distinguishes two generations of Filipinos, one that is born between 1946 and 1964, is characterized as work-centered, family-oriented, traditional, seasoned, decisive, and multi-tasking

and the other being born between 1965 and 1980, is described as tech-savvy, carefree, laid-back, proud, individualistic, self-centered, arrogant, energetic, and adventurous. H. Salvosa and M. R. Hechanova (2021) classified Filipinos into two generational cultures – the Political Generation and the Technology/Digital Generation [5]. Each generation has its own unique factors that both define and differentiate themselves from one another. In the Philippine context, the model of generation for the West is rendered null. H. Salvosa and M. R. Hechanova (2021) stated that defining events in American culture does not necessarily define the Filipino generational character.

Lüders (2008) and Thompson (2013) offer complementary perspectives on the role of media forms in contemporary society. Lüders shifts our focus from static media products to dynamic forms, emphasizing the processes and practices involved in media creation and consumption. Thompson, on the other hand, highlights the ideological dimensions of media, arguing that symbolic forms embedded within media shape our understanding of the world. The perspectives of Lüders [6] and Thompson [7] provide a valuable framework for analyzing the complex relationship between media, ideology, and society. Understanding the interplay between media forms and ideology is crucial for comprehending the ways in which media shape our social and political landscape. By understanding the dynamic nature of media forms and the ideological influences embedded within them, we can develop a more nuanced understanding of the role of media in shaping our social and political realities. Thereby giving us a compelling reason to explore the difference between Salvosa and M. R. Hechanova's two generations of Filipinos and their comedic styles.

Humor has been a subject of scholarly inquiry for decades, with researchers exploring its impact on audience attitudes, political engagement, and social change. In some cases, humor can serve as a form of resistance and social critique. Dmitriev (1998) [8] and Astapova (2015) [9] explored the role of political jokes in Russia and Belarus and their work assert how humor can be used to challenge, expose, or maintain a sense of agency. Becker and Haller (2014) [10] found that the effectiveness of political humor depends on the type of humor used, with audiences more receptive to satire that targets politicians' actions rather than their personal characteristics.

Review of literature. Collectively, many studies suggest that political humor can be a powerful tool for influencing public opinion, challenging political rhetoric, and promoting civic engagement. However, the effectiveness of humor may vary depending on factors such as the type of humor used, the target of satire, and the socio-political context. Boukes and Hameleers (2020) [11] demonstrated the potential of satire to hold populists accountable for their lack of solutions. By exposing the contradictions and inconsistencies in populist rhetoric, satirical content can encourage critical thinking and demand for substantive policies. Burgers and Brugman's (2022) [12] meta-analysis further supports the effectiveness of satirical news in influencing public opinion, highlighting its ability to evoke emotional responses, increase engagement, and promote learning.

When studying the humanities of the Filipinos, one must investigate their expressions of art through the Filipino lens. Categorizing Filipinos into their own unique generational culture allows one to perceive them at their expression in a more authentic view. The Political Generation is marked by eventful periods of political struggles. This involves the Ferdinand Marcos Sr, Corazon Aquino, Fidel Ramos, and Joseph Estrada Administration from 1965–1998. The second cluster is marked

by technological and digital trends such as the rise of the internet, rapid digitalization, digitization, social networking, and the emergence of search engines. For the purposes of discussions in this study, the Technological Generation also refers to the Digital Generation and vice versa.

Generational Humor and Comedic Style. Comedic structures and styles differ throughout the years and evolve with each generation. Humor is an internal heterogeneous phenomenon that cannot be construed as play, jocularity, or non-seriousness nor can it be associated entirely with seriousness. However, it can convey ideologies, serious implications, and repercussions. The messages, images, or visual representations of humor heighten joy, laughter, arousal, and the action of smiling [13; 14; 15; 16]. In fact, according to Catherine Davies (2019) [17], when encountering humor, it provides key elements that might help the individual appreciate and grasp these ideologies, serious implications, and repercussions. Crucial life outcomes and personality traits are also associated with humor styles [18].

Humor appreciation includes elements other than those related to comedy content, such as people, settings, and various realities. The form of humor and narrative tactics appears to be strongly related to its popularity, as does the reception and enjoyment of both form and substance across cultures [19]. In effect, humor may be utilized to strengthen the understanding of the constructs of a generation.

Berger (1999) [20] considers four categories of humor that explain what method is used to generate a comedic effect. First, language. It refers to the usage of language by double-entendres or disparity between a word, and its actual intended meaning. This includes allusion, exaggeration, irony, and puns. The second is logic which refers to the disparity in the logic of an object, subject, or phenomenon either being exaggerated or understated. This includes absurdity, repetition, reversal, and unmasking. The third is the identity which refers to making fun of a trait of a certain person, object, or event. This includes burlesque, caricatures, exposure, and parody. Finally, action refers to the exaggerated movements that one does in response to a situation such as slapstick and speed. These categories correspond with the three theories of humor: Incongruity (the oddity between an object and its reality), Superiority (the display of power above the less powerful or vice versa), and Relief as a form of a cathartic release from a tense situation [21; 22].

Likewise, comedy has multiple genres which may depend on humor, the method of delivery, and the context of how it is being delivered. The different comedic genres include aggressive humor, dark or blue comedy, slapstick comedy, improvisational comedy, high comedy, parodic comedy, and blended genres [23].

Aggressive humor refers to a type of humor that is insensitive to audience sentiment. This type of humor is destructive. It ignites hurtful comments of racism or sexism and has positive associations with spitefulness. However, it leans more toward humor than the offensive side. Men tend to use challenging types of humor that are more aggressive. Women, on the other hand, tend to use self-denigrating humor [24; 25; 26].

'Dark comedy' and 'Blue comedy' both differ in terms of the way they deliver humorous jokes. Dark comedy speaks about disturbing topics such as terrorism, rape, death, war, drugs, etc. It centers more on taboo topics that intentionally make people feel uncomfortable as they would laugh to relieve the tension. On the other hand, blue comedy is risqué in nature, associated with sexual jokes and profane language. These two are highly used by the millennial generation [27; 28].

Slapstick comedy is more on exaggerated facial expressions and stunts. This was widely used in the 20th century and popularized by Charlie Chaplin and the Three Stooges. Improvisational comedy is used by comedians who do not use any scripts. They perform by inventing comedic situations. American-Filipino stand-up comedian *Jo Koy* uses this technique. Entertainment experience stimulates the audience in both cognitive and affective manners. In stand-up comedy, it is recommended to combine comedy and human interest. It has the capacity to allow them to experience hedonic enjoyment and eudaimonic appreciation of serious topics [29].

High Comedy is known to be the 'comedy of manners'. It investigates the behaviors and lives of certain classes of people. It leans more toward the upper class in television shows and plays. Parodic comedy is a comic imitation used to ridicule, this is applicable to memes seen online [30; 31]. Observation humor is a comedy based on the commentary of everyday life. It can be found in both stand-up and sketch comedy and is often used to subtly criticize the world around us [32].

Blended genres are famously used by Hollywood insiders [33]. It creates a balance that is quite hard to control. This includes romantic comedy, horror comedy, and action comedy. The first focuses on the theme of love, mixed with comedic situations. The second is the hardest blend of the three because it is difficult to allow the audience to experience the feeling of being afraid and being entertained. It is more satirical and presents its jokes in a funny manner. Finally, action comedy is a blend of fantasy, dramedy, science fiction, and comedy.

It has been shown that humor across media forms proved that humorous statements are intended to deploy and accomplish goals. A sense of humor is a complex concept that incorporates behavioral patterns, skills and competencies, personality characteristics, a defense mechanism, and a personality test [34; 35]. As stated by M. Kfrerer, E. Bell & J. Schermer (2021) [36], the individual who identifies with left ideology, particularly social liberalism, utilizes relationship-building humor that incorporates both social bonding and confrontational humor, whereas conservatives avoid both humor styles.

Generational Transitions of Humor, Comedy, Old Media, and New Media. The difference in humor is based on the information that one can absorb which comes in the form of media [21]. Media is the plural media forms, describing any channel of communication. This includes anything from printed paper to digital data, and it encompasses art, news, educational content, and other forms of information [37]. There are two main classifications of media: old media forms and new media forms [38]. Old media are media forms that existed before the development of the internet, while new media forms existed because of the development of the internet. A change in the format of the media form does not necessarily change the media form's classification (an online newspaper article can still be classified as old media forms).

◆ **Radio vs. Podcast.** In the political generation, radio shows were used to entertain people with amusing materials whilst disseminating news. Broadcasters or announcers practiced habits of making jokes with witty one-liners by lampooning someone or something in their reports. This was an effective strategy to establish rapport with the audience. Today, radio shows have been equated to scripted podcasts. It is easily accessible on their mobile devices or on Spotify. Simply put, podcasts like *The KoolPals* or *Skypodcast* are used to educate and entertain [39].

◆ **TV Broadcast vs. YouTube.** Television is the biggest mass communication tool. After the radio, inventions like photography and films were used to fill the needs of

modern society and its lifestyle. For example, *The Daily Show* is a TV program that examines American politics, pop culture, news, stories, and more. At times, hosts or broadcasters would convey serious issues in a humorous manner to lighten their moods. Many shows have discovered this perfect formula over generations, resulting in several of the best entertainment news shows of all time. Today, the primary source of news can be found on YouTube. It can be streamed to see the happenings of the world and even see some humorous content like memes on social media that would surface because of this application [40; 41].

◆ **Newspaper vs. Social Media Networks.** Newspaper articles are used to discuss the latest headlines of current events. It includes photos, reports, facts, charts, polls, and controversial debates that may be incorporated with humor. Humor is used to condemn or strike something that they dislike, it may be used in editorials to satirically convey a pressing concern. *The Manila Times* released a comic entitled ‘Disarming the Nuke’. This animated portion presented a deep meaning – depicting the humanistic repercussions of nuclear weapons. Over the years, Facebook* has been invented which has become the most popular social network to interact with others. It can be used to spread news like the newspaper [42]. Humorous content is being dispersed on this application through memes derived from the news. An example would be the ‘stolen’ SM Mall of Asia (MoA) Globe on the Facebook*. Marketplace. It was nothing more than a publicity stunt for the Netflix Film Red Notice.

◆ **Advertisements.** Global advertising strategies have come to use the method of humor. However, humorous ads would have to depend on what is humorous to that certain country. For example, Jiang, T., Li, H., & Hou, Y. (2019) [43] found that Westerners and Easterners have different methods of humor. Westerners have positive humor and are considered important in their daily life. Easterners, on the other hand, are the complete opposite [44; 45]. There is no universally accepted classification of humor types but there is perceived importance to sorting humor into conceptual, theoretical, or practical-oriented categories. These classifications are used more in advertisements and television, in comparison with print media forms [46; 47; 48].

◆ **Comics.** Comic strips first emerged in the 1930s in the Sunday newspaper. It was a serial, single-panel comic that had a simple humorous storyline. The ‘*Yellow Kid*’ was the first ever comic that debuted in New York City. The artist back then used word balloons and sequential panels with a continuing cast found on the newspaper feature. It focused on children and ethnic humor which became popular in printed newspapers. Years passed, and the comic strip evolved into comic books with four predominated types: slice-of-life, humor, non-fiction, and science fiction/fantasy. The humorous comics are satirical with characters having unique features that make them look funny.

◆ **Movie Posters.** Movie posters are used as media forms to attract the attention of people to watch the film. In the past, early movie posters were influenced by advertisements. The main style used by poster designers was to showcase a certain scene or characters of the film. Comedic posters used to have a cartoony design to them as they tended to exaggerate the physical appearances of the cast. At present, comedic posters look more real. They follow a certain color palette or color scheme and focus more on how to make the cast look funny [49].

* Социальная сеть Facebook в России признана экстремистской и запрещена.

The Distinction of Filipino Comedic Style and Content as would be suggested by Hechanova. Humor plays a significant role in social media. This is seen through memes and caricatures that create feelings of joy to brighten one's mood. The impact of social interaction between users on mobile applications varies which includes immersion, social presence, and entertainment stimulated by mobile videos [50]. Not only that, but companies also use humor in advertisements, movie posters, and comics to appeal to and gain the attention of customers [51].

Old advertisements in American companies such as Old Spice (1957), McDonald's '*Going Batty*' (1983), and Dodge's '*Charger 500*' (1970) present humor influenced by slapstick cartoons. This is either by displaying exaggerated actions of the body or making use of slapstick cartoons within the advertisements. In comparison to newer advertisements of the same company, Old Spice's '*Really Weird Commercial for Soap*' (2014), McDonald's '*Give me back that Filet-o-Fish*' (2008), and Dodge's '*Chrysler Jeep*' (2008) presents nonsensical and pointless humor [21].

Foreign movie posters such as *Benyamin Biang Kerok* (1972) was handmade, showing a certain scene in the film. The placard paint technique was used to create thick strokes for a thicker image and film titles were usually bright, in contrast to the background. Humorous films have characters shown in a caricature style, smiling, and having bigger heads to signify that the movie is for laughs [52]. Posters nowadays adopt fun, laughter, and lightheartedness to their designs by using expressive photography as well as bright, optimistic color palettes.

In America, Archie Comics has evolved over 80 years in terms of humorous content [53]. The radio show is the first media form to feature the Archie characters. This would be equivalent to today's scripted podcasts. In the political generation, the comics had inappropriate covers and jokes that were sexist and chauvinist that were humorous. The obsession was always about love triangles and daily teenage drama [54]. In the digital generation, modernized Archie doubled down more on themes of humor, heart, and horror [55]. Later, it was adapted into a Netflix series called *Riverdale*. The film leans more toward the darker side where teens are introduced to crime, cults, and violence.

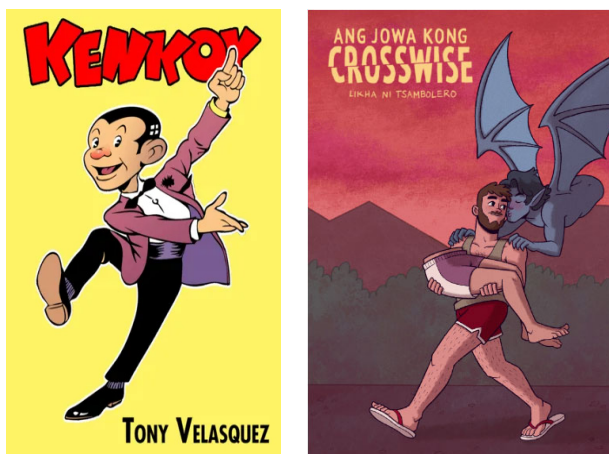
Humor may even mitigate criticisms, reprimands, or requests, diffusing conflict [56; 57]. It also allows speakers to not look too strong or overbearing in what they are communicating. The tools of humor and comedy have been used as a cultural-resonant instrument to effectively relieve anxiety-producing evidence. It aids to overcome difficult topics through entertainment in non-threatening ways [58]. In foreign countries, the government uses humor with a touch of sensitivity to relieve communities through the after-effects of disasters. There are considerations of humor topics, the nature of the issue or crisis, timing, appropriate channel, and the relationship between the source of information and the public [15]. Hence, humor is helpful in transactional and relational objectives, even contributing to humor support in the comment sections online [38; 59].

Methodology. The study used a purposive selection of intergenerational media form content and employed content analysis of the changes in generational humor depicted in the following media forms: comics, advertisements, and movie posters. There were three materials of each media forms all of which were purposely selected using the criteria of them being either made or directed by a Filipino; and were from the period of the two generations of Filipinos considered in the study. The thematic content of which were either but was not limited to politics or popular culture. The selected materials

were juxtaposed with equivalents from other countries which will helped in providing corroboration of the changes in generational humor in a global context. With these in mind, the researchers were able to establish that there were: (1) similarities of humor presented in the selected materials, (2) differences of humor in the selected materials, and (3) a distinct style of humor which the two Filipino generations subscribed to.

Findings. During this study, the researchers selected three media forms where humor is presented, namely comics, television advertisements, and movie posters. Each of these media forms has its own ways of presenting and displaying the humorous content and purpose as can be seen in the following:

◆ **Comics.** *Mga Kabalbalan ni Kenkoy* [The Misadventures of Kenkoy] was the first ever comic strip made by Tony Velasquez – the Father of Philippine Comics. During the Political Generation, this comic was considered humorous because of *Kenkoy's* character. It painted an image of a Filipino who was trying hard to keep up with America's lifestyle, influences, and teachings [60]. He wore a tuxedo, suspenders, and Converse shoes which seemed to be inspired by the Beatles as seen in Figure 1a. It was perceived as hilarious for a Filipino's inappropriate choice of clothing. This is because suits are uncomfortable, and it is rarely worn as it mismatches the tropical climate of the country.

(a)

(b)

Figure 1. Selected Filipino Comics

(a) *Mga Kabalbalan ni Kenkoy* pub. 1929, by T. Velasquez, representing the Political Generation;

(b) *Ang Jowa Kong Crosswise*, pub. 2021, by Tsambolero, representing the Digital Generation.

The main character in the comic was known for his carabao English accent: “*Weit-aminit!*” [wait a minute!], “*Huat is dat?*” [what is that?], “*Halo, how is yu?*” [Hello, how are you?], “*Let’s tek ewok!*” [Let’s take a walk!]. This seems to reflect the lower educational standards of the Philippines. Filipinos before would speak strange English and would choose to avoid conversing with others out of shyness or embarrassment [61]. However, in this case, Kenkoy was loud and proud of his English accent which was viewed as funny.

Back then, politics was used to make comics funny in a way that involved American culture and how it was coveted by most Filipinos at that time. This type of comedy may be satirical in the sense that Filipinos viewed it funny but also presented them with politicized ideas of identity, colonialism, and control [62]. The comics and their seemingly comedic yet thought-provoking content were later adapted into a movie in the 1950s.

In the Digital Generation, comics shifted from print and movies to online digital. One of which is known as a ‘Webtoon’. Webtoons are a form of digital storytelling for comics meant for mobile devices. An example of a webtoon platform in the Philippines is called *Penlab* (penlab.ink). These webtoons are digitally illustrated with chapters often being published per week. Filipino webtoons nowadays focus more on Filipino culture where love stories are highlighted, turning them into humorous narratives. “*Ang Jowa Kong Crosswise*” [My Crosswise Boyfriend] by Tsambolero from Penlab is a great example. It centers on a gay couple falling in love as seen in Figure 1b. However, this queer webtoon has a touch of Philippine mythology as the other character is a *manananggal*, a scary and hideous creature and is often depicted as female, capable of severing its upper torso while sprouting with its bat-like wings to fly at night in search of couples in love.

The story presents the local myth differently in a way that the *mananggal* is a man and does not prey on others. Instead, he finds himself in love with another man. The narrative is symbolic in a way that the so-called ‘monster’ is equated to the LGBTQIA+ community* — people who are closeted as they are viewed differently from society like the creature. As it separates itself from its upper torso, it may symbolize its sexual orientation coming out at night. The story somehow brings to light how gay couples are not as bad as the Filipinos bring them out to be. The webtoon presented it humorously, centering on the unspectacular couple and the need to catch up with the norms of today.

Overall, politics is heavily applied in both comics in the Political and Digital generation. *Mga Kabalalan ni Kenkoy* [The Misadventures of Kenkoy] used humor in a way that when Filipinos aspire for something such as applying the norms of American society, it is viewed as hilariously ‘trying hard.’ It used satirical humor to criticize Filipinos and view them as a joke. On the other hand, *Ang Jowa Kong Crosswise* [My Crosswise Boyfriend] embraced Filipino culture and showed the importance of the rights of the LGBTQIA+ community*. The webtoon served as a queer comic platform to portray a loving story between two men. It used romantic-comedy and local myths to present taboo topics in the country. Before, applying the norms from a foreign land was humorous, and now, as the webtoon illustrated, the inability to do so is viewed as funny.

◆ **Advertisements.** The use of humor in advertising is a complex topic [63]. Even 55% of executives believe that humor is superior compared to non-humor advertising [64]. In general, humor creates a positive effect that is powerful to attract consumers’ attention. Characteristics of humor shown in these advertisements are shown contrastingly by different generations. Filipino television advertisements do not fail to make use of humor in their presentations. Usually, celebrity endorsements are used as a popular method to market products [65]. Such advertisements are used

* Деятельность Международного общественного движения ЛГБТ запрещена в Российской Федерации.

by companies in various fields of industries, may it be food, beverages, cleaning products, etc.

In the Political Generation, San Miguel Corporation's *'Mag Beer Muna Tayo'* [Let's Have Beer First] advertisement (1975) became known for its slapstick comedic nature that highlights Filipino values, presented by Bert *'Tawa'* Marcelo. This 31-second commercial began as Bert angrily narrated that a man named Bruno had not yet paid his debt. Upon waiting outside his door, he shouts his name and to his surprise, Bruno had punched someone to the point of ultimately destroying the doorway. As he sees his debtor, he nervously laughs and tells him, "*Mag Beer Muna Tayo!*" [Let's Have Beer First]. The scene shifted to a happy setting of the three men, including the one who had been hurt, enjoying themselves with a glass of beer as seen in Figure 2a. In the end, the main character received the money he had been owed. The advertisement debunks and criticizes the stereotypical *'utang'* [debt] culture in the Philippines by making it funny. When borrowing money from another, it seems to put on this negative assumption that the person in debt would not be able to pay back his creditor. However, in this case, it promoted not only the product but Filipino values to counter debt culture with *pakikisama* [to conform or play along], *pagka-kaibigan* [friendship], and *pagka-masayahin* [cheerfulness]. This became funny as it encouraged the language of alcohol to solve away the problem regarding associating lasting friendships over one bottle of beer at a time. Additionally, the exaggerated gestures and facial expressions of the characters are also what made the advertisement so humorous.

(a)

(b)

Figure 2. Selected Filipino Advertisements

(a) *'Mag Beer Muna Tayo!* [Let's Have Beer First.], pub. 1975 by San Miguel Corporations, representing the Political Generation; (b) *'Mag Beer Call Muna Tayo!* [Let's do a virtual call while drinking beer, first.], pub. 2021, by San Miguel Corporations, representing the Digital Generation

In the Digital Generation, San Miguel Corporation's *'Mag Beer Call Muna Tayo!* [Let's do a virtual call while drinking beer, first] advertisement (2021) was released in commemoration of legendary comic Bert *'Tawa'* Marcelo. This one-minute commercial was different from the first one in a way that it had a jingle to it. It clearly illustrated how mobile devices and technology brought people together at the height of the COVID-19 pandemic as seen in Figure 2b. It humorously showed the new normal culture of Filipinos from the shift of face-to-face gatherings to an online setting with the involvement of alcohol. Similarly to the original advertisement, it still portrayed Filipino values of friendships, hard work, determination, joyfulness, and companionship in their lyrics. The humor lies in the reality of the Filipinos who had

to come together or had parties in digital meetings with alcoholic beverages as they had to adjust to the strict safety protocols released by the government.

Overall, it can be said that both advertisements under the same corporation during the Political and Digital Generation magnify Filipino values. Though they are both presented in different ways, it can be seen how these advertisements promote their products to their target audience in a humorous manner. In the political generation, slapstick comedy was used in the plot and with characters who exaggeratedly portrayed themselves in an obscure way. It also criticized the debt culture in the Philippines by making it funny over a San Miguel beer. In the digital generation, it incorporated the benefits of technology, a jingle, and the funny reality of the Filipinos adjusting to the new norms of the pandemic.

◆ **Movie Posters.** Studios produce movie posters to promote films. The purpose of a movie poster is to promote an approaching film by gaining the interest of the viewers. To create comedic movie posters, they must (1) photograph the cast, (2) create the scene, (3) add a title, (4) add one-liners, and (5) choose the color. Elements include iconography, interest, appeal, style, lasting appeal, and recognizability that have changed over the years.

Figure 3. Selected movie posters
(a) *Wanted Perfect Father*, RVQ Productions, pub. 1994, by Efren Jarlego, representing the Political Generation; **(b)** *Praybeyt Benjamin*, Star Cinema, pub. 2011, by Wenn V. Deramas, representing the Digital Generation

When advertising comedic movies, production companies use two tricks —the title must be big, bold, red, and attractive. The use of this color helps give meaning to the film which symbolizes love, rage, blood, etc. Philippine comedy portraits in the past such as Figure 3a. *Wanted Perfect Father* (1994) is known to be hand drawn. Most humorous posters back then portray smiling faces with distorted body parts such as having big heads and small bodies to make the film look comedic. In the Digital Generation, they are no longer drawn but focus more on the actors for the film, rather than portraying a glimpse of the film's scenes. They use digital software to create their designs that are more heavily advertised on social media than in print. In old films, we can see that they use more facial expressions and body disfigurements

to make the movie poster seem humorous compared to new films, which contain real photos of the actors such as Figure 3b. *Praybeyt Bengamin* (2011).

Comedic movie posters of the Political Generation tend to be hand drawn, show body distortions to portray humor, and showcase a certain scene of the film, whereas comedic movie posters in the digital generation, although they are similar in re-using the styles of old movie posters, are more digitally edited and show a pop of color. The main differences we can see between old and new movie posters are the designs and colorations, as well as the use of different styles to make the poster look humorous. A few distinct styles between old and new movie posters are the use of caricature style, which is having body distortions, color symbolism, and digital design.

Conclusions. In conclusion, the study has looked at various forms of media where humor is presented. The researchers of this study have taken into consideration the media form such as comics, advertisements, and movie posters, and purposely selected Filipino materials that have presented humor in line with the Filipino experience. These are then juxtaposed to find similarities and differences in the produced content. This is with the aim to determine what kind of humor a generation subscribes to.

The findings of this research have found that both the Political and Digital Generations have similarities and differences. Firstly, both generations are similar in the way they present content stemming from the identity of Filipino culture, politics, and values. These values include the importance of friendship, determination, companionship, diligence, and moreover, the significance of close family ties. However, in the Political Generation, humor is often associated with politics and is displayed either in an exaggerated or satirical manner to criticize Filipinos for their beliefs, lifestyles, politics, and values. Back then, foreign culture alongside taboo topics had not been embraced and is more subtle in their presentation of such topics. But as time evolved, the Digital Generation used humor to showcase a sense of embracement of these said foreign and taboo values; explicitly on subjects such as homosexuality (as seen in the media form of comics and movie posters). This generation has adjusted to the norms not only brought by the pandemic, but the new ideologies presented in this generation.

The findings also add to the veracity in that humor is meant to target a certain impact on audience attitudes, political engagement, and social change. Generational humor has the potential to form social critique as supported by the work done by Dmitriev in 1998 [8] and Astapova in 2015 [9]. The findings also further support the work of Brugman's (2022) [12] on the effectiveness of satirical news in influencing public opinion, highlighting its ability to evoke emotional responses, increase engagement, and promote learning packaged as a comedic style. Both generations are found to favor one brand of comedic expression over others. The Political Generation tends to favor a slapstick comedic style in their expression of humor whereas the Digital Generation favors a parodic type of comedic expression, parodying in a manner that asserts their sense of identity that diverts and even contradicts the Political Generation.

Библиографический список / References

1. McCrindle M. Word up: A Lexicon and guide to communication in the 21st century. Sydney: Halstead Press; 2010. ISBN 9781920831851.
2. Meaney J. A. Crossing the line: Where do demographic variables fit into humor detection? In: Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Stroudsburg: Association for Computational Linguistics; 2020. P. 176–181.

3. Kingstone H. Generational identities: Historical and literary perspectives. *Social and Personality Psychology Compass*. 2021;15(10):e12641. DOI [10.1111/spc3.12641](https://doi.org/10.1111/spc3.12641). EDN WULEGJ.
4. Chanos G. J. *Millennial Samurai: A mindset for the 21st century*. Independently Publ.; 2020. ISBN: 978-1688563339.
5. Salvosa H. C., Hechanova M. R. Generational differences and implicit leadership schemas in the Philippine workforce. *Leadership & Organization Development Journal*. 2021;42(1):47–60. DOI [10.1108/LODJ-08-2018-0314](https://doi.org/10.1108/LODJ-08-2018-0314).
6. Lüders M. Conceptualizing personal media. *New Media & Society*. 2008;10(5):683–702. DOI [10.1177/1461444808094352](https://doi.org/10.1177/1461444808094352).
7. Thompson J. B. *Ideology and modern culture: Critical social theory in the era of mass communication*. Cambridge: Polity Press; 2013.
8. Дмитриев А. В. Социология политического юмора М. РОССПЭН, 1998. 332 с. URL: <https://djvu.online/file/GcbeRvFo9h5re> (accessed: 09.07.2024). Dmitriev A. V. *Sociology of political humor: essays*. Moscow: ROSSPEN; 1998. (In Russ.). Available at: <https://djvu.online/file/GcbeRvFo9h5re> (accessed: 09.07.2024).
9. Astapova A. Why all dictators have moustaches: Political jokes in contemporary Belarus. *Humor*. 2015;28(1):71–91. DOI [10.1515/humor-2014-0142](https://doi.org/10.1515/humor-2014-0142).
10. Becker A. B., Haller B. A. When political comedy turns personal: humor types, audience evaluations, and attitudes. *Howard Journal of Communications*. 2014;25(1):34–55. DOI [10.1080/10646175.2013.835607](https://doi.org/10.1080/10646175.2013.835607).
11. Boukes M., Hamelaers M. Shattering populists' rhetoric with satire at elections times: The effect of humorously holding populists accountable for their lack of solutions. *Journal of Communication*. 2020;70(4):574–597. DOI [10.1093/joc/jqaa020](https://doi.org/10.1093/joc/jqaa020).
12. Burgers C., Brugman B. C. How satirical news impacts affective responses, learning, and persuasion: A three-level random-effects meta-analysis. *Communication Research*. 2022;29(7):966–993. DOI [10.1177/00936502211032100](https://doi.org/10.1177/00936502211032100). EDN SPZUJT.
13. Brok A. Modelling the complexity of humour – Insights from linguistics. *Lingua*. 2017;197:5–15. DOI [10.1016/j.lingua.2017.04.008](https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.04.008).
14. Dynel M. But seriously: On conversational humour and (un)truthfulness. *Lingua*. 2017;197:83–102. DOI [10.1016/j.lingua.2017.05.004](https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.05.004).
15. McBride S. K., Ball J. #TheSmoreYouKnow and #emergencycute: A conceptual model on the use of humor by science agencies during crisis to create connection, empathy, and compassion. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2022;77:102995. DOI [10.1016/j.ijdr.2022.102995](https://doi.org/10.1016/j.ijdr.2022.102995). EDN NJFSKA.
16. Borum C. *The revolution will be hilarious: Comedy for social change and civic power*. NYU Press; 2023. ISBN: 978-1479810833.
17. Davies C. E. An autoethnographic approach to understanding identity construction through the enactment of sense of humor as embodied practice. *Journal of Pragmatics*. 2019;152:200–215. DOI [10.1016/j.pragma.2019.02.010](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.02.010).
18. Plessen C. Y., Franken F. R., Ster C. [et al.]. Humor styles and personality: A systematic review and meta-analysis on the relations between humor styles and the Big Five personality traits. *Personality and Individual Differences*. 2020;154:109676. DOI [10.1016/j.paid.2019.109676](https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109676). EDN TAIDPS.
19. Hirsch G. Humor appreciation in the digital era. *Lingua*. 2017;197:123–140. DOI [10.1016/j.lingua.2017.06.016](https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.06.016).
20. Berger A. A. *Humor, psyche, and society: A socio-semiotic analysis*. Vernon Press; 2020. ISBN: 978-1622738083.
21. Gournelos T., Greene V. (eds.). *A decade of dark humor: How comedy, irony, and satire shaped post-9/11 America*. Jackson: University Press of Mississippi; 2011. ISBN: 978-1617038235.
22. Veale T., Valitutti A. Tweet dreams are made of this: Appropriate incongruity in the dreamwork of language. *Lingua*. 2017;197:141–153. DOI [10.1016/j.lingua.2017.07.004](https://doi.org/10.1016/j.lingua.2017.07.004).
23. Heintz S., Ruch W. From four to nine styles: An update on individual differences in humor. *Personality and Individual Differences*. 2019;141:7–12. DOI [10.1016/j.paid.2018.12.008](https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.12.008).
24. Vrabel J. K., Zeigler-Hill V., Shango R. G. Spitefulness and humor styles. *Personality and Individual Differences*. 2017;105:238–243. DOI [10.1016/j.paid.2016.10.001](https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.10.001).
25. Wei H., Shan D., Wang L., Zhu S. Research on the mechanism of leader aggressive humor on employee silence: A conditional process model. *Journal of Vocational Behavior*. 2022;135:103717. DOI [10.1016/j.jvb.2022.103717](https://doi.org/10.1016/j.jvb.2022.103717). EDN YGXUIL.

26. Jach L., Kubicius D., Jonason P. K. “Do they fit together like the Joker and Harley Quinn?": Joking, laughing, humor styles, and dyadic adjustment among people in long-term romantic relationships. *Personality and Individual Differences*. 2022;199:111859. DOI [10.1016/j.paid.2022.111859](https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111859). EDN [GVEJLR](#).
27. Wu C.-L., Lin H.-Y., Chen H.-C. Gender differences in humour styles of young adolescents: Empathy as a mediator. *Personality and Individual Differences*. 2016;99:139–143. DOI [10.1016/j.paid.2016.05.018](https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.05.018).
28. Yamane H., Mori Y., Harada T. Humor meets morality: Joke generation based on moral judgement. *Information Processing & Management*. 2021;58(3):102520. DOI [10.1016/j.ipm.2021.102520](https://doi.org/10.1016/j.ipm.2021.102520). EDN [EWFPU](#).
29. De Ridder A., Vandebosch H., Dhoest A. Examining the hedonic and eudaimonic entertainment experiences of the combination of stand-up comedy and human-interest. *Poetics*. 2022;90(4):101601. DOI [10.1016/j.poetic.2021.101601](https://doi.org/10.1016/j.poetic.2021.101601). EDN [BJJDMV](#).
30. Lederer P. S. Mike Nichols. Elaine May, Mel Brooks, and Woody Allen’s “New Cabaret”: Underground Jewish humor and the evolution of the new Hollywood aesthetic. Doctoral dissertation, Queen’s University Belfast. 2021.
31. Iglíkova R. Translation techniques in Walt Disney animation studios feature film titles – a comparative study of Bulgarian and Russian translations. *Knowledge – International Journal*. 2023;61(5):955–960.
32. Ayling K., Brown M., Carlisle S. [et al.]. Optimizing mood prior to influenza vaccination in older adults: A three-arm randomized controlled trial. *Health Psychology*. 2024;43(2):77–88. DOI [10.1037/hea0001267](https://doi.org/10.1037/hea0001267). EDN [RFNMUT](#).
33. Green B. R. The artist’s code: Technology and the optimization of creativity in Hollywood. Los Angeles: University of California; 2023.
34. Balmores-Paulino R. S. An exploration of the schema and function of humor. *Israeli Journal for Humor Research*. 2018;7(2):43–63.
35. Dionigi A., Duradoni M., Vagnoli L. Humor and anxiety: The relationship between the comic styles, worry and general well-being. *Personality and Individual Differences*. 2021;181(4):111028. DOI [10.1016/j.paid.2021.111028](https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111028). EDN [MTNHU](#).
36. Kfrer M. L., Bell E., Schermer J. A. The politics of being funny: Humor styles, trait humorosity, and political orientations. *Personality and Individual Differences*. 2021;182:111073. DOI [10.1016/j.paid.2021.111073](https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111073). EDN [AIULXO](#).
37. Stoltzfus-Brown L. Mapping myriad positionalities in Amish media studies. *Journal of Amish and Plain Anabaptist Studies*. 2020;8(1):65–74.
38. Dynel M., Chovanec J. Creating and sharing public humour across traditional and new media. *Journal of Pragmatics*. 2021;177:151–156. DOI [10.1016/j.pragma.2021.02.020](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.02.020). EDN [RYMQKC](#).
39. Keeton B. J. What is a podcast? A brief history, how to listen to them, and how to create them. Elegant themes; 2020. Available at: <https://www.elegantthemes.com/blog/marketing/what-is-a-podcast-a-brief-history-how-to-listen-to-them-and-how-to-create-them> (accessed: 09.07.2024).
40. Hussein A. T., Aljamali L. N. COVID-19 humor in Jordanian social media: A socio-semiotic approach. *Heliyon*. 2020;6(12):e05696. DOI [10.1016/j.heliyon.2020.e05696](https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05696).
41. Vásquez C., Aslan E. “Cats be outside, how about meow”: Multimodal humor and creativity in an internet meme. *Journal of Pragmatics*. 2021;171:101–117. DOI [10.1016/j.pragma.2020.10.006](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.10.006). EDN [HZMIJB](#).
42. Facchinetti R. News discourse and the dissemination of knowledge and perspective: From print and monomodal to digital and multisemiotic. *Journal of Pragmatics*. 2021;175:195–206. DOI [10.1016/j.pragma.2021.01.015](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.015). EDN [AHYIGB](#).
43. Jiang T., Li H., Hou Y. Cultural differences in humor perception, usage, and implications. *Frontiers in psychology*. 2019;10:123. DOI [10.3389/fpsyg.2019.00123](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00123).
44. Hoffmann S., Schwarz U., Dalicho L., Hutter K. Humor in cross-cultural advertising: A content analysis and test of effectiveness in German and Spanish print advertisements. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014;148:94–101. DOI [10.1016/j.sbspro.2014.07.022](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.07.022).
45. Dimitrieska S., Koneska L., Kozareva K. G., Teofilovska J. The power of private brands. *CBU International Conference Proceedings*. 2017;5:114–119. DOI [10.12955/cbup.v5.911](https://doi.org/10.12955/cbup.v5.911).
46. Speck P. S., Schumann D. W., Thompson C. Celebrity endorsements-scripts, schema and roles: Theoretical framework and preliminary tests. *Advances in consumer research*. 1988;15(1):69–76.

47. Catanescu C., Tom G. Types of humor in television and magazine advertising. *Review of business*. 2001;22:92–95.
48. Hoang H., Antoncic B. Network-based research in entrepreneurship: A critical review. *Journal of business venturing*. 2003;18(2):165–187. DOI [10.1016/S0883-9026\(02\)00081-2](https://doi.org/10.1016/S0883-9026(02)00081-2). EDN [BGEQJP](https://doi.org/10.1016/S0883-9026(02)00081-2).
49. Meng R., Shen X. Research on fonts in the design of movie posters. In: 7th International Conference on Arts, Design and Contemporary Education (ICADCE 2021). Atlantis Press; 2021. P. 331–334. DOI [10.2991/assehr.k.210813.057](https://doi.org/10.2991/assehr.k.210813.057).
50. Wang Y. Humor and camera view on mobile short-form video apps influence user experience and technology-adoption intent, an example of TikTok (DouYin). *Computers in Human Behavior*. 2020;110:106373. DOI [10.1016/j.chb.2020.106373](https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106373).
51. Bakar F., Kumar V. The use of humour in teaching and learning in higher education classrooms: Lecturers' perspectives. *Journal of English for Academic Purposes*. 2019;40:15–25. DOI [10.1016/j.jeap.2019.04.006](https://doi.org/10.1016/j.jeap.2019.04.006).
52. Patria A. S., Kristiana N., Aryanto H. Comedy film posters in the 70's Era: content analysis of changing trends. In: Proceedings of the Social Sciences, Humanities and Education Conference (SoSHEC 2019). Atlantis Press; 2019. P. 172–177. DOI [10.2991/soshec-19.2019.37](https://doi.org/10.2991/soshec-19.2019.37).
53. Kunka A. J. Crime: From EC Comics to Ed Brubaker. In: Baetens J, Frey H, Leroy F, eds. *The Cambridge Companion to the American Graphic Novel*. Cambridge University Press; 2023:106–121.
54. Gerrard Y. Derision, guilt and pleasure: teen drama fandom in a social media age. Doctoral dissertation, University of Leeds; 2017.
55. Brownlee E. M. Fighting for hope: The chronicles of Narnia and the Harry Potter series as transformative works for child readers traumatized by war. 2013. ISBN: 9781310208447.
56. Matwick K., Matwick K. Self-deprecatory humor on TV cooking shows. *Language & Communication*. 2017; 56:33–41. DOI [10.1016/j.langcom.2017.04.005](https://doi.org/10.1016/j.langcom.2017.04.005).
57. Kallio O., Masoodian M. Featuring comedy through ludonarrative elements of video games. *Entertainment Computing*. 2019;31: 100304. DOI [10.1016/j.entcom.2019.100304](https://doi.org/10.1016/j.entcom.2019.100304).
58. Boykoff M., Osnes B. A Laughing matter? Confronting climate change through humor. *Political Geography*. 2019;68:154–163. DOI [10.1016/j.polgeo.2018.09.006](https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2018.09.006).
59. Messerli T. C., Locher M. A. Humour support and emotive stance in comments on Korean TV drama. *Journal of Pragmatics*. 2021;178:408–425. DOI [10.1016/j.pragma.2021.03.001](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.03.001). EDN [SQJOBG](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.03.001).
60. Mendiburo-Seguel A., Heintz S. Comic styles and their relation to the sense of humor, humor appreciation, acceptability of prejudice, humorous self-image and happiness. *Humor*. 2020;33(3):381–403. DOI [10.1515/humor-2018-0151](https://doi.org/10.1515/humor-2018-0151).
61. Bolton K., Botha W., Kirkpatrick A. Asian Englishes today. *The Handbook of Asian Englishes*. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc; 2020. P. 1–11. DOI [10.1002/9781118791882.ch1](https://doi.org/10.1002/9781118791882.ch1).
62. Mateo F. V. Challenging Filipino colonial mentality with Philippine art. Master's Theses. 2016. Available at: <https://repository.usfca.edu/theses/196> (accessed: 09.07.2024).
63. Zinkhan G. M., Johnson M. From the editor: the use of parody in advertising. *Journal of Advertising*. 1994;23(3):III–VIII.
64. Weinberger M. G., Spotts H., Campbell L., Parsons A. L. The use and effect of humor in different advertising media. *Journal of advertising research*. 1995;35(3):44–56. EDN [BZVYXP](https://doi.org/10.1016/j.ssci.2015.01.006).
65. Senevirante D., Molesworth B.R.C. Employing humour and celebrities to manipulate passengers' attention to pre-flight safety briefing videos in commercial aviation. *Safety Science*. 2015;75:130–135. DOI [10.1016/j.ssci.2015.01.006](https://doi.org/10.1016/j.ssci.2015.01.006).

Received: 12.07.2024. Corrected: 23.10.2024. Accepted: 13.11.2024.

Information about the authors:

Don Antonio Velez, Assistant Professor, Department of Sociology – Anthropology; Doctor of Philosophy in Sociology (PhD Soc), College of Arts and Sciences, Xavier University – Ateneo de Cagayan, Cagayan de Oro City, Philippines. dvelez@xu.edu.ph
ORCID: [0000-0002-0089-5954](https://orcid.org/0000-0002-0089-5954)

Lawrence Christian Saldua, Bachelor of Arts in Interdisciplinary Studies Program, College of Arts and Sciences, Xavier University – Ateneo de Cagayan, Cagayan de Oro City, Philippines.

Alyssa Chantal Moreno, Bachelor of Arts in Interdisciplinary Studies Program, College of Arts and Sciences, Xavier University – Ateneo de Cagayan, Cagayan de Oro City, Philippines.

Ella Erika Santander, Bachelor of Arts in Interdisciplinary Studies Program, College of Arts and Sciences, Xavier University – Ateneo de Cagayan, Cagayan de Oro City, Philippines.

Vincent Airod Gamos, Bachelor of Arts in Interdisciplinary Studies Program, College of Arts and Sciences, Xavier University – Ateneo de Cagayan, Cagayan de Oro City, Philippines.

Д. А. Велес¹, Л. К. Салдуа¹, А. Ш. Морено¹, Э. Э. Сантандер¹, В. Э. Гамос¹
¹ Университет Ксавье – Атенео де Кагаян. Кагаян-де-Оро, Филиппины

КОМЕДИЙНЫЕ СТИЛИ В МЕДИА-ФОРМАТАХ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛИППИН)

Аннотация. В статье рассмотрены способы и приёмы, используемые филиппинскими медиа различных поколений для достижения комического эффекта. Авторы основываются на том, что юмор, присущий каждой культуре, обусловлен коллективным опытом, пережитым её представителями; влияние отдельных событий (политических потрясений, социальных перемен, технологических трансформаций) – столь велико, что разница в представлении и понимании юмористического контента может быть значимой даже между соседними поколениями. В рамках проведённого исследования авторы разбирают трансформацию медийных форматов, произошедших с массовым распространением интернета. В основе исследования лежит сравнение отдельных визуальных юмористических медиа-форм двух поколений филиппинцев (комиксы, реклама, киноафиши). В принятой авторами классификации одно из этих поколений (1946–1964 годов рождения) определяется как «политическое»; второе (1965–1980 годов рождения) – как технологическое/цифровое. В исследовании использовался целенаправленный отбор материалов, относящихся к медиа-формам разных поколений, и применялся контент-анализ изменений в юморе поколений. Было отобрано по три материала каждой медиа-формы, выделенные по следующим критериям: они были либо сделаны/срежиссированы филиппинцем, их создание относилось к периоду рассматриваемых поколений. Тематическое содержание материалов не ограничивалось политикой или популярной культурой. Отобранные материалы были сопоставлены с аналогами из других стран, что помогло бы подтвердить изменения в юморе поколений в глобальном контексте. Понимание взаимосвязи между форматами медиа-передачи и идеологией имеет решающее значение для понимания того, как медиа формируют социальный и политический ландшафт. Понимая динамическую природу медиа-форматов и идеологических влияний, заложенных в них, мы сможем более тонко понять роль медиа в формировании нашей социальной и политической реальности.

Ключевые слова: медиа-форма, комедия, юмористический стиль, политический юмор, комический эффект

Для цитирования: Велес Д. А., Салдуа Л. К., Морено А. Ш., Сантандер Э. Э., Гамос В. Э. Комедийные стили в медиа-форматах разных поколений (на примере Филиппин) // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 134–149. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.9](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.9). EDN [BQMFXZ](https://edn.bqmfxz.com).

Поступила: 12.07.2024. Доработана: 23.10.2024. Принята: 13.11.2024.

Сведения об авторах:

Дон Антонио Велес, доцент, департамент социологии и антропологии; PhD Soc, колледж искусств и наук, Университет Ксавье – Атенео де Кагаян. Кагаян-де-Оро, Филиппины. dvelez@xu.edu.ph
ORCID: [0000-0002-0089-5954](https://orcid.org/0000-0002-0089-5954)

Лоренц Кристиан Салдуа, студент программы бакалавриата искусств в области междисциплинарных исследований, колледж искусств и наук, Университет Ксавье – Атенео де Кагаян. Кагаян-де-Оро, Филиппины.

Алиса Шанталь Морено, студент программы бакалавриата искусств в области междисциплинарных исследований, колледж искусств и наук, Университет Ксавье – Атенео де Кагаян. Кагаян-де-Оро, Филиппины.

Элла Эрика Сантандер, студент программы бакалавриата искусств в области междисциплинарных исследований, колледж искусств и наук, Университет Ксавье – Атенео де Кагаян. Кагаян-де-Оро, Филиппины.

Винсент Эйрод Гамос, студент программы бакалавриата искусств в области междисциплинарных исследований, колледж искусств и наук, Университет Ксавье – Атенео де Кагаян. Кагаян-де-Оро, Филиппины.

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.10)
EDN SKYFCB
УДК 316.2

С. А. Федорова^{1*}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

СРАВНИТЕЛЬНАЯ АНАЛИТИКА ЭМПИРИЧЕСКИХ ОНТОЛОГИЙ А. Н. УАЙТХЕДА И Б. ЛАТУРА

Аннотация. В статье определяются и проблематизируются зоны влияния философии процесса А. Н. Уайтхеда на акторно-сетевую теорию и философию модусов существования Б. Латура. Аналитические процедуры реализуются в эмпирическом поле и затрагивают такие важные темы, как изменение направления вектора исследований от бытия к становлению, определение структуры эмпирического опыта, понимание процессуальности события, определение зон переходов между событиями и др. Исследование проводится последовательно на двух уровнях: уровне событийности и уровне ценностных траекторий. В качестве рабочей гипотезы выдвигается следующий тезис: два вида становления у Уайтхеда – «сращение» и «переход» – соотносимы с понятиями актор-сеть и траекториями модусов существования Латура. Кроме этого выявляются регионы концептуальных различий двух эмпирических онтологий. Главным из них признается отсутствие в акторно-сетевой теории потенциальной области вечных объектов. Устранение Латуром вечных объектов, имеющих первостепенное значение в философии Уайтхеда, выводит его онтологический проект на уровень актуальной событийности и ставит перед необходимостью поиска средств, обеспечивающих сетям повторяемость, устойчивость и стабильность. Обращение к позднему проекту Латура – философии модусов существования – показывает, что область потенциального, выведенная за рамки акторно-сетевой теории, появляется в его новом метафизическом проекте. По мнению автора настоящей статьи, – это ценностные модальные траектории. В завершение высказывается предположение о том, что ценностные модальные траектории могут быть сопоставлены с категорией виртуального в философии Ж. Делёза.

Ключевые слова: эмпирическая онтология, философия процесса, акторно-сетевая теория, философия модусов существования

Для цитирования: Федорова С. А. Сравнительная аналитика эмпирических онтологий А. Н. Уайтхеда и Б. Латура // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 150–169. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.10). EDN SKYFCB.

Введение. Область эмпирических онтологий, обращение к которой провозглашается Латуром в его главных проектах ANT¹ и AIME², представляет собой скорее попытку нащупать новые пути подступа к проблемам акторов, способам их существования и взаимоотношений, нежели глубоко продуманную и чётко проработанную метафизику. Этим отчасти объясняется концентрированное включение им в собственные исследования онтологических схем других авторов, которые он активно применяет для достижения тех или иных своих науч-

* Научный руководитель – Дмитрий Владиславович Иванов, доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). SPIN-код РИНЦ: 2100-1110.

¹ Actor-network theory (ANT) или акторно-сетевая теория (ACT).

² An Inquiry Into Modes of Existence (AIME) или философия модусов существования.

© © Федорова С. А., 2024

ных целей. Латуру необходимо уверенно обосновать в эмпирическом поле, именно поэтому он ищет значимые философские фигуры, которые работают в том же онтологическом регистре, что и он. Так он приобретает мощных союзников и укрепляет свой проект. В разное время и в разных текстах Латур обращается к таким именам как Г. Тард, У. Джеймс, А. Н. Уайтхед, Ж. Делёз и др. Полагаем, что успех аналитики эмпирических проектов самого Латура во многом будет зависеть от прояснения основных идей и концептов тех философских работ, на которые он опирается в ходе разработки своей методологии. В данной статье нас будут интересовать интенсивные точки вхождения в исследования Латура философских идей и концептов создателя философии процесса А. Н. Уайтхеда. Философия Уайтхеда выступит в качестве того проекта, который будет проанализирован с точки зрения его влияния на эмпирическую онтологию Латура. Для этого будет предпринят сравнительный анализ двух эмпирических философий.

Актуальность проведённого сравнительного анализа объясняется, *во-первых*, открывающейся возможностью прослеживания генезиса тех концептуальных преобразований эмпирической социологии Латура, которые произошли в момент его столкновения с философией Уайтхеда. Заимствуя из философии процесса отдельные категории и онтологические схемы, Латур использует их теоретический потенциал для трансформации собственных идей. *Во-вторых*, подробная аналитика основополагающих категорий Уайтхеда, взятая в динамике их последующей трансформации в латуровских текстах, делает осуществимым более глубокое различение изменений, которые происходят в самом эмпирическом поле, являющимся общим для обоих философов. *В-третьих*, появляется перспектива прогнозирования направления векторов, по которым с некоторой долей вероятности будут происходить дальнейшие изменения эмпирического поля и его концептуальных структур. Все это, на наш взгляд, позволяет выявить значимость творчества Латура для современной социологической теории и философии, а также обосновать необходимость более глубокого дальнейшего анализа его ключевых идей. Сразу оговоримся, что настоящее исследование не ставит перед собой задачу реализации всех перечисленных возможностей и перспектив, но только задаёт их в качестве предполагаемого теоретического горизонта.

Проблема влияния философских идей А. Н. Уайтхеда на социологию Б. Латура затрагивается как отечественными, так и зарубежными учёными. О. Е. Столярова в своей статье «Реляционная онтология А. Н. Уайтхеда и её конструктивистская интерпретация» [1] анализирует онтологический срез означенной проблемы. Автор полагает, что одной из причин активного обращения Латура к философскому наследию Уайтхеда является его возросшее внимание к «объектности», «вещам», «нечеловекам». Основные положения философии процесса, касающиеся переосмысления онтологического статуса объекта и субъекта, по мнению автора, совпадают с теоретическими задачами самого Латура, стремящегося совместить «реальность» и «конструкцию».

Теоретическая работа Н. А. Волковой [2], посвящённая поиску путей возвращения модусов существования Латура к «радикальному эмпиризму», также отчасти касается вопросов концептуальных влияний философии процесса на эмпирические проекты Латура. В частности, предлагая свою оригинальную модель эмпирической радикализации АИМЕ и выдвигая идею о возможном замещении понятия препозиции понятием аффорданса, автор обращается к концептам

«сращения» и «перехода», разработанным Уайтхедом в книге «Процесс и реальность», перенесённым и задействованным Латуром в его эмпирической метафизике.

С. С. Астахов [3] касается темы концептуальных влияний на Латура идей Уайтхеда в связи с анализом причин изменения категориального аппарата акторно-сетевой теории, произошедшего после 1999 года. Начиная с этого времени из ANT исчезает понятие актанта и появляется заместившая его категория пропозиции, перенятая у Уайтхеда.

Одним из влиятельнейших зарубежных философов-исследователей творчества Латура на сегодняшний день, безусловно, является Г. Харман, представитель объектно-ориентированной онтологии. В своей работе «Принц сетей» [4] философ уделяет значительное внимание описанию сходства центральных понятий двух эмпирических онтологий – Уайтхеда и Латура. Изучение сущности актуальных событий и акторов, анализ природы их взаимодействий позволяют Харману определить обе онтологии как окказионалистские: только в случае с Уайтхедом – это обновлённый окказионализм, а в случае с Латуром – окказионализм «светский».

Перейдём к сравнительному анализу. Для начала зададим то общее проблемное поле, в котором станет возможным прочертить концептуальные линии, по которым будет разворачиваться сравнительная аналитика всей сложной структуры эмпирического опыта двух философских проектов. Полагаем, что в качестве такого проблемного поля должна выступить сама зона эмпирических онтологий. Для удобства анализа исследование будет разбито на две части. В первой мы обратимся к зоне событийности и рассмотрим процесс становления события. В эмпирической социологии Латура эта концептуальная зона соответствует уровню ANT. Вторая часть будет посвящена аналитике процессуальных зон связи или переходов между событиями. У Латура эти процессы исследуются в работе AIME.

Уровень событийности. Точки влияния философии процесса Уайтхеда на эмпирический проект Латура выявляются уже в самом начале, на этапе определения принципов построения метафизических проектов. Речь идёт об устранении понятия субстанции и внимании к процессам становления. На место субстанции заступает процесс, а фокус философского интереса смещается на событие, процессы событийных трансформаций и взаимоотношений.

5 февраля 2008 года в Лондонской школе экономики и политических наук состоялся симпозиум «The Harman Review: эмпирическая метафизика Бруно Латура» [5], на котором главным предметом обсуждения стала рукопись американского философа Грэма Хармана «Принц сетей» [4], посвящённая вкладу Латура в философию. В ходе дебатов были затронуты вопросы, которые напрямую касались понимания Латуром природы эмпирического опыта. Нас будет интересовать дискуссия, развернувшаяся между двумя философами – Харманом и Латуром – вокруг определения природы отдельных объектов или событий, а также возможности их взаимодействия и изменения.

Анализируя объекты, или акторы, Латура, Харман обращает внимание на их сущностное сходство с актуальными событиями или актуальными сущностями в философии Уайтхеда. Как и актуальные сущности, акторы предельно конкретны. Они не существуют от момента к моменту, каждое последующее мгновение даёт изменившуюся сущность и перед нами уже совершенно иное

«действующее лицо». И для Уайтхеда, и для Латура до становления события времени и пространства не существует, они производятся самими акторами. Время — это результирующая процесса становления, а не его причина. Для иллюстрации этого положения Харман обращается к примеру Латура с теоремой Ферма, которая на протяжении многих веков не имела решения, но как только решение появилось, сразу произошло что-то необратимое — время создалось.

Каждое конкретное событие таково, каково оно есть вместе со всеми своими отношениями и качествами и не содержит в себе ничего в потенции. Основные вопросы, которые Харман адресует Латуру в связи с этим утверждением, — это вопрос, касающийся возможности изменения событий, и вопрос о взаимодействии акторов. Кроме того, Харман, опираясь на свою объектно-ориентированную философию, говорит о том, что в объекте всегда есть нечто устойчивое, что никак не зависит от вариации его качеств и отношений с другими объектами. Это устойчивое Харман иногда называет ядром вещей. Сравнивая в связи с этим заявление философию Латура и Уайтхеда, Харман отмечает, что и в философии процесса, и в акторно-сетевой теории вещь полностью исчерпывается своими отношениями, теряя при этом свою сингулярность.

На последнюю реплику Хармана по поводу первичности отношений Латур отвечает удивлением, заявляя, что для него, напротив, каждое событие/актор является сингулярностью, что каждая индивидуальность атомарна по своей природе. И именно по причине несводимости каждой конкретной сущности друг к другу становятся возможными переводы или медиации, а о самом исследовании можно говорить как об эмпирическом прослеживании изменяющихся деталей опыта.

Проблема изменения вещей проясняется посредством процедуры «перевода».

Вопрос о взаимодействии акторов Латур переводит в поле модусов существования, заявляя, что проблема не в том, как объекты вступают в отношения, а в том, что самих способов этих отношений может быть много, и важно заняться этим вопросом. Т.е. важно выявить, сколько способов есть у сущностей, чтобы удерживать себя в существовании, и сколько существует типов их связи друг с другом? Эти вопросы будут рассматриваться ниже, когда мы перейдём на уровень модальной логики траекторий или логики модусов существования. Сейчас же мы находимся на уровне акторно-сетевой теории, где проблема вариативности событийной связи ещё не ставится Латуром. А потому речь пока идёт только о проблеме сетевой циркуляции сущностей, аналитике ассоциаций, описании процессов модификации сетевых событийных связей и т.п.

Прежде чем перейти к аналитике событийности в философии процесса Уайтхеда, скажем ещё буквально несколько слов о понимании Латуром природы акторов. Для этого обратимся к его тексту 2005 года «Пересборка социального» [6]. В этом тексте Латур подробно исследует природу социального, понимая его как циркулирующий поток, становящиеся ассоциации, процесс трансформации связей в нестабильных и подвижных системах координат и др. В зоне категориальной проблематизации оказываются гетерогенные акторы, которые рассматриваются как молекулярные силовые скопления, неоднородные множественности, подвижные альянсы и др. Означенные множественности имеют различную природу и обладают сложной структурной организацией.

Обратимся теперь к пониманию событийности в эмпирической метафизике Уайтхеда. В своей работе «Наука и современный мир» (1925) [7] Уайтхед, описывая сущность процесса прогрессивного осуществления природных событий,

вводит понятие «охватывающей унификации» [7, с. 127]. В соответствии с этим понятием, природа определяется им как «...процесс экспансивного развития, с необходимостью переходящего от одного охватывания к другому» [7, с. 130]. Позже, в этой же работе, подробно рассмотрев означенный процесс и проанализировав его структурные составляющие, он отказывается от данного понятия, поставив на его место явление, событие, вещь.

Для прояснения концепции прогрессивного осуществления природных событий Уайтхед проводит аналогию с понятиями субстанции и модусов Спинозы. В основе каждой актуализации, по Уайтхеду, лежит вечная энергия, индивидуализирующаяся в событиях и эволюционирующая в процессе их становления. Эта энергия именуется им как «вечная основополагающая активность» или «субстанциальная активность». В той же работе «Наука и современный мир», в главе «Бог», Уайтхед даёт следующее определение основополагающей активности: «Это общая метафизическая определённая, она лежит в основе всех явлений, в специфическом модусе для каждого явления. Нет ничего, с чем можно было бы сравнить её; она напоминает бесконечную субстанцию Спинозы. Её атрибутами являются способность к индивидуализации во множестве модусов и область вечных объектов, синтезирующихся различными способами в этих модусах. Таким образом, вечная возможность и модальная дифференциация в индивидуальном многообразии являются атрибутами одной субстанции. Фактически каждый общий элемент метафизической ситуации является атрибутом этой субстанциальной деятельности» [7, с. 239]. Иными словами, каждое событие можно рассматривать как некое положение дел, получающее свою актуализацию в процессе индивидуализирующейся субстанциальной активности. Рассматривая основополагающую активность вне процесса актуализации, Уайтхед представляет её в виде трех образов: вечных объектов, возможных ценностей, взятых в виде синтетической области вечных объектов, а также фактов действительности, реализация которых предполагается в событии в будущем. «Итак, — по словам Уайтхеда, — исходным конкретным фактом является прогрессивное развитие природы. Первичный анализ разделил его на лежащую в основании активность охватывания и осуществлённые охватываемые события» [7, с. 127–128].

В книге «Процесс и реальность» (1929) [8]³, развивая далее свою эмпирическую метафизику, Уайтхед разрабатывает подробную систему категорий, углубляющую понимание механизмов актуализации природных событий. Здесь он обращается к философии Локка [7, с. 296], в которой его интересуют два вида становления в природе: «сращение» — внутреннее конституирование актуальной сущности, характеризующееся атомарностью и дискретностью; и «переход» — движение от одного актуально сущего к другому, характеризующееся непрерывностью. Эти два вида становления, по Уайтхеду, позволяют описывать изменяющийся мир. Сам философ определяет эти процессы как макроскопический и микроскопический, где первый понимается как «переход», а второй — как «сращение». Уайтхед пишет, что «...каждая актуальная сущность сама по себе может быть описана только как органический процесс. Она повторяет в микрокосме то, чем в макрокосме является вселенная» [7, с. 303]. В качестве предварительной гипотезы предположим, что в ходе анализа двух видов станов-

³ Далее мы будем ссылаться на исправленное издание этой книги (N.Y., 1978), под редакцией D. Griffin & D. Sherburne; а также на перевод двух глав, опубликованных в книге: Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990.

ления станет возможным соотнести процесс «сращения» с понятием актор-сеть в акторно-сетевой теории Латура, а процесс «перехода», или перемещения между событиями, с траекториями модусов существования.

Пока же продолжим аналитику категории «события», обратившись к процессу внутреннего становления актуальных сущностей или процессу «сращения» многообразного в единое. Для этого рассмотрим структуру эмпирического опыта. Описывая данную структуру в своей работе «Приключение идей» (1933) [7], Уайтхед говорит о субъект-объектной конструкции отношений. Однако в философии процесса субъект-объектная конструкция реализуется особым образом. Становление действительного происшествия или события включает в себя два полюса: полюс субъективного «беспокойства» об объекте, благодаря которому происходит вхождение объекта в субъективный опыт; и объективный полюс, представляющий собой «данность» вещи, и вызывающий особую активность в субъекте. Эта особая активность называется у Уайтхеда схватыванием (*prehensions*). «Оно (*схватывание* – курсив СФ), – пишет Уайтхед, – включает в себя три фактора: событие опыта, в рамках которого схватывание является элементом активности; данное, чья значимость стимулирует схватывание; это данное есть схваченный объект; наконец, субъективная форма, представляющая собой эмоциональную окраску, детерминирующую эффективность схватывания в данном событии опыта. Как образуется сам опыт, зависит от комплекса его субъективных форм» [7, с. 576–577]. В становлении индивидуальных событий опыта или актуальных сущностей принимают участие объекты, да и сами события опыта, как говорит Уайтхед, являются объектами для других событий. Однако как факт самореализации или как особый индивидуальный опыт, включающий в себя объективно данное, событие представляет собой субъективное эмоциональное единство. Следует особо отметить, что это субъективное единство или субъективность, формируется в процессе каждого схватывания. До акта схватывания субъективность ещё не оформлена, её становление происходит и завершается лишь в самом схватывающем процессе, является его результатом. Можно сказать, что объективная данность создаёт и структурирует субъективность.

Что же происходит на втором, объективном, полюсе становления индивидуального опыта? Метафизика Уайтхеда задаёт особую перспективу для постижения актуальных событий через их соотнесённость с потенциальной областью чувственных объектов. Эта потенциальная область представляет собой комплекс отношений, реализующийся в актуальных событиях. Уайтхед говорит, что для того, чтобы некая объективная сущность или вещь стала «данной» или «вошла» в процесс становления конкретного индивидуального опыта, она должна этому опыту предшествовать. Иными словами объекты или вещи должны быть данными до всякого опыта. Именно в таком виде осуществляется «вхождение» чувственных объектов в сложный процесс чувственного восприятия или актуализация потенциальности. Направление вектора схватывания идёт от объективной данности к формированию субъективности.

Модальная актуализация или, как говорит Уайтхед, локализация чувственных объектов, вводит нас в пространственно-временное поле событийности. Самостоятельное рассмотрение абстрактной области чувственных объектов позволяет пренебречь пространственно-временным континуумом. Но процесс индивидуализации приводит к тому, что действительный ход событий, выражающийся в терминах пространственно-временных отношений, накладывает определённые

ограничения на эту абстрактную область. Каждое актуальное событие ограничивает потенциальность, т.к. представляет собой актуализацию лишь ограниченного числа возможных аспектов или отношений вечных объектов. Вне этого ограничения любая возможность «...охватывает пространственно-временной континуум в каждой альтернативной пространственной ситуации и во всех альтернативных временах» [7, с. 223].

Описание сложного процесса осуществления события, его актуализации как осуществляющейся целостности немислимо без обращения к ценностной составляющей. Ценность — это то, что входит в структуру события как его ограничение, создающее вот этот конкретный действительный факт или внутреннюю реальность события. Этот факт предстаёт как результат вариативного выбора, происходящий в потенциальной области вечных объектов, и реализующийся в данной конкретной форме. Устойчивость, которую приобретает событие посредством осуществляющейся в нем ценности, позволяет событию оказывать влияние на трансформацию окружающей среды [7, с. 180–181]. Вне такой реализации в действительности мы можем говорить только о ценностных идеалах, присущих вневременным вечным объектам, но не имеющих реального воплощения в действительности. Вечные объекты сами по себе не наделяются ценностным смыслом. Только их модальная актуализация в действительном здесь и теперь задаёт ценностный регистр. Каждый индивидуальный факт не существует изолированно, но вмещает в себя всю событийную совокупность вселенной.

Заключительный этап в становлении актуальной сущности определяется Уайтхедом как стадия «удовлетворения» или «сатисфакции». На этом этапе происходит объективация актуальной сущности и создание условий для её вхождения в другие схватывания.

Добавим несколько слов о пространственно-временном континууме. Как мы видели, в процессе становления индивидуальной сущности происходит вхождение вневременных вечных объектов в пространственно-временное поле событийности. Выше уже отмечалось, что пространственно-временные отношения не даются до начала процесса становления. По словам Уайтхеда, они представляют собой «общую схему взаимосцепленных отношений» [7, с. 130] между событиями, становящуюся в самом процессе событийной актуализации. Каждое действительное происшествие включено в целостную событийную всеобщность вселенной как его неисключаемая часть, обладающая той же степенью реальности, что и вся эта целостность. Ж. Делёз в своей работе «Складка. Лейбниц и барокко» [9], анализируя философию процесса, обращается к сравнению двух пространственно-временных миров – Лейбница и Уайтхеда. Относительно философии Лейбница он говорит, что все его монады выражают один и тот же мир, который реализовался в действительности и получил принцип своей организации от Бога (подробнее см. [10]). В этом мире невозможно одновременное сосуществование невозможных друг другу событий. «У Лейбница, – пишет Делёз, – как мы видели – бифуркации, дивергенции серий – это настоящие границы между невозможными друг другу мирами, так что существующие монады интегральным образом включают в себя возможный мир, доводя его до существования» [9, с. 142]. По иному разворачивается ситуация у Уайтхеда: «Для Уайтхеда же (как и для многих современных философов) бифуркации, дивергенции, невозможности, несогласованности, наоборот, принадлежат к одному и тому же “пёстрому” миру, который уже не может быть включённым

в *экспрессивные единства*, но может только твориться или разрушаться сообразно схватывающим единствам и изменчивым конфигурациям или меняющимся «захватам» [9, с. 142]. Говоря иначе, в эмпирической онтологии Уайтхеда возможно одновременное сосуществование невозможных событий, к примеру, согрешившего и не согрешившего Адама. Можно сказать, что это уже не множество точек зрения на один единственный мир, но множество самих миров или способов бытия сущностей.

Пропозиция. Для дальнейшего анализа влияния эмпирической онтологии Уайтхеда на понимание событийности в проекте Латура необходимо переместить фокус нашего внимания на категорию «пропозиции». В 1999 году в работе «Надежда Пандоры» [11] Латур вводит в эмпирическое поле акторно-сетевой теории эту новую категорию, перенятую им у Уайтхеда, и начинает использовать её вместо термина актор-сеть. Исключение составляет только текст 2005 года «Пересборка социального», где концепт актор-сеть появляется вновь. Такое категориальное обновление объясняется более радикальным подходом Латура к проблеме корреляционизма бытия и сознания.

Здесь мы изменим логику нашего анализа, обратившись сначала к пониманию природы «пропозиции» в эмпирической метафизике Уайтхеда, а затем в акторно-сетевом проекте Латура.

Наиболее полную дефиницию понятия «пропозиции» Уайтхед даёт в работе «Процесс и реальность» [12]. Разъясняя значение категорий объяснения, он следующим образом определяет пропозицию: «Пропозиция (proposition) есть единство некоторых актуальных сущностей, обладающих способностью к формированию соединения с его возможной взаимосвязанностью, частично определяемой некоторыми вечными объектами, едиными в одном составном вечном объекте. Вовлечённые актуальные сущности называются “логическими субъектами”, сложный вечный объект есть “предикат”» [12, с. 24]. Данное определение пропозиции включает в себя две составляющие: вечные объекты и актуальные сущности. Из анализа структуры эмпирического опыта Уайтхеда мы знаем, что вечные объекты принадлежат к области чистой возможности, что делает их как бы «вынесенными» или отделёнными от мира актуализирующихся сущностей или действительных происшествий. Под категорию актуальных сущностей подпадают все реальные вещи, из которых состоит мир. Сами пропозиции, по словам Уайтхеда, «...не являются ни чистыми потенциальностями, ни чистыми фактами; они способ потенциальной связи, включающий и чистые потенциальности, и чистые реальности» [12, с. 188]. Иначе, пропозиции — это возможность воплощения в опыте некой абстрактной связи актуальных событий и вечного объекта, где вечный объект берётся в момент его реализации или вхождения в актуальное событие. Т.к. пропозициональная ситуация разворачивается на уровне процесса актуализации, Уайтхед говорит, что пропозиции существуют всегда только в опыте [7, с. 647]. В другом месте Уайтхед пишет: «Пропозиция не имеет ни особенности чувства, ни реальности связи. Она находится в исходной точке чувства и ожидает субъекта, который её почувствует. Её релевантность реальному миру посредством своих логических субъектов делает её соблазном для чувств. На самом деле многие субъекты могут ощущать её разными чувствами и с разнообразными чувствами» [12, с. 259]. Имеется в виду соотносённость пропозиции с той или иной субъективной формой. Существует вариативность субъективных форм, которые схватывают пропозиции. Уайтхед

называет это явление «полутеневым комплексом альтернатив». Суть в том, что одна и та же пропозиция может актуализироваться или схватываться различающимися сущностями, имеющими разные актуальные миры. Поэтому, несмотря на то, что состав пропозиции в таких случаях остаётся неизменным, мы все же говорим о различающихся пропозициях. Если в актуальном мире реальной сущности, схватывающей данную пропозицию, нет тех логических субъектов, которые эта пропозиция содержит, то пропозиция не будет существовать для этой конкретной реальной сущности.

Причастность пропозиции к реальным фактам или актуальным событиям позволяет Уайтхеду определить её как нечистую возможность, в отличие от вечных объектов, принадлежащих области чистой возможности. И в природе вечных объектов, и в природе пропозиций заложена неопределённость. Эта неопределённость выражается в непредсказуемости, в каких именно актуальных событиях они воплотятся. Отличием вечных объектов в данной ситуации является то, что их область может быть рассмотрена и проанализирована отдельно от процесса актуализации.

Обратимся теперь к эмпирическому проекту Латура. Как было сказано выше, термин пропозиция впервые вводится Латуром в акторно-сетевую теорию и получает концептуальную разработку в тексте «Надежда Пандоры» (1999). Поэтому в целях аналитики означенной категории логично будет использовать именно этот текст. Сразу уточним, что мы не будем останавливаться на детальном анализе причин такого обновления категориального аппарата ANT. Этот вопрос подробно рассматривается в диссертации С. С. Астахова «Проблема контингентности в акторно-сетевой теории» [3, с. 41]. Нас будет интересовать, как изменяется природа пропозиции при переводе её из поля эмпирической онтологии Уайтхеда в поле акторно-сетевой теории Латура.

В отличие от философии процесса, где пропозиция представляет собой способ потенциальной связи, хотя и происходящий только в опыте; в эмпирическом проекте Латура пропозиция — это становящаяся актуальная связь. Что же связывает пропозиция и с чем она имеет дело? Прежде всего, пропозиция обращается к актуальной событийности, а точнее, к проблеме событийной связи в условиях отсутствия Бога. Эта связь, или связывание, актуализируется на уровне внутреннего становления события или, используя язык философии процесса Уайтхеда, на уровне процесса «сращения» актуальной сущности. Кстати, и сам Латур в тексте «Надежда Пандоры», исследуя историчность своих акторов или историчность пропозиций, обращается к термину Уайтхеда «сращение». Под «сращением» он, как и Уайтхед, понимает изменение всех компонентов или обстоятельств события, приводящее в итоге к его уникальности и неповторимости. Латур говорит, что каждое событие или, актор, представляют собой пропозицию. В качестве примеров пропозиций приводятся Пастер, молочная кислота, фермент, лаборатория. Пропозиция преодолевает разрыв между природным и языковым миром, переводя все сущности в единую плоскость эмпирической онтологии. Латур даёт следующее определение категории пропозиции: «Они (*пропозиции* – курсив С.Ф.) не положения, вещи, субстанции или сущности, относящиеся к природе*, состоящей из немых объектов, обращённых к говорящему уму, но возможности, предоставленные различным сущностям для вступления в контакт. Эти возможности взаимодействия позволяют сущностям изменять свои определения в ходе события — в данном случае в ходе эксперимента» [11, с. 141].

Как мы помним, в философии Уайтхеда завершение процесса становления

или «сращения» актуальной сущности происходило на стадии сатисфакции или удовлетворения. Именно здесь актуальная сущность представляла полностью объективированной в мире для других сущностей, получала индивидуальность и была готова для вхождения в новые событийные альянсы. Процесс объективации происходил по мере вхождения вечных объектов в зоны действительности или актуализации. Очевидно, что в эмпирическом поле акторно-сетевой теории также происходит завершение процесса становления сущности. Однако здесь дело обходится без потенциальной области вечных объектов. Латур решает проблему становления независимой субстанции посредством понятия артикуляции. В терминологическом словаре, составленном к тексту «Надежда Пандоры», он говорит об артикуляции как об онтологическом свойстве вселенной [11, с. 303]. Между пропозициями устанавливаются отношения, называемые «артикуляцией». Сущностной природой пропозиций является их свойство вступать в связи друг с другом, приводящие к их трансформации и обновлению. При этом реализация этих связей исключает необходимость существования человеческого или божественного ума. Артикуляция пропозиций происходит в ходе интенсивной работы по трансформации, уточнению, переопределению изначально невнятной, невыраженной субстанции. Процесс трансформации предполагает включение действующих лиц пропозиции в новые соединения, альянсы, уточнение определений формирующейся сущности, что в итоге и даёт новую сущность. Описывая в работе «Надежда Пандоры» участие Пастера в становлении «молочной закваски», Латур делает явленным процесс становления новой субстанции. Он пишет: «Чем больше работы делает Пастер, тем более независимой становится молочнокислая закваска, поскольку она теперь гораздо лучше артикулирована благодаря искусственной среде лаборатории, пропозиция, которая ни в коей мере не похожа на фермент. Молочнокислая закваска теперь существует как отдельная сущность, потому что она ясно сформулирована столькими людьми, в стольких активных и искусственных условиях» [11, с. 144]. Заявление Латура о том, что в качестве пропозиций могут быть рассмотрены любые акторы, позволило Харману утверждать, что в отсутствие людей множественные пропозиции продолжали бы связываться друг с другом, порождая новые типы акторов. Приведём здесь цитату из его работы «Принц сетей»: «Если бы Пастер и все остальное человечество были уничтожены, на сцене все равно остались бы многочисленные акторы; предположительно, различные материалы продолжали бы бродить в наше отсутствие. ...Могут быть “пропозиции”, связывающие химические вещества с другими химическими веществами и деревянными бочками спустя много времени после того, как великая ядерная катастрофа уничтожит всех людей» [4, с. 83].

В следующем своём проекте «Модусы существования» [13] Латур вводит новое понятие “preposition”, которое будет задавать особые векторы для пропозиционных связей, зависящие от того модального режима, в котором данные пропозиции будут реализовываться.

Подведём итоги анализа влияния философии Уайтхеда на акторно-сетевую теорию Латура в части процесса становления событийности. Мы подробно рассмотрели понятийные области двух эмпирических онтологий: акторно-сетевой теории Латура и философии процесса Уайтхеда. В фокус нашего внимания попали категории: актор-сеть, социальное, взаимодействие и изменение событий, перевод (Латур); а также событие, процесс становления актуальной сущности или «сращение», структура эмпирического опыта, пространственно-временной

континуум, область вечных объектов, субстанциональная активность, пропозиция (Уайтхед). Детальный анализ позволил определить как области пересечения, так и зоны расхождения концептуальных уровней.

Зоны концептуального сходства. Следует сказать, что и эмпирическая философия Уайтхеда, и акторно-сетевая теория Латура исходят в своих изначальных посылах из процесса становления. На место вечной и неизменной субстанции Бога заступает процесс, что приводит к смещению интереса на уровень событийности. Сходны оба автора и в понимании природы событийности. И действительные происшествия Уайтхеда, и акторы Латура характеризуются предельной конкретностью и одномоментностью, а процесс их становления описывается как «сращение» многого в единое. Конституирование пространственно-временного континуума происходит по мере становления событий, что приводит к множественности пространственно-временных миров.

Основные различия выявились на уровне структуры эмпирического опыта. Это, прежде всего потенциальная область вечных или чувственных объектов, которые есть у Уайтхеда и отсутствуют у Латура. Логика разворачивания акторно-сетевой теории Латура предполагает исключение чувственных объектов из эмпирического поля. Не находим мы в ANT и субстанциональной активности, или Бога, лежащего в основании всех действительных событий и вечных объектов и ответственного за процессы изменения и взаимоотношения событий, а также за их обновление или новизну. В ANT мы имеем дело только с уровнем актуальных происшествий, не предполагающим зону потенциального. Однако именно зона потенциального в философии Уайтхеда сообщала событиям устойчивость и повторяемость. Посредством чего же обеспечивается устойчивость, воспроизведение и стабильность событий в сетевой логике Латура? Эту функцию у него берут на себя институты стандартизации, учебные пособия и т.п. Для существования сетей ведётся постоянная работа акторов по поддержанию внутрисетевых связей, соблюдается строгое воспроизведение правил эксперимента, обеспечивается точное перенесение практики из одной локации в другую и многое другое. Всё это требует больших денежных затрат. По сути, из процессуальной области вечных объектов Латур спускается в интенсивные зоны чистой событийности.

Убирая Бога из своей эмпирической онтологии, Латур возлагает всю ответственность за локальные взаимодействия на посредников, в роли которых теперь может выступать любая сущность. В работе «Принц сетей» Харман определяет проект Латура как «светский окказионализм», сущность которого заключается в том, что актанты или локальные посредники приводят в контакт различающиеся сущности, обеспечивая их связь и трансформацию. До Латура привилегия взаимосвязи событий принадлежала либо Богу, либо человеческому сознанию, в котором все вещи уже заранее были связаны в те или иные союзы посредством привычки.

Выделяющейся фигурой в вопросе о возможном взаимодействии вещей, по мнению Хармана, является Уайтхед. Полагая вещи как актуальные сущности, философ говорит о том, что они полностью определяются своими отношениями, которые он называет схватываниями или внутренней реальностью вещи. Уайтхед выделяет два уровня реальности: уровень действительности, представленный актуальными событиями и уровень возможности или потенциальности, представленный вечными объектами. Именно через вечные объекты, которые находятся в Боге, происходит взаимодействие или сообщение вещей. Таким об-

разом, делает вывод Харман, решение Уайтхеда тоже можно обозначить как окказионалистское, хотя, безусловно, и имеющее обновлённый характер.

Уровень траекторий. Концептуальные конstellляции АИМЕ переводят вопрос о влиянии философии Уайтхеда на Латура в подвижные зоны ценностных траекторий, которые обеспечивают процессы становления связей между событиями, а также их трансформацию. Как мы предположили выше, этот уровень, по всей вероятности, близок к тому, что Уайтхед называет процессом «перехода» или перемещения между событиями. Рассмотрим подробнее означенный процесс «перехода», как он понимается Уайтхедом.

Говоря о «переходе», Уайтхед имеет в виду внешние отношения события. Размышляя над тем, каким образом объективированные актуальные сущности, полученные в процессе «сращения», могут выступать конституирующими элементами для новых событий, он говорит о креативности. С креативностью ситуации становления нового события тесно связано понятие «актуального мира» этого события. Речь идёт о том, что ещё до своего «вхождения» в зону актуализирующейся событийности объекты восприятия, или сформировавшиеся актуальные сущности, определённым образом комбинируются, т.е. приобретают внутреннее единство, которое будет отличать именно это событие опыта. В таком виде образовавшаяся комбинация представляет собой актуальный мир, обладающий творческой активностью и реализующийся в становящемся событии опыта. «Никакие две актуальные сущности, – пишет Уайтхед, – не возникают в одинаковом универсуме; хотя различие между двумя универсумами состоит только в некоторых актуальных сущностях, присутствующих только в одном из универсумов, и в производных сущностях, которые каждая актуальная сущность привносит в мир» [12, с. 22–23].

Категория «перехода» открывает возможность движения в сторону аналитики эволюционных процессов в универсуме, а также понимания взаимообусловленности организмов и окружающей среды. Взаимопроникновение или взаимодействие событий в философии процесса становится возможным через посредство вечных объектов. Благодаря модальному вхождению в актуальные события, вечные объекты могут принадлежать в каком-либо из своих аспектов одному событию, и в то же самое время участвовать через этот же или иной аспект в оформлении другого события. Именно через вечные объекты происходит взаимодействие или сообщение вещей. Аспекты чувственных объектов формируют событийную структуру, а также запускают процессы её изменения. С областью вечных объектов связано свойство событий, которое Уайтхед называет устойчивостью. Устойчивость – это повторение структуры события, в которой сохраняется изначальная его целостность с тем же соотношением и следованием частей. Об этом уже шла речь выше, когда мы описывали процесс «сращения». Теперь же добавим, что свойством устойчивости обладает не только внутренняя, конституирующая событие структура отношений (уровень «сращения»), но также и внешняя, выступающая для данного события в качестве его окружения или актуального мира (уровень «перехода»). Таким образом событие встраивается в общий порядок иных событий, которые могут его изменять.

Каждая актуальная сущность, будучи включённой в более глобальную структуру как её часть, содержит в себе аспекты этой общей структуры. Изменения, происходящие на уровне большего структурного образования, транс-

формируют также бытие каждой входящей в него индивидуальной сущности. «Согласно этой теории, эволюция законов природы совпадает с эволюцией устойчивой структуры. Ибо общее состояние универсума, наблюдаемое в настоящий момент, частично определяет каждое состояние сущностей, способ функционирования которых выражают эти законы. Общий принцип состоит в том, что в новой окружающей среде происходит эволюция старых сущностей и переход их в новые формы» [7, с. 167]. Каждое событие имеет свою собственную историю, которая включает в себя предшествующую комбинацию условий внешней среды.

Итак, мы рассмотрели процесс установления связей между событиями, а также сказали о взаимообусловленности организмов и окружающей среды в философии Уайтхеда. Теперь перейдём к проекту модусов существования Латура. Главные вопросы, которые задаются Латуром в связи с его попыткой перехода от теории сетей к концептуальному полю модальных режимов существования, звучат следующим образом: как в условиях отсутствия единой субстанции происходит удержание вещами своего существования, сколько способов существования вещей мы можем обнаружить, сколько существует типов связи между вещами? А также, какова природа ценностных траекторий, которые обеспечивают связь событий внутри модальных логик? Ответы на эти вопросы требуют обращения к описанию проблемных зон эмпирического поля модусов существования.

В ходе эмпирических исследований Латуром и его коллегами было выявлено 15 различных модальных режимов. Все они были протестированы на способы, которыми сущности удерживают себя в существовании, а также на типы связи между разнородными элементами в сериях модальных ассоциаций. По Латуре каждый модус предлагает свои особые способы поддержания бытия. Кроме того, каждый модус устанавливает свои специфические способы определения условий или порядков истинности опыта. Модусы конституированы следующими концептами: траекториями изменений, препозициями, альтерациями, хиатусами, бытием-как-иным, условиями успешности/неуспешности бытия, включающими различие между истинным и ложным; категориальными ошибками, ценностями, институтами. Перечисленные понятия, по утверждению Латура, также были обнаружены эмпирическим путём и изменялись в зависимости от модальности.

Все модусы характеризуются особыми циркуляциями, именуемыми траекториями изменений. В ANT Латура мы уже имели дело с циркуляциями. Однако там речь шла о сетях, представляющих собой трансформирующиеся серии разнородных элементов или ситуаций, в которых актаны связывались друг с другом посредством процедуры, получившей название перевода. Именно перевод осуществлял транспортировку трансформаций в той или иной сети. Однако в ходе многочисленных исследований различных ассоциаций были обнаружены пределы или ограничения сетевого анализа. Выяснилось, что с помощью анализа сетей можно обнаружить множество нетривиальных серий ассоциаций в любой области эмпирического опыта, но невозможно выявить уникальность и разнообразие способов изменения этих ассоциаций, способов связей характерных для их элементов, множественность онтологических режимов разворачивания эмпирического опыта. Сеть обнаруживала изменения, но ничего не говорила об их специфике. Кроме того, сетевые процессы оказались закрытыми и стандартизованными.

В работе «Исследование модусов существования» [13] Латур рассматривает сеть как один из модусов среди прочих. Теперь он проводит различие между типами циркулирующих в сети ценностей, задающих особые типы связей, и разнообразием ассоциаций, собирающих сети. В АИМЕ циркуляции или модальные траектории, приобретают ценностный аспект и становятся ответственными за установление особых специфических связей или переходов между событиями, что сообщает неповторимость каждому модальному режиму и позволяет говорить о множественных онтологиях. Ценностные циркуляции определяют тип связей, характерный для траекторий того или иного модуса; принципы суждений, позволяющие решать вопрос об истине внутри модуса; а также задают траекториям непрерывность. Любая ситуация или событие получают своё значение в зависимости от того способа связей, который задан ценностными циркуляциями в конкретном модусе. Поэтому одна и та же ситуация может быть понята по-разному в разных модальных режимах.

Резюмируя сказанное, Латур говорит о возможности понимания любой ситуации с помощью двух типов данных: «...во-первых, очень общих данных типа (NET), которые не говорят нам ничего, кроме того, что мы должны пройти через неожиданные ассоциации; и, во-вторых, что в каждом случае мы должны добавлять что-то к этим данным, что позволит нам определить качество рассматриваемой деятельности. Первый тип данных позволит исследовать необычайное разнообразие ассоциаций, определяющих приключения современников; второй – разнообразие ценностей, которые они, кажется, лелеют. Первый список не определён, как и объекты, которые могут быть связаны в сети; второй конечен, как и ценности, которые современники научились защищать» [13, с. 42]. Прочтение ситуации в сетевом срезе становится возможным благодаря тому, что все модальные траектории циркулируют по законам логики сетей. Здесь по-прежнему сохраняется различие между тем *что* циркулирует и сплетением гетерогенных элементов, делающих эту циркуляцию возможной. Ценностные циркуляции также как и сети имеют скачки, прерывания, разрывы. Однако, в отличие от сетей, они приводят не столько к возникновению разнородных списков коллективов, сколько к определённому типу непрерывности, создаваемому, к примеру, юридическими средствами/процедурами в праве или доказательствами существования явления – в науке. Режим ценностных циркуляций позволяет выявить что-то такое в каждой модальности, что характеризует её и что сохраняется, несмотря на все происходящие преобразования.

Обратимся к анализу конкретных режимов ценностных циркуляций, что позволит нам приблизиться к пониманию эмпирической природы множественных бытийных модальностей. Выберем для анализа четыре модуса: модус препозиции (PRE), модус привычки (HAB), модус организации (ORG) и модус права (LAW). Начнём с модуса организации (ORG).

Латур приступает к аналитике данного модуса (ORG) после того, как сталкивается с тремя разрывами в определении понятия института Экономики, которое дают информанты [13, с. 386–388]. Бессвязность, которая обнаруживается в определениях информантов, позволяет Латуру предположить, что речь здесь идёт о трех различающихся модальных логиках: интереса или привязанности (ATT), организации (ORG) и морали (MOR). Иными словами, понимание природы экономической области формируется на пересечении трех модальных режимов.

Ключом или предпосылкой, позволяющей определить вектор или тональность каждого модального режима, его *как*, является модус (PRE), предлог или

препозиция. Именно этот модус задаёт направление или ключ для интерпретации конкретной модальности, а также позволяет нам сравнивать способы или типы соединений, характерные для того или иного модуса. Каждый раз, подступаясь к новой онтологической модальности, Латур начинает с поиска предлога (PRE), который задаёт ключ к пониманию общей смысловой настройки модуса и позволяет определить направление модальной траектории.

Категорией, тесно связанной с модусом препозиции (PRE), является категориальная ошибка. Латур говорит о двух видах возможных ошибок: об ошибках первой степени, к ним относятся ошибки чувств; и ошибках второй степени, здесь речь идёт о выборе ошибочного направления для интерпретации того или иного события. Иными словами, во втором случае происходит сбой при выборе нужного модального режима, соотносясь с логикой которого событие следует понимать. Под вопросом оказывается порядок истинности, устанавливающийся в результате определения принципов суждения, характерных для данного модуса.

Для нахождения предлога (PRE) для модуса организации (ORG) Латур задаётся следующим вопросом: что значит действовать и говорить организационно? [13, с. 389]. При этом он, как и в исследовании других модусов, предостерегает нас от неверного хода в анализе новой траектории: от обращения к «организованным существам», вместо прослеживания самого проскальзывающего организующего акта или действия. В данном случае под организующим актом понимается конкретная эмпирическая ситуация встречи двух друзей, Петра и Павла, на Лионском вокзале. Именно эта встреча в течение некоторого времени будет организовывать жизнь двух людей и определять все их действия. Латур называет этот организующий акт сценарием или циркуляцией сценариев. Траектории, прочерчиваемые такими сценариями, отличаются от иных модальных траекторий, т.к. задают свои специфические условия истинности и успешности/неуспешности бытия. Здесь показателем успешности сценария или критерием истинности будет состоявшаяся встреча двух друзей. Именно момент встречи будет означать полную реализацию сценария. Латур пишет, что процесс становления сценариев имеет прерывистый ритм и характер и, что через серию разрывов и нестыковок между ними, реализуется инобытие организующего акта. Непрерывность сценарная траектория получает только после прохождения через серию разрывов. Она выстраивается путём сложной стыковки и подгонки множества различающихся и несинхронных сценарных вариаций. Можно сказать, что именно изначальная сценарная дезорганизация порождает в итоге новую непрерывность. Ещё раз повторимся, что траектории модального режима организации (ORG) конституируются организующим актом или сценарными циркуляциями. Организации объясняются сценарными траекториями, а также способностью сценариев соединяться между собой. Именно сценарные траектории поддерживают сами организации в существовании. Сценарий, в данном случае, исполняет роль перформатива. Ключевая фраза конкретного сценария запускает ситуацию конкретного сценарного события. Траектории сценариев задают ритм, упорядочивают, визуализируют. Чтобы почувствовать непрерывность модальной траектории организации, нужно суметь оказаться внутри хаотичного потока сценариев, почувствовать его ход, циркуляцию.

Как видим, внимание к разрывам, которые слышались в определениях современного института Экономики, позволило Латуру развернуть аналитику

данного института на совершенно иных онтологических основаниях, используя логику модусов существования или циркуляцию ценностных траекторий. Работа в означенной логике дала Латуру возможность сделать улавливаемым «определённое количество тональностей или длин волн» нового эмпирического опыта, явить саму живую ткань этого опыта. Результатом проделанной работы стала трансформация сущности современной Экономической институции, понимание того, что её становление происходит на пересечении нескольких модальных режимов.

Следует сказать, что в модальной логике Латура за установление непрерывности траекторий отвечает особый модус – модус привычки (HAB). Способность чувствовать эту непрерывность, тесно связана с фигурой эксперта модального режима, для которого эта непрерывность становится очевидной благодаря его прохождению через серию разрывов. Именно навык непрерывного и осмысленного движения по заданной траектории отличает фигуру эксперта. Для непосвящённых – модальная траектория постоянно прерывается (*hiatus*), переходы от момента к моменту лишены внятной связи, действия экспертов вызывают подозрения. Возможность экспертного поведения задаётся особой чувствительностью или способностью подключаться к ценностным циркуляциям конкретного модуса. Непрерывность траекторий – результат постоянного перехода между ситуациями через разрывы. Внутренняя непрерывность траекторий, а также чувствительность экспертов к этой непрерывности, обеспечивают возможность преемственности в модусе. Таким образом, постоянные модальные трансформации позволяют говорить о возможном сохранении уникальной и непрерывной природы каждого модуса. И эта возможность обеспечивается модусом (HAB), отвечающим за преемственность. Именно модус привычки (HAB) гарантирует институциональное закрепление ценностей, а также содержит потенцию на возможные институциональные изменения под воздействием изменяющихся ценностных циркуляций.

На понятии преемственности следует остановиться подробнее. Как это ни парадоксально, но разговору о преемственности Латур предпосылает разговор о конкретных изменениях, которые являются своего рода результирующей процессов переходов и перерывов, и извлекаются из бытия-как-иного. Переходы и перерывы завершаются созданием моментов *до* и *после* конкретного события. Между *до* и *после* вставлен хиазм или разрыв, который необходимо обязательно пересечь, чтобы получить непрерывность траектории. Именно переход через конкретную прерывность позволяет получить на выходе непрерывную модальную траекторию или сформироваться привычке. Латур говорит, что особенностью всех модальных режимов является то, что они «...не архивируют свои последовательные сдвиги или переводы. Они, конечно, оставляют после себя следы; они начинаются снова, каждый использует предыдущие, но они не возвращаются назад, чтобы сохранить следы своих движений. Предшественники исчезают, как только преемники вступают в права. Вот что они делают: они передают; они указывают путь» [13, с. 369].

Из сказанного возникает вопрос, как же в таком случае возможна преемственность? Покажем это на примере модуса права (LAW): «Чтобы обеспечить преемственность, несмотря на прерывность, закон связывает друг с другом различные уровни, которые, смещаясь вовне, продолжают множиться» [13, с. 369]. Именно на закон возложена миссия присоединения и стыковки различных уровней, высказываний, действий, текстов, не вызывающая рассе-

яния систем. Закон – это вопрос о возможности пути или перехода от высказывания к высказыванию, от события к событию. Закон в правовой циркуляции – это то, что циркулирует внутри юридических переходов и позволяет в конечном итоге экспертам права усматривать непрерывность там, где другие видят только разрывы и смещения. «Хотя на самом деле нет ни реальной преемственности направлений действий, ни стабильности субъектов, закон успешно производит чудо продолжения действия, как если бы мы были соединены определёнными связями с тем, что мы говорим и что делаем. То, что вы сделали, подписали, сказали, пообещали, дали, вовлекает вас. Вот как закон умудряется сохранять следы всех способов действия, при условии, что он сохраняет как можно меньше» [13, с. 370]. Можно сказать, что в понятие закона вписана «процедурность» правового режима, включающая в себя такие события как подпись, вменение, квалификация, ответственность, вина, полномочия и др. Закон связывает персонажей с их действиями, делая первых виновными, ответственными, наделёнными полномочиями и т.п. «И это даёт нам право, – говорит Латура, – сказать, что “без закона” источник высказывания было бы просто невозможно распознать» [13, с. 370–371].

Подведём итоги. Основными концептами, которые конституируют поле множественных модальностей в АИМЕ, являются ценностные траектории и модус препозиции (PRE), задающий траекториям направление, вектор, тип колебаний и др. Полагаем, что наше предположение о том, что траектории Латура – это то, что Уайтхед называет «переходом» между событиями, имеет под собой основание: модальные траектории представляют собой вариативность связей и движений между событиями опыта, сообщают опыту непрерывность и отличаются для каждой конкретной модальности.

Рассмотрев точки влияния философии Уайтхеда на акторно-сетевую теорию Латура, мы выяснили, что из АСТ исключена потенциальная область вечных объектов. Что касается проекта АИМЕ, полагаем, что вечные объекты все же нашли в нем своё место. Это циркулирующие модальные траектории, которые обеспечивают связь и переходы в интенсивной зоне событийности. Мы помним, что в философии процесса область вечных объектов понималась Уайтхедом как процессуальная и, следовательно, как способная к изменениям. Ценностные траектории Латура также характеризуются изменчивостью и способностью к трансформациям. Можно сказать, что траектории изменений – это перспектива или горизонт для актуализаций событийности, реализация которого происходит в разных направлениях, по множественным векторам и одновременно с событиями. Помимо изменений, потенциальная область вечных объектов – это то, что сообщает устойчивость в философии процесса Уайтхеда. Латуру также нужна область, которая обеспечивала бы стабильность и преемственность ценностей, но в то же время была открыта изменениям. Поэтому он и перенимает у Уайтхеда те импульсы и характеристики потенциальности, которые характеризуют вечные объекты.

Отношение ценностных модальных траекторий с фигурой эксперта, возможность подключения эксперта к циркулирующей траектории отсылает нас к темам взаимообусловленности организмов и окружающей среды и эволюционных процессов в философии Уайтхеда.

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что ценностные траектории Латура по своей природе могут быть соотнесены также и с понятием виртуального Делёза. Но это тема для отдельного исследования.

Заключение. В заключение кратко суммируем выводы, которые были сделаны в конце двух глав, посвящённых исследованию событийности и процессуальных зон перехода между событиями, и которые позволили подвести итог сравнительного анализа и выявить концептуальные зоны вхождения в эмпирический проект Латура философских идей и концептов метафизики Уайтхеда.

Прежде всего, отметим, что и в философии процесса Уайтхеда, и в эмпирических проектах Латура на первый план выходит объективность.

И у Уайтхеда, и у Латура устраняется понятие субстанции, и в зону философского интереса попадает категория события. Аналитика понятийных комплексов акторно-сетевой теории развернулась на уровне исследования процесса становления событийности. В ходе работы с концептуальным аппаратом АНТ был сделан вывод о том, что Латур, заимствуя отдельные категории и онтологические схемы из философии процесса Уайтхеда, исключил из своего проекта субстанциональную активность Бога и потенциальную область вечных объектов. Это вывело его онтологию на уровень актуальной событийности и поставило перед необходимостью поиска средств, которые смогли бы обеспечить сетям устойчивость, повторяемость и стабильность. Исключение Бога из эмпирической онтологии привело также к тому, что за процессы взаимодействия и трансформации в сетях стали отвечать сами акторы, что позволило Харману определить проект Латура как «светский окказионализм».

Понятийный аппарат АИМЕ перевёл анализ в зоны модальных траекторий и связей и переходов между событиями. На этом уровне анализа было высказано предположение о существенном сходстве потенциальной области вечных объектов Уайтхеда и ценностных траекторий Латура и нахождении места для области потенциальности в онтологическом проекте модусов существования. Также, в качестве рабочей гипотезы, было сделано предположение, что ценностные траектории по своей природе соотносимы с категорией виртуального Делёза.

Кроме того, в ходе нашего исследования нашла подтверждение гипотеза о сопоставимости разрабатываемых в философии процесса Уайтхеда категорий «сращения» и «перехода» с понятиями актор-сеть и ценностными траекториями Латура.

Библиографический список / References

1. Столярова О. Е. Реляционная онтология А. Н. Уайтхеда и её конструктивистская интерпретация // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 84–103. EDN [JUGPXB](#).
Stoliarova O. E. Relational ontology of A. Whitehead and its constructivist interpretation. *Voprosy Filosofii*. 2008;(12):84–103. (In Russ.).
2. Волкова Н. А. Возвращение модусов существования Латура к «радикальному эмпиризму»: от препозиций к аффордансам // Социология власти. 2019. Т. 31, № 2. С. 92–115. DOI [10.22394/2074-0492-2019-2-92-115](#). EDN [YFHSWI](#).
Volkova N. A. The return of Latour's modes of existence to "radical empiricism": from prepositions to affordances. *Sociology of Power*. 2019;31(2):92–115. (In Russ.). DOI [10.22394/2074-0492-2019-2-92-115](#).
3. Астахов С. С. Проблема контингентности в акторно-сетевой теории : дисс... канд. филос. наук : 09.00.01 / Астахов Сергей Сергеевич. Москва, 2017. 176 с. EDN [ZTDRYL](#).
Astakhov S. S. The problem of contingency in the actor-network theory: candidate degree thesis. Moscow, 2017. (In Russ.).
4. Harman G. *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: Re.Press; 2009. ISBN 978-0-9805440-6-0.
5. Latour B., Harman G., Erdelyi P. *The Prince and the Wolf: Latour and Harman at the LSE*. Winchester: Zero Books; 2011. ISBN 978-1-84694-422-2.

6. Latour B. Reassembling the social: An introduction to Actor-network theory. New York: Oxford University Press; 2005. ISBN 0-19-925604-7.
7. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / Общ. ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. М. : Прогресс, 1990. 717 с. ISBN 5-01-001591-9.
Whitehead A. N. Selected Works on Philosophy. Ed. by M. A. Kissel. Moscow: Progress; 1990. (In Russ.). ISBN 5-01-001591-9.
8. Whitehead A. N. Process and Reality. An Essay in Cosmology. Gifford Lectures Delivered in the University of Edinburgh During the Session 1927–1928. New York: Macmillan Publishing Co.; 1929.
9. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Общ. ред. и послесл. В. А. Подороги. М. : Логос, 1997. 264 с. ISBN 5-8163-003-2.
Deleuze G. Le Pli. Leibniz et le baroque. Moscow: Logos; 1997. (In Russ.). ISBN 5-8163-003-2.
10. Федорова С. А. Актанто-ризомная онтология Б. Латура // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 249–261. DOI [10.17223/1998863X/37/25](https://doi.org/10.17223/1998863X/37/25). EDN YLECVR.
Fedorova S. A. Actant-rhizome ontology of B. Latour. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2017;(37):249–261. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/37/25](https://doi.org/10.17223/1998863X/37/25).
11. Latour B. Pandora's hope: essays on the reality of science studies. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 1999. ISBN 0-674-65335-1.
12. Whitehead A. N. Process and Reality. An Essay in Cosmology. Gifford Lectures Delivered in the University of Edinburgh During the Session 1927–1928. Ed. by D. Griffin and D. Sherburne. New York: Macmillan Publishing Co.; 1978. ISBN 0-02-934580-4.
13. Latour B. An Inquiry into Modes of Existence. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 2013. ISBN 978-0-674-72499-0.

Поступила: 21.10.2024. Доработана: 25.11.2024. Принята: 02.12.2024.

Сведения об авторе:

Федорова Светлана Александровна, аспирант (кафедра теории и истории социологии), Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия. svetlanaun@yahoo.com
Author ID РИНЦ: 889351

S. A. Fedorova^{1*}

¹ St Petersburg University. St. Petersburg, Russia

COMPARATIVE ANALYTICS OF EMPIRICAL ONTOLOGIES OF A. N. WHITEHEAD AND B. LATOUR

Abstract. The article defines and problematizes the zones of influence of A. N. Whitehead's philosophy of the process on actor-network theory and philosophy of modes of existence of B. Latour. Analytical procedures are implemented in the empirical field and touch upon such important topics as: changing the direction of the research vector from being to flux, revealing the structure of empirical experience, understanding the processual nature of the event, defining zones of transitions between events, etc. The study is conducted consistently at two levels: the level of eventfulness and the level of value trajectories. The following thesis is put forward as a working hypothesis: two types of flux in Whitehead – “conrescence” and “transition” – are correlated with Latour's the concepts actor-network and trajectories of modes of existence. In addition, regions of conceptual differences between the two empirical ontologies are revealed. The absence of a potential area of eternal objects in the actor-network theory is the main one. Latour's elimination of eternal objects, which are of primary

* Academic coordinator – Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, Professor, St Petersburg University (St. Petersburg, Russia). ORCID: [0000-0002-7622-4022](https://orcid.org/0000-0002-7622-4022).

importance in Whitehead's philosophy, brings his ontological project to the level of actual eventfulness and confronts the need to search for means that provide networks with repeatability, sustainability and stability. Turning to Latour's late project – the philosophy of modes of existence – shows that the area of the potential, taken beyond the framework of actor-network theory, nevertheless appears in his new metaphysical project. According to the author of this article, these are value modal trajectories. In conclusion, a suggestion is made that value modal trajectories can be compared with the category of the virtual in the philosophy of J. Deleuze.

Keywords: empirical ontology, philosophy of process, actor-network theory, philosophy of modes of existence

For citation: Fedorova S. A. Comparative analytics of empirical ontologies of A. N. Whitehead and B. Latour. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):150–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.10>

Received: 21.10.2024. Corrected: 25.11.2024. Accepted: 02.12.2024.

Information about the author:

Svetlana A. Fedorova, Postgraduate Student (Department of Theory and History of Sociology), St Petersburg University. St. Petersburg, Russia. svetlanaun@yahoo.com

EDN РТРВНН
УДК 394.46

ТОЩЕНКО ЖАНУ ТЕРЕНТЬЕВИЧУ, ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАН — 90 ЛЕТ!

3 января 2025 года исполняется 90 лет члену редколлегии нашего журнала, члену-корреспонденту РАН, почётному доктору Института социологии ФНИСЦ РАН, широко известному и уважаемому в нашей стране и за рубежом советскому и российскому социологу-исследователю, педагогу, просветителю научного знания и организатору науки **Жану Терентьевичу Тощенко.**

Жан Терентьевич последовательно и достойно прошёл путь профессионального становления и академического признания учёного-социолога, начав его Сталинским и Ленинским стипендиатом исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (1957), а затем продолжив по комсомольской путёвке строителем железной дороги Абакан-Тайшет. В работе на предприятиях, в научных, образовательных, комсомольских организациях Сибири он приобрёл опыт проведения социологических исследований. В 1967 году защитил сначала кандидатскую «Социальное планирование в системе научного управления обществом», а затем в 1973 докторскую «Методологические проблемы социального планирования» диссертации. По словам самого Жана Терентьевича, именно работа в Сибири «сделала из него социолога». После приглашения на работу в Академии общественных наук при ЦК КПСС он работал заведующим отделом, руководителем кафедры, директором Центра социологических исследований. С 1992 г. работал в Российской академии управления, Госкомфедерации и в Институте социально-политических исследования РАН. В 1995 г. Ж. Т. Тощенко стал главным редактором, а с 2018 г. председателем редакционного совета журнала «Социологические исследования». Под его руководством в непростой период радикальных трансформаций в нашей стране журнал сохранил и нарастил критерии и эталоны академической научно-критической работы в сфере социальных и гуманитарных наук. В мае 1997 года Ж. Т. Тощенко был избран членом-корреспондентом РАН по Отделению философии, социологии, психологии и права.

Педагогический и организаторский талант профессора Ж. Т. Тощенко раскрылся в Российском Государственном Гуманитарном Университете, в 1996 году он возглавил общеуниверситетскую кафедру социологии, заложив фундамент факультета социологии. Постепенно в РГГУ сложилась научно-образовательная школа Ж. Т. Тощенко. Теоретической основой её деятельности стала концепция социологии жизни, концептуальное обоснование которой представлено в авторской монографии «Социология жизни»¹ (2016).

Ж. Т. Тощенко считает, что в социологической науке после второй мировой войны доминировали две основные парадигмы. Первая – социологический реализм, в которой объектом исследования является об-

щество, социальная структура, социальные институты. Во второй парадигме, социологическом номинализме, объектом исследования выступает человек, личность, социальные группы и общности. Со временем научного признания заслужила и парадигма социального конструктивизма, которая в отечественной науке связана с именами А. А. Богданова и Л. С. Выготского. Именно в рамках конструктивизма Ж. Т. Тощенко обосновал возможность трактовки социологического знания как социологии жизни, где объектом исследования является гражданское общество, а предметом – жизненный мир с реально функционирующим общественным сознанием, деятельностью человека и общества в объективных условиях социальной макро-, мезо- и микросреды. Согласно концепции, для изучения жизненного мира людей социологу необходим комплексный подход, позволяющий соединить намерения, мотивы, интересы человека с его реальной деятельностью в конкретных исторических условиях.

Область научных интересов юбиляра этим далеко не ограничивается. Ж. Т. Тощенко ввёл в научный оборот понятие социального настроения² и является автором концепции парадоксального человека как антиномич-

¹ Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М.: Юнити-Дана, 2016. 399 с. EDN [XFBQUJ](#)

² Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996. 195 с. EDN [SAPJBV](#).

ного феномена общественного сознания и социальной практики³. Научные интересы Тощенко тесно связаны и с социальными проблемами труда и управления, с анализа которых начинались его исследования в Сибири. Впервые в отечественной социологии выделил для исследования проблемы социальной инфраструктуры⁴. В фокусе исследовательского внимания учёного остаются методологические основы целенаправленного воздействия на общественные процессы, социальное планирование и социальное проектирование⁵. В 1980-х годах Тощенко углубился в политическую социологию. Анализ политических процессов в СССР, а позднее и постсоветского пространства позволил ему подготовить и выпустить шесть изданий учебника «Политическая социология»⁶. Особое место занимает анализ специфических политических процессов, представленный в монографии «Фантомы российского общества»⁷.

Исследовательский опыт позволил Ж. Т. Тощенко выйти на инновационное прочтение теории и практики использования социальных резервов труда. Он рассматривает генезис идей социологии труда через анализ раскрытия и использования социальных возможностей работника, исходя из реальной практики развития общества⁸. А кардинальные изменения на рынке труда привели к необходимости анализа проблемы занятости, что нашло отражение в монографии. В настоящее время руководимый им коллектив научных сотрудников занимается проблемами прекариата, ставшего характерной чертой всех социальных слоёв общества как в России, так и в мире⁹.

Один из первых в России авторских учебников «Социология»¹⁰ Ж. Т. Тощенко и двухтомный «Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник»¹¹ выдержали уже не одно издание. Жан Терентьевич – один из немногих членов-корреспондентов РАН, которые пришли

³ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с. EDN [REHEHF](#).

⁴ Тощенко Ж. Т. Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М.: Мысль, 1980. 206 с. EDN [JLYYOO](#).

⁵ Тощенко Ж. Т. Социальное планирование в СССР. М.: Политиздат, 1981. 320 с.; Тощенко Ж. Т., Литов Н. А., Лапин Н. И. Социальное проектирование. М.: Мысль, 1982. 254 с. EDN [OXDOMV](#).

⁶ Политическая социология: учебник для студентов вузов / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Юнити-Дана, 2002. 494 с. EDN [RBYFPH](#).

⁷ Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: ЦСПиМ, 2015. 669 с. EDN [TRUIJB](#).

⁸ Тощенко Ж. Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005. 333 с. EDN [RBGWBR](#).

⁹ Тощенко Ж. Т. Прекариат: От протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с. EDN [VKRCMM](#); От прекариатной занятости к прекаризации жизни / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022. 364 с. EDN [VOKUSY](#).

¹⁰ Тощенко Ж. Т. Социология : общий курс. М.: Прометей, 1994. 384 с. EDN [KJOIPB](#).

¹¹ Тезаурус социологии : Тематический словарь-справочник. Книга 1 / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Юнити-Дана, 2009. 487 с. EDN [QBIQET](#); Тезаурус социологии. Книга 2 / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Юнити-Дана, 2013. 415 с. EDN [QVIMPH](#).

в высшую школу, чтобы заниматься ответственным делом образования и воспитания молодых учёных, новых поколений социологов-профессионалов. Среди многочисленных заслуженных почётных наград на этом поприще можно выделить: медаль «За безупречный труд и отличие III степени» (2022 г.); золотую медаль имени Н. Д. Кондратьева «За вклад в развитие общественных наук» (2020 г.); золотую медаль имени М. Ковалевского «За вклад в социологию» (2018 г.). Подводит итог многолетней научной и образовательной деятельности Почётная грамота Президента Российской Федерации (5 февраля 2024 года) – за заслуги в развитии отечественной науки, многолетнюю плодотворную деятельность и в связи с 300-летием со дня основания Российской академии наук.

Дорогой Жан Терентьевич, от всей души поздравляем Вас с 90-летним юбилеем служения Добру, Истине, Справедливости! Новых Вам свершений во имя Науки и Образования!

**Коллектив учёных Института социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН
Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество»**

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук
Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ и перечень ВАК.

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте

<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал
«Наука. Культура. Общество» обязательна.

2024. Том 30. № 4. Дата выхода в свет: 17.12.2024.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1

Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru